

2022

Том 13. № 2

2022. Vol. 13. No. 2

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Гражданская активность
в России: институты
и мотивации**

/ субъективный властный статус

/ гражданская активность поколений

/ конспирологический тренд

/ профессиональные сообщества
учёных

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2022

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2022. Том 13. № 2

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2022

© Vestnik instituta sotziologii, 2022

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political Processes of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Politology and Political Sociology of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О Выпуске	8
Тема номера:	
Гражданская активность в России: институты и мотивации	13
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Динамика субъективного властного статуса.....	13
<i>Парма Р. В.</i> Гражданская активность поколений в современном российском обществе	31
<i>Шашкова Я. Ю., Качусов Д. А.</i> Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири	48
<i>Воронина Н. С., Башева О. А.</i> Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса.....	65
Социальные трансформации эпохи постмодерна: реакции и рефлексия	91
<i>Сергеев В. Н.</i> Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения	91
<i>Рассолова Е. Н., Галкин К. А.</i> Профессиональные сообщества молодых учёных перед лицом неопределённости современного мира. Кейс российских научных центров (по данным качественного исследования)	114
Теоретико-методологические проблемы современной социологии.....	137
<i>Денисова Г. С., Полонская И. Н., Сусименко Е. В.</i> Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии	137
Самооценка и ценностные предпочтения российской молодёжи.....	159
<i>Мареева С. В.</i> Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность.....	159
<i>Чигрин В. А., Зоткин А. А., Городецкая Е. Г., Узунов В. В.</i> Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым	184
Трибуна молодого учёного	200
<i>Закиров И. З.</i> К вопросу о философско-методологических основаниях теории устойчивого развития в социальных науках	200

Contents

About the Issue	8
Topic of the Issue:	
Civic Engagement in Russia: Institutions and Motivations.....	13
<i>Kozyreva P. M., Smirbov A. I.</i> Dynamics of Subjective Power Status....	13
<i>Parma R. V.</i> Civil Activity of Generations in Modern Russian Society...	31
<i>Shashkova Ya. Yu., Kachusov D. A.</i> Classification of Network Social Movements in the Cities of Southwestern Siberia Regions.....	48
<i>Voronina N. S., Basheva O. A.</i> Motivation of Volunteers Involved in Emergency Situation Response: Results of a Mass Survey	65
Social Change in the Postmodern Era:	
Reactions and Reflections.....	91
<i>Sergeev V. N.</i> Conspiracy Trend in Everyday Practices of Social Reflection. Theoretical Generalisations	91
<i>Rassolova E. N., Galkin K. A.</i> Professional Communities of Young Scientists in the Face of the Uncertainty of the Modern World. Case of Russian Research Centers (According to a Qualitative Study)	114
Theoretical and Methodological Problems of Contemporary Sociology.....	137
<i>Denisova G. S., Polonskaya I. N., Susimenko E. V.</i> Actor-Network Theory: Innovative Aspects of Sociological Methodology	137
Self-Esteem and Value Preferences of Russian Youth.....	159
<i>Mareeva S. V.</i> The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality	159
<i>Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V.</i> Dynamics and Structure of Youth Preferences in the Information Space of the Republic of Crimea	184
Young Researcher's Tribune	200
<i>Zakirov I. Z.</i> On the Question of the Philosophical and Methodological Foundations of the Theory of Sustainable Development in the Social Sciences	200

О Выпуске

EDN: SAPPPC

Тема номера [«Гражданская активность в России: институты и мотивации»](#) появилась не случайно. Рубрики, посвященные исследованиям социального активизма в нашем журнале традиционны, однако, в последние годы данный феномен меняется не только в России, но и во всем мире, адаптируясь к непредсказуемости современного развития. Тема представлена статьями, в которых активность анализируются с различных ракурсов. Изучаются её основания и предпосылки, институционализация её новых форм, а также мотивы новых поколений активистов, что позволяет увидеть разнонаправленные тенденции современных трансформаций гражданской активности. Так, исследователи фиксируют её рост и ослабление одновременно. В статьях приводятся и объяснения наблюдаемого парадокса. В их числе изменение форм активизма, расширение процессов самоорганизации в сетевых сообществах, межпоколенческие различия в мотивах активистов и, что самое главное, в уровне их ответственности.

Открывает номер статья [Козыревой П. М. и Смирнова А. И.](#) (Москва) [«Динамика субъективного властного статуса»](#). Она содержит результаты исследования особенностей самоидентификации российских граждан во властном пространстве в постсоветском обществе. Самооценка властного статуса (в самом широком определении концепта власти) для гражданского активизма имеет особое значение, в значительной мере определяя активную или пассивную позицию гражданина. Исследование обнаружило позитивную, но весьма умеренную и не всегда последовательную динамику оценок российскими гражданами своего положения во властном пространстве. Россияне стали более оптимистично оценивать возможности своего влияния на происходящие события, в то же время многие из них продолжают ощущать себя не активными субъектами, а пассивными и беспомощными объектами в системе властных отношений. Установлена значимая обратная, но не сильная связь между самооценкой властного статуса и возрастом, а также более существенная положительная связь между субъективным властным статусом и уровнем образования и опосредованным с ним профессиональным статусом. Наиболее сильной является связь между оценками своего положения на шкалах власти и материального благосостояния. К значимым факторам, действующим в противоположном направлении, относится прекращение полноценного общения с другими людьми.

Статья [Пармы Р. В.](#) (Москва) [«Гражданская активность поколений в современном российском обществе»](#) посвящена возрастному аспекту гражданской активности, который в эпоху смены поколений

активистов приобретает особо важное значение. В работе представлены результаты исследования проявлений социальной активности представителями различных возрастных групп граждан РФ. Межпоколенческие противоречия и разрывы в современном российском обществе проявляются, прежде всего, в различиях систем ценностей, видения образа будущего, овладения цифровыми навыками, а также в формах активности и мотивациях гражданского участия. Автор приходит к выводу о низком потенциале гражданской активности, который связан в том числе и с тем, что, декларируя активную гражданскую позицию, в отличие от старших поколений, молодёжь не намерена прилагать значительные усилия и брать на себя ответственность в общественном участии. Развитию российского гражданского общества, по его мнению, может способствовать содействие государственных институтов, гармонизирующих отношения между поколениями.

В статье [Шашковой Я. Ю., Качусова Д. А. \(Барнаул\) «Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири»](#) представлены результаты исследования новых форм институционализации гражданской активности. Авторы изучают городские интернет-сообщества каузального характера регионов Юго-Западной Сибири. Информатизация современного общества в сочетании с процессами повышения уровня гражданского самосознания приводит к увеличению количества городских проблемных (каузальных) сообществ, росту числа их участников, созданию новых проектов. В статье выделены два основных вектора развития подобных городских сообществ: градозащитный и экологический. Между ними не существует жёсткого разграничения, так как решаемые ими задачи и состав участников частично совпадают. Набор применяемых данными сообществами методов крайне широк: информационные кампании в СМИ и Интернете, подача петиций и обращений, организация практической деятельности по направлению своей работы, просвещение граждан, проведение пикетов и других публичных мероприятий, налаживание контактов между гражданским обществом и властью.

Статья [Вороной Н. С. и Башевой О. А. \(Москва\) «Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса»](#) является продолжением опубликованной в последнем номере нашего журнала за 2021 год работы Вороной Н. С. «Мотивации волонтеров в условиях чрезвычайной ситуации». Обе статьи посвящены анализу относительно новой, но популярной и стремительно развивающейся в России формы активизма. Авторы анализируют мотивацию волонтеров, действующих в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС). Участие волонтеров рассматривается ими как реальный эффективный инструмент помощи официальным службам при реагировании на ЧС (наводнения, пожары, пропажа людей в природной и городской средах). Результаты массового опроса демонстрируют, что наиболее распространёнными мотивами волонтеров являются альтруистический (потребность в безвозмездной помощи людям) и личностный (характере-

ризующийся потребностью в саморазвитии). При выборе волонтерской организации добровольцы чаще всего ориентируются на круг проблем, которыми эта организация занимается, а также на возможность в её рамках данной организации реализовать собственный потенциал.

Рубрика [«Социальные трансформации эпохи постмодерна: реакции и рефлексия»](#) включает статьи, в которых анализируется реакция социума на перемены на уровне обыденного сознания, а также адаптация к ним молодых учёных посредством включения в сети профессиональных сообществ.

В статье [Сергеева В. Н.](#) (Минск) [«Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения»](#) дается обобщённая характеристика такой специфической формы социального познания, как теории заговора. В актуальном контексте конспирологическое мышление уже не может трактоваться как маргинальное, поскольку повсеместно выступает одним из доступных способов рефлексии индивидами и группами неоднозначных явлений социальной жизни, прежде всего связанных с угрозами безопасности. Независимо от того, какой конечный продукт производится теоретиком заговора – бытовые объяснения, экзотичные социальные, (псевдо)религиозные положения, политические и геополитические доктрины и т. п., – все они объединяются единой концептуальной структурой (обозначенной в работе как «онтологический минимум») и являются результатом действия определённых психологических механизмов. В континууме значимых для понимания теорий заговора переменных (психологических, социальных и т. п.) большинство доказанных связей не носит жесткого каузального характера. Понимание конкретных построений подразумевает выявление того, как именно такие переменные сочетаются в конкретной теории.

В статье [Рассоловой Е. Н., Галкина К. А.](#) (Санкт-Петербург) [«Профессиональные сообщества учёных перед лицом неопределённости современного мира. Кейс российских научных центров \(по данным качественного исследования\)»](#) рассматриваются ключевые характеристики интеграции молодых учёных в научные сообщества в контексте «текущей» современности. Авторы интерпретируют профессиональные сообщества молодых учёных как подвижные сети в обществе плазмы, текущей современности, которые наделены как автономией, так и постоянным механизмом адаптации к новым реалиям, процессам и трансформациям, происходящим в современных обществах. Постоянный поиск и смена различных стратегий становятся предпосылками успешного построения карьеры и карьерного роста. Оцениваются роль города как актора, который формирует научные сообщества и стратегии взаимодействия, и интеграция молодых учёных с научными сообществами. Авторы делают вывод, что на интеграцию и построение стратегий продвижения в научной карьере влияют и сам город, его условия и особенности ориентированности локального научного сообщества, которая определяется наличием профильных дисциплин. Успешной стратегией, позволя-

ющей использовать потенциал мира текущей современности, является горизонтальная интеграция молодых учёных, которая даёт им возможность максимально реализовать свои ресурсы.

Рубрика [«Теоретико-методологические проблемы современной социологии»](#) представлена работой [Денисовой Г. С.](#) (Ростов-на-Дону), [Полонской И. Н.](#) (Ростов-на-Дону), [Сусименко Е. В.](#) (Новочеркасск) [«Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии»](#). Авторы отмечают, что в последние годы в мировом социологическом сообществе активизировалась дискуссия о неудовлетворённости учёных современным состоянием социологии. В этой ситуации важен поиск новых концепций, способных увеличить эвристический потенциал её теоретического инструментария. Одной из таких концепций стала предложенная Б. Латуром акторно-сетевая теория (АСТ), получившая дальнейшее развитие в работах его единомышленников. В статье рассматриваются базовые положения акторно-сетевой теории, касающиеся предметной специфики социологического знания, кардинального отличия определения понимания предмета социологии АСТ от определений, даваемых традиционными социологическими направлениями и парадигмами, а также следствия этого инновационного понимания в части формирования методологических принципов изучения социальной реальности. В материал также затрагивает и наиболее фундаментальную и дискуссионную методологическую новацию АСТ – «поворот к вещам» и внесение представления о гетерогенности агентов в понимании социальных процессов. Авторы считают, что предложенный в рамках АСТ теоретический подход позволяет преодолеть разрыв социологической теории и социальной и политической практики, что даёт возможность построения нового отношения социологии к реальности, возвращения социологической науки к решению не только научных, но и социально-практических задач.

В рубрику [«Самооценка и ценностные предпочтения российской молодёжи»](#) включены исследования субъективных представлений молодых людей о своём социальном статусе, их ценностных ориентациях и предпочтениях в информационном пространстве. В статье [Мареевой С. В.](#) (Москва) [«Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность»](#) рассматриваются особенности социального статуса современной молодёжи в его объективном и субъективном измерении. Объективные социальные статусы молодёжи охарактеризованы через положение её представителей в ключевых иерархиях по уровню образования, профессиональным позициям и уровню дохода. Показано, что уровень образования российской молодёжи за последние двадцать лет заметно вырос, пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов. Что касается субъективных статусов, то молодые россияне, как и граждане России в целом, склонны помещать себя на средние позиции в обществе. Однако то положение, которое они считают для себя «справедливым», оказывается гораздо выше их нынешнего положения, что также способствует

накоплению недовольства, поскольку отражает заведомо нереалистичные ожидания относительно социальной мобильности. Негативным индикатором служит тот факт, что российская молодёжь разделяет со взрослыми согражданами ощущение несправедливости устройства российского общества. При этом данные представления мало связаны с объективными статусами её представителей. Ключевые элементы справедливого общества молодые россияне усматривают в основаниях, связанных с инструментализацией принципа равенства возможностей.

В статье [Чигрина В. А., Зоткина А. А., Городецкой Е. Г. и Узунова В. В. \(Симферополь\) «Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым»](#) актуализированы вопросы информационной безопасности в условиях трансформаций медиапространства в регионах России (на примере Республики Крым). Показана специфика выбора информационных источников, характерных для молодёжи в Республике Крым. В перечне интернет-источников преимущество имеют социально-сетевые информационные ресурсы. Особое внимание уделено изучению проявления интереса молодёжи к информационным источникам экстремистского содержания. Несмотря на то что выявленные «группы риска» относительно невелики, для них существенно повышается вероятность участия в разного рода неформальных организациях, в том числе радикального характера. Проблема усугубляется скрытностью, размытостью существования таких групп, их способностью к быстрому структурному перестроению и возобновлению. Показано, что государство и общество должны со всей серьезностью принимать во внимание процессы трансформации медиапространства, куда переносится значительная доля активности современной молодёжи.

Рубрика [«Трибуна молодого учёного»](#) представлена статьёй аспиранта экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова [Закирова И. З. \(Москва\) «К вопросу о философско-методологических основаниях теории устойчивого развития в социальных науках»](#). Данная работа интересна анализом концепта устойчивого развития с использованием традиционной для экономического факультета теоретической ретроспективы, где концепции рассматриваются в связи с реальным социально-экономическим контекстом их возникновения. Автор показывает, что учение физиократов (Ф. Кенэ и др.) о плодородных свойствах земли основано на очевидности ограничений, налагаемых природой на развитие социума в условиях преимущественно сельскохозяйственного материального производства, а отсутствие интереса к данной проблеме у классиков политической экономии (Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл) обусловлено «пустым миром» с безграничными ресурсами, открывшимся для производства промышленного. Автор пытается установить связь классических экономических ограничений прогресса с классическими социологическими (Г. Спенсер) и современными, включая теорию риска. В перспективе такой подход позволит наполнить социологическим содержанием концепцию устойчивого развития, которая в значительной степени носит технократический характер.

ТЕМА НОМЕРА

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ И МОТИВАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787

EDN: YLFLFZ

Динамика субъективного властного статуса¹

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика субъективного властного статуса // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of subjective power status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

Козырева Полина Михайловна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН;

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 346897

Смирнов Александр Ильич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

smir_al@bk.ru

AuthorID ПИНЦ: 678594

Аннотация. В статье представлены результаты анализа особенностей самоидентификации российских граждан во властном пространстве в постсоветском обществе. Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (1994–2020 гг.). Исследование выявило позитивную, но весьма умеренную и не всегда последовательную динамику оценок российскими гражданами своего положения во властном пространстве. Однако, несмотря на то что россияне стали более оптимистично оценивать возможности своего влияния на происходящие события, многие из них продолжают ощущать себя не активными субъектами, а пассивными и беспомощными

¹ В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

объектами в системе властных отношений. Установлена значимая обратная, но не сильная связь между самооценкой властного статуса и возрастом, а также более значимая положительная связь между субъективным властным статусом и уровнем образования и тесно связанным с ним профессиональным статусом. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с престижным высококвалифицированным и высокооплачиваемым трудом. Установлена положительная корреляция между самоопределением человека во властном пространстве и уровнем его вовлеченности в профессиональную деятельность, особенно в том случае, когда она предполагает выполнение руководящих и управленческих функций. Очень четко фиксируется положительная связь между самооценкой властного статуса и оценкой уровня уважения окружающими, но наиболее сильной является связь между оценками своего положения на шкалах власти и материального благосостояния. Обладание властью расширяет ресурсную базу индивида и увеличивает его шансы на успех при реализации жизненных целей. Значительно повышает самооценку властного статуса позитивное восприятие своих профессиональных качеств и достижений, участие в различных формах общественно-политической жизни. К наиболее значимым факторам, действующим в противоположном направлении, относится прекращение полноценного общения с другими людьми.

Ключевые слова: власть, влияние, идентичность, самооценка, социальный статус, уважение

Введение

Последние тридцать лет в России отмечены чрезвычайно глубокими и разносторонними переменами, которые буквально преобразили всё общество и кардинально изменили жизнь каждого человека в отдельности. Осмысление содержания и результатов перемен, произошедших в постсоветский период, требует изучения изменений не только в условиях жизни, объективном положении людей, но и в восприятии ими реальности. Среди этих изменений стоит обратить внимание на метаморфозу восприятия индивидами своего властного статуса, характеризующего их положение во властном пространстве.

Власть представляет собой исключительно сложное, многоплановое и многостороннее понятие, которое даже в обыденной жизни имеет огромное количество определений, трактовок и объяснений. Это обусловлено такими её универсальными свойствами, как всеобщность – функционирование во всех сферах общественных отношений; способность проникать во все виды деятельности; связывать и противопоставлять людей и общественные группы.

В классическом определении М. Вебера власть, являющаяся социологически аморфным понятием, «означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чём бы такой шанс ни был основан» [2, с. 137]. В самом общем смысле она понимается как возможность и способность осуществлять свою волю, оказывать воздействие на поведение, деятельность людей с помощью каких-либо средств – авторитета, права, традиций, насилия

и др. Одной из наиболее значимых форм проявления власти является управление обществом, любым коллективом, объединением людей. С учётом этого власть может быть представлена как способность отдельного человека или какого-либо другого субъекта навязать свою волю другим участникам социального взаимодействия и управлять их действиями тем или иным образом [4, с. 55]. В социологии власть как самостоятельное понятие оформляется как раз на пересечении трактовок, определяющих её как какую-либо возможность и способность управлять, подчинять и как определённое преобладание, доминирование. Обладание человека властью характеризует его физические возможности и персональные характеристики, формальный статус и неформальное влияние [3, с. 62–63].

В различных теоретических концепциях власть рассматривается как один из основных компонентов социального статуса [9, с. 27], а позиция индивида во властном пространстве выступает важнейшим критерием социальной дифференциации. Именно властный статус очень часто обуславливает экономическое положение индивида, определяет уровень материального благосостояния и благополучия семей, отдельных граждан, их положение в стратификационной иерархии. В связи с этим следует отметить, что один из крупнейших социологов П. Бурдьё непосредственно связывал положение человека в социальном пространстве с его позициями в системе властных отношений. Согласно его теоретическим воззрениям, позиция любого агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, составляющих это пространство, «т. е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле», или иными словами, видов власти или капиталов, «которые имеют хождение в различных полях» [1, с. 56–57].

Проблема обладания властью в постсоветской России стоит достаточно остро, что во многом связано с трудностями рыночных и демократических преобразований. По своей сути эти преобразования были направлены на переустройство системы власти, в основе их лежало отношение различных групп и слоёв населения к собственности. В результате указанных преобразований в стране сложилась своеобразная иерархия граждан с различными социальными статусами и отношением к власти.

Происходящие перемены значительно актуализировали изучение процессов социальной идентификации и самоидентификации в трансформирующемся российском обществе, под которыми чаще всего понимаются процессы эмоционального и иного отождествления/самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом или выбора человеком той или иной идентичности, а также формирования этой идентичности [8, с. 29; 10, с. 7]. При этом одним из важнейших идентификационных критериев выступает положение во властном пространстве, обладание властью. «Идентификация личности с властью, – как подчеркивает И. Б. Фан, – представляет собой субъективное измерение проблемы положения индивида в изменяющемся российском обществе, его места в социальной структуре, меры его участия и влияния на управление обществом, а следовательно, его роли в государстве, во взаимодей-

ствии со структурами власти» [11, с. 136]. Если учитывать многоликость, многогранность, разнообразие власти, то важно обращать внимание на специфику отдельных её видов (экономическая, политическая, государственная, общественная, семейная и др.), особенности коллективной, групповой, личной власти, конкретных форм её проявления.

В зависимости от конкретных обстоятельств могут акцентироваться, выдвигаться на первый план и выступать в тех или иных сочетаниях различные аспекты индивидуальной ситуации. Так, очень часто решающим идентификационным критерием при самоопределении во властном пространстве признаётся формальный должностной статус, характеризующий властные полномочия индивида. Но для значительного большинства людей центральным моментом идентичности выступает комплекс представлений о своей властной позиции в трудовом или ином коллективе, семье, общественной организации, неформальном сообществе и т. д. Как показали исследования Института социологии РАН, три четверти опрошенных россиян полагают, что могут влиять на жизнь своей семьи, немногим менее трети – на своих коллег, сослуживцев, около четверти – на поведение других окружающих людей и ещё около четверти – на работу своего предприятия, учреждения, а каждый восьмой – на деятельность своей общественной организации [12, с. 27–28].

В данной статье представлен результат анализа особенностей и проблем самоопределения российских граждан во властном пространстве в постсоветский период. При этом уделялось особое внимание характеристике динамической картины. Самоопределение индивидов во властном пространстве базируется на субъективном измерении властного статуса. Отправным пунктом исследования стало основанное на самооценках распределение респондентов по степени обладания властью. Уделяется внимание также анализу обыденных представлений россиян о власти и властных отношениях, которые оказывают влияние на формирование менталитета россиян. Исследование включает анализ влияния на самооценку властного статуса ряда ключевых переменных, характеризующих социальную ситуацию, в которой находятся индивиды.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (1994–2020 гг.)¹. Объектом исследования явились взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трёх основных измерениях – по девятиступенчатым шкалам богатства или материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), власти (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «обладают большой властью») и уважения (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов или статусных позиций, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения. В ходе анализа нами рассматривались три иерархических уровня, объединяющих по три ступени: нижний, средний и верхний. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращённых ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые не смогли идентифицировать себя с какой-либо группой, т. е. отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

Самооценка властного статуса

Анализ данных RLMS-HSE за 1994–2020 гг. показал, что за постсоветский период распределение респондентов по ступеням и уровням шкал уважения, богатства и власти претерпело хорошо заметные изменения. При этом динамическая картина самооценок положения респондентов на шкале власти, основанная на средних значениях идентификационных измерений, демонстрировала медленный и не всегда последовательный подъём (рис. 1).

Самые низкие самооценки властного статуса были зафиксированы в 1990-е гг., когда россияне остро переживали происходящие в стране рыночные и демократические преобразования, продвигающиеся с большим трудом в условиях вакуума власти и управления. Крайне низкие самооценки, характеризующие представления респондентов о степени обладания властью, свидетельствовали о том, что очень многие россияне не ощущали себя самостоятельными субъектами жизни и деятельности, полноправными гражданами, способными влиять на происходящие события. Но в дальнейшем, по мере преодоления системного кризиса и повышения уровня благополучия населения, самоидентификация респондентов во властном пространстве приобрела в целом положительную динамику.

Если в 1994 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня на шкале власти, достигала 67,9%, то к концу 2020 г. она сократилась вдвое – до 33,6%. Причём особенно значительно, с 30,9 до 4,8%, сократилась доля респондентов, занимающих самую низшую ступень, на которой стоят совершенно бесправные люди. Такое существенное снижение произошло главным образом за счёт роста доли респондентов,

располагающихся на трёх средних ступенях шкалы власти, – соответственно с 27,6 до 54,7%. Всё это говорит о том, что россияне стали постепенно избавляться от посттравматического синдрома, приобретать уверенность в собственных силах и более оптимистично оценивать возможности своего влияния в обществе, профессиональном сообществе, коллективе, семье и др., свою роль в системе властных отношений.

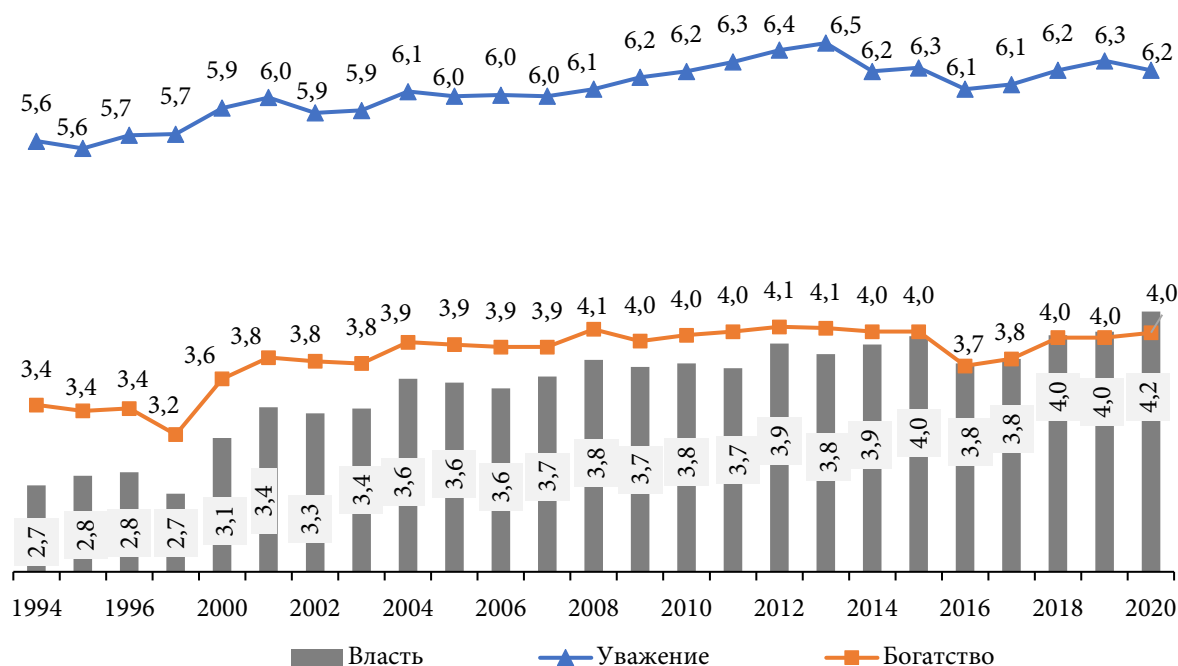

Рис. 1. Динамика самооценок положения на 9-ступенчатых шкалах уважения, богатства и власти, 1994–2020 гг., средние

Figure 1. Dynamics of self-assessment of one's position on 9-step scales of respect, wealth and power, 1994–2020, average

Но в то же время нельзя не видеть и того, что очень многие россияне всё ещё ощущают себя зависимыми, пассивными объектами в системе властных отношений, а абсолютное большинство дистанцируется от лиц, занимающих властные позиции высокого уровня, к которым относятся главным образом должностные лица, руководители высокого ранга. Доля респондентов, занимающих ступени верхнего уровня на шкале власти, за анализируемый период выросла с 2 до 8,7%. Но при этом доля респондентов, стоящих на девятой ступени, т. е. по их собственным оценкам обладающих наибольшей властью, сократилась с 0,9 до 0,2%.

Для многих людей проблема самоопределения во властном пространстве представляет собой достаточно сложную проблему. Безусловно, каждый человек в той или иной мере осознаёт свой властный статус, свою позицию во властных отношениях, но это вовсе не означает, что он может очень чётко отнести себя к определённой категории граждан, и тем более к такой, границы которой весьма условны. Имеет значение и то, что, как отмечает Э. де Фреде, действительное осознание идентичности происходит лишь при контакте с другими людьми [5, с. 18]. И тем не менее число респондентов, которые не могли определиться

с ответом, во всех волнах мониторинга было невелико – от 2,5 до 4,7%. Из этого следует, что у подавляющего большинства россиян сложилось определённое представление о феномене власти, его содержании и характеристиках, с которыми они знакомы по собственному опыту.

У мужчин ощущение власти встречается чаще, чем у женщин. За 1994–2020 гг. средняя самооценка выросла у мужчин с 2,85 до 4,28, тогда как у женщин – с 2,63 до 4,14. Такое сравнительно небольшое превосходство сохраняется на протяжении всего постсоветского периода, несмотря на то, что по уровню человеческого капитала женщины превосходят мужчин. Подобная картина обусловлена рядом известных обстоятельств, характеризующих гендерное неравенство. Результатом длительной гендерной дискриминации и глубоко укоренившихся патриархальных традиций стало формирование гендерной диспропорции во властных полномочиях, которая находит место во всех сферах жизни общества, областях человеческой деятельности. Малозаметным является также влияние на субъективное измерение властного статуса такого фактора, как поселенческая структура населения. Наблюдается, особенно в последние годы, только некоторое превосходство по данному показателю сельчан над горожанами. Это можно объяснить тем, что, оценивая свой властный статус, сельчане в большей мере ориентируются на невысокие властные позиции ближайшего окружения, жителей своего небольшого поселения, тогда как горожане чаще соотносят свою позицию во властном пространстве с позициями влиятельных городских кругов.

Выявлена хотя и слабая, но значимая двусторонняя связь между самооценкой властного статуса и возрастом респондентов (коэффициент корреляции Спирмена составил – 0,14; при $p < 0,01$). Самые высокие самооценки принадлежат 20–29-летним молодым людям, но с возрастом они постоянно снижаются. Так, в 2020 г. последовательное снижение средней самооценки составило с 4,55 среди 20–29-летних респондентов до 3,89 среди лиц в возрасте старше 60 лет. Более высокие самооценки властного статуса у молодых россиян обусловлены, с одной стороны, тем, что у многих из них ещё не сформировалось чёткое представление о данном феномене, а «сама идея власти и влиятельности может не до конца оцениваться молодёжью как значимая для занятия позиции в обществе» [13]. С другой стороны, здесь также находит место одно из проявлений завышенной самооценки, которая в молодом возрасте встречается чаще, чем в зрелом или пожилом, когда представления людей о своих возможностях и достижениях, о собственной значимости становятся более ответственными и реалистичными.

На протяжении всех постсоветских лет очень чётко прослеживаются тенденции, демонстрирующие рост самооценок властного статуса по мере повышения уровня образования и тесно связанного с образованием профессионального статуса респондентов, который определяется оценкой их объективного положения в профессиональной структуре (относится к работающим, включая находящихся в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске). Так, в 2020 г. по мере повышения уровня образования

средняя самооценка властного статуса последовательно нарастала с 3,92 среди респондентов с неполным средним образованием до 4,52 среди лиц с высшим образованием. Не менее последовательным оказался также рост средней самооценки по мере повышения профессионального статуса респондентов (табл. 1). Для определения принадлежности респондента к конкретной профессиональной группе использовался классификатор профессий ISCO08. Наиболее заметно за анализируемый период выросли самооценки властного статуса у неквалифицированных рабочих всех отраслей, квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом, а также у служащих офисных и по обслуживанию клиентов, тогда как наименее заметно – у работников сферы торговли и услуг, положение которых в обществе эпохи тотального дефицита было гораздо солиднее и прочнее, чем сегодня.

Таблица 1 (Table 1)

**Зависимость самооценки положения на шкале власти
от профессионального статуса, 1994–2020 гг.**
*Dependence of self-assessment of one's position on the power scale
on professional status, 1994–2020*

Профессиональный статус	1994						2020					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Руководители	45,3	48,0	6,7	3,73	1,865	254	17,4	60,1	22,5	5,10	1,664	293
Специалисты высшего уровня квалификации	61,0	35,4	3,6	3,18	1,666	898	22,9	64,1	13,0	4,69	1,621	891
Специалисты среднего уровня квалификации	64,9	31,9	3,2	3,01	1,653	680	24,0	65,2	10,8	4,50	1,526	933
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	71,7	26,4	1,9	2,65	1,552	265	31,7	63,7	4,6	4,13	1,393	281
Работники сферы торговли и услуг	67,2	29,0	3,8	2,86	1,745	528	34,7	58,2	7,0	4,08	1,545	867
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	70,6	28,2	1,2	2,67	1,501	840	31,5	58,3	10,1	4,28	1,698	593
Операторы, аппаратчики, машинисты и проч.	68,1	30,9	1,0	2,72	1,572	864	37,3	57,0	5,6	4,08	1,544	603
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	82,4	16,8	0,8	2,20	1,418	381	44,5	50,7	4,8	3,81	1,539	357

Исследование особенностей властного статуса занятого населения на базе данных RLMS-HSE, выполненное Н. Д. Коленниковой, показало, что у большинства работающих россиян (около 80%) властный статус полностью отсутствует. В основу анализа властного статуса в данном исследовании был заложен показатель административной власти, операционализируемый с помощью таких индикаторов, как (1) наличие подчинённых, (2) количество подчинённых, (3) является ли индивид владельцем/совладельцем организации/предприятия, на котором он работает [6]. Вместе с тем субъективное измерение властного статуса, опирающееся на широкое обыденное понимание феномена власти, демонстрирует более разнообразную картину. Из таблицы 2 видно, что наличие подчинённых и увеличение их количества заметно повышают самооценку властного статуса. Но при этом подавляющее большинство респондентов, независимо от наличия у них подчинённых, относят себя к людям, обладающим определённой властью, что даёт им возможность влиять на других людей. За 1994–2020 гг. доля лиц, располагающихся на низшей ступени шкалы власти, т. е. считающих себя совсем бесправными, сократилась среди имеющих подчинённых с 18,1 до 1,9%, тогда как среди тех, у кого нет подчинённых – с 31,1 до 4,1%.

Таблица 2 (Table 2)

Зависимость самооценки положения на шкале власти от наличия и количества подчинённых, 1998–2020 гг.*

Dependence of self-assessment of one's position on the power scale on the presence and number of subordinates, 1998–2020

Наличие и количество подчинённых	1998						2020					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Не имеют подчинённых	71,5	27,2	1,3	2,67	1,541	2853	32,4	59,4	8,2	4,22	1,581	3968
Имеют подчинённых	58,2	38,1	3,7	3,30	1,764	788	18,6	64,5	16,9	4,50	1,612	899
В том числе:												
1–3 чел.	64,5	32,3	3,2	3,12	1,734	281	19,0	67,7	13,3	4,77	1,552	300
4–10 чел.	39,4	37,8	2,8	3,24	1,744	245	19,2	64,2	16,6	4,87	1,606	342
11–20 чел.	57,1	37,8	5,1	3,32	1,709	101	17,9	65,0	17,1	4,96	1,589	115
Больше 20 чел.	46,3	48,8	4,9	3,69	1,750	161	18,6	56,6	24,8	5,10	1,777	142

*Вопрос о количестве подчинённых включен в обследование в 1998 г.

Наиболее мощным фактором, формирующим неравенство возможностей в доступе к социальным ресурсам, остаётся социально-экономическое неравенство, в основе которого лежит дифференциация доходов населения. Известно, что основными источниками доходов домохозяйств

являются заработная плата и государственные трансфертные платежи. Но если заработная плата в решающей степени определяет уровень социально-экономического неравенства, то государственные трансферты сглаживают его. На рисунке 2 представлены данные, характеризующие зависимость самооценки властного статуса от размера заработной платы респондентов. Для иллюстрации этой связи все работающие респонденты в зависимости от размера заработной платы были распределены по четырём группам: 1) 0,75 или менее медианного значения; 2) более 0,75–1,25 медианы; 3) более 1,25–2 медианы; 4) более 2-х медианных значений.

Изложенные на рисунке 2 данные демонстрируют последовательный рост самооценки властного статуса с увеличением заработной платы. Но взаимосвязь указанных переменных, как показывает корреляционный анализ, оказывается намного слабее, чем тогда, когда для анализа используются субъективные показатели материального положения (субъективная оценка уровня материальной обеспеченности, удовлетворенность материальным положением, оценка изменения материального положения и др.).

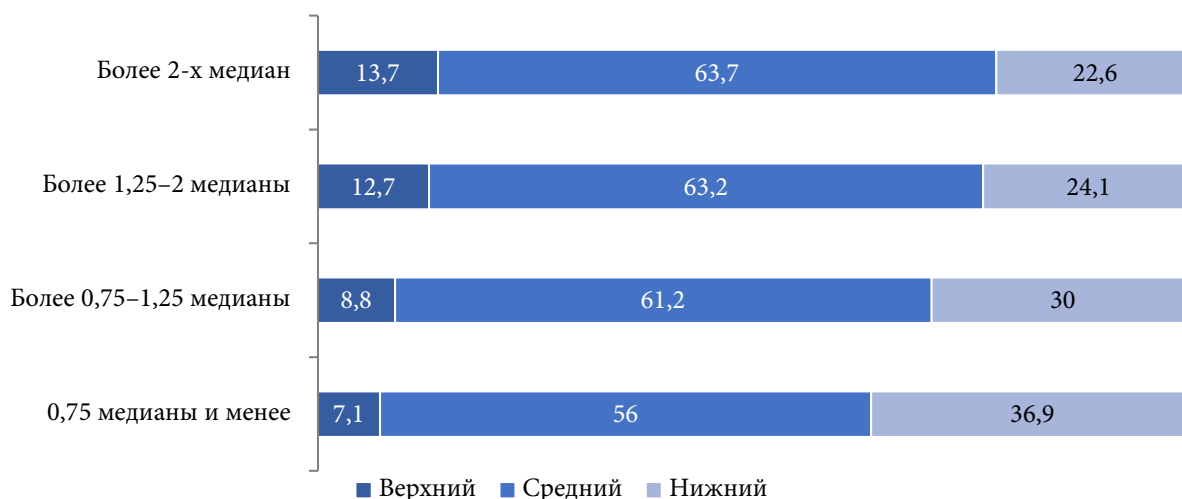

Рис. 2. Распределение респондентов из числа занятых по уровням субъективного властного статуса в зависимости от размера заработной платы, 2020 г., %

Figure 2. Distribution of respondents from among the employed by levels of subjective power status depending on the salary, 2020, %

Из изложенных данных видно, что положение респондентов на шкалах власти и материального благосостояния оказывается намного ниже, чем на шкале уважения. Во многом это можно объяснить тем, что многие россияне не связывают уважение других людей к себе со своим материальным положением и наличием или отсутствием властных полномочий. Корреляционный анализ выявляет значимую, но достаточно умеренную положительную связь между положением респондентов на шкалах власти и уважения и сильную связь между их положением на шкалах власти и богатства. В 2020 г. коэффициент корреляции Пирсона составил 0,48 и 0,78 соответственно (корреляция значима на уровне 0,01;

двухсторонняя). За 1994–2020 гг. сила связи между положением респондентов на шкалах власти и уважения практически не изменилась, тогда как между их положением на шкалах власти и богатства стала заметно теснее. В 1994 г. коэффициент Пирсона составлял соответственно 0,41 и 0,53.

Властный статус и реализация жизненных целей

Современное демократическое государство нуждается в свободных, образованных, творчески и независимо мыслящих, мотивированных на достижение успеха, социально активных гражданах. Для таких людей трудовая деятельность является не только способом прокормить семью, но и средством самореализации, удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Особую категорию среди них составляют люди, выбирающие такие способы самореализации, которые предполагают карьерный рост. По мнению К. Мангейма, «“карьера” характеризуется следующими признаками: а) властью над вещами (в форме дохода, заработка и т. п.), б) возможностью осуществлять влияние (властью распоряжаться в некоторых сферах влияния) и в) общественным престижем, рожденным успехом...». При этом «сущность карьеры состоит в достижении и, шаг за шагом, развитии успеха» [7, с. 128].

Анализ данных проведённого мониторинга показал, что существует значимая положительная, но достаточно умеренная по тесноте взаимосвязь между положением респондентов на шкале власти и аналогичной шкале профессионального мастерства, включающей девять ступеней, где первая ступень – это уровень начинающего, ученика, а девятая – уровень «профессионала высокого класса». В 2018 г., когда последний раз задавался этот вопрос, коэффициент корреляции Пирсона составил 0,25 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Обращает на себя внимание и тот факт, что самооценка властного статуса непосредственно связана с уровнем удовлетворённости работников своей работой в целом и отдельными её сторонами, но наиболее тесной является эта связь с удовлетворённостью оплатой труда и возможностями для профессионального роста. По данным за 2020 г., в группе респондентов, полностью удовлетворённых оплатой труда и возможностями для профессионального роста, средняя самооценка властного статуса составила соответственно 5,2 и 5,1, тогда как у тех, кто были совсем не удовлетворены этими сторонами своей работы – только 3,5 и 3,6.

Представляет интерес также анализ связи субъективного властного статуса с оценками важности различных сторон работы, в ситуации трудоустройства, когда респондент сталкивается с необходимостью выбора работы. В этом случае наиболее тесной оказывается связь самооценки властного статуса с оценками важности таких сторон работы, как возможность должностного роста и возможность получать новые знания, умения. У респондентов, которые считают эти стороны очень важ-

ными, средняя самооценка властного статуса составила соответственно 4,25 и 4,22. Значимая, но менее тесная связь, была зафиксирована также в отношении таких сторон работы, как интересная творческая работа и хорошая репутация предприятия, организации, фирмы (средняя самооценка составила соответственно 4,13 и 4,14). Именно такие стороны работы чаще привлекают тех людей, которые нацелены на карьерный рост. Эти стороны, помогающие продвигаться по служебной лестнице, для них более важны, чем график работы, удобное расположение предприятия, хорошее социальное обеспечение, условия труда и даже хорошие отношения в коллективе.

Среди респондентов, располагающихся на ступенях верхнего уровня шкалы власти, намного больше, чем среди респондентов, занимающих ступени нижнего уровня, граждан, которые готовы не только участвовать, но и организовывать массовые мероприятия, требующие активного и добровольного участия (соответственно, 19,4% против 4,3%), и гораздо меньше тех, кто не собирается участвовать в таких мероприятиях (16,7% против 32,9%). Увереннее ощущают себя во властном пространстве энергичные, деятельные, инициативные люди, принимающие активное участие в общественно-политической жизни. Так, если среди респондентов, участвовавших в течение последних 12 месяцев в собраниях профсоюзной организации, политической партии или другого общественного объединения, доля лиц, занимающих на шкале власти ступени верхнего уровня, в 2018 г. составляла 11,6%, то среди не участвовавших – только 7,3%. В то же время удельный вес лиц, занимающих ступени нижнего уровня, составлял соответственно 25,4 и 41,4%. Существенной в данном случае оказалась также разница в средних самооценках властного статуса – соответственно 4,55 и 3,97. Примерно таким же было различие в восприятии своего властного положения между респондентами, которые добровольно выполняли бесплатную работу в какой-либо общественной или благотворительной организации, и теми, кто не участвовал в такой деятельности. Но в то же время респонденты, участие которых в общественной и политической жизни было эпизодическим, практически не отличаются от других людей по восприятию своего положения во властном пространстве.

Для определенной части людей власть может быть значимой ценностью и мерилom жизненного успеха. Но независимо от того, как к ней относится человек, власть является одной из наиболее весомых детерминант, обеспечивающих осуществление тех или иных жизненных планов. Власть является одной из наиболее весомых детерминант, обеспечивающих достижение жизненного успеха. Однако оценка влияния данного фактора на реализацию жизненных целей, как и субъективное измерение властного статуса, весьма затруднена, поскольку люди по-разному осознают свои цели, неодинаково оценивают свои возможности, определяют, какие ресурсы и каким образом могут задействовать для достижения своих жизненных целей, по-разному оценивают и воспринимают достигнутые результаты.

Согласно данным RLMS-HSE в последние годы среди россиян доминируют следующие три группы, различающиеся по оценкам достижения и реализации своих жизненных целей: «настойчивые» – ещё не осуществили всего задуманного, но уверены, что в конечном счёте добьются своего (38,1%); «пассивные» – реализовали не все жизненные цели, но и не собираются их добиваться (24,4%) и «неуверенные» – осуществили задуманное только частично и не верят, что смогут реализовать цели полностью (16,6%). Намного меньшим оказывается наименее успешный контингент, представленный двумя группами респондентов: «упрямые» – ни одну из намеченных целей не осуществили, но намерены добиваться их полной реализации (3,4%) и «отчаявшиеся» – разбитые неосуществлёнными желаниями, не только не добились хоть какого-нибудь жизненного успеха, но и полностью отказались от дальнейшей борьбы (3,7%). И только 9,4% респондентов можно отнести к «успешным», т. е. к осуществившим свои жизненные цели практически в полном объёме.

Анализ показывает, что чаще других достигают жизненного успеха люди, обладающие широким спектром адаптационных ресурсов, одним из которых является власть. Как следует из рисунка 3, респонденты тем настойчивее и решительнее ведут себя при достижении жизненных целей и тем чаще добиваются желаемого результата, чем выше они оценивают свой властный статус. Но при этом следует иметь в виду, что ощущение власти, которое появляется при достижении влиятельных позиций, может иметь не только позитивные, но и негативные последствия, которые являются следствием обременённости властью. Индивидуальные действия могут быть иррациональными как по причине ощущения слабости своей власти, так и в силу ощущения ее избытка. Ощущение слабости своей власти часто находит выражение в пассивности, неспособности выполнять уже принятые решения, тогда как ощущение ее избытка порождает искушение применять способы и средства, которые на деле оказываются неэффективными.

Характерно, что респонденты чаще связывают успех в достижении жизненных целей со своим материальным положением, чем с положением во властном пространстве. Об этом говорит хотя бы тот факт, что среди «успешных» существенно меньше лиц, занимающих ступени нижнего уровня на шкале богатства, чем на аналогичных ступенях шкалы власти (26,2% против 35,6%).

Анализ показал, что, как правило, респонденты с более высокой самооценкой властного статуса располагают более широкой ресурсной базой, обеспечивающей реализацию жизненных целей. Но в то же время существенные ресурсные ограничения испытывают практически все анализируемые группы граждан. Больше всего респондентов беспокоит недостаточный уровень материальной обеспеченности, на нехватку которой указали 79,8% респондентов с низкой оценкой, 64,8% со средней оценкой и 40,7% с высокой оценкой своего положения во властном пространстве. На следующих позициях находятся недостаток ощущение

ния безопасности (соответственно 58,9; 47,1 и 32%), полезных связей (59,5; 47,8 и 30,2%), здоровья (54,1; 37,2 и 22,8%), уверенности в своих силах (49,1; 30,8 и 17%), решительности в достижении поставленных целей (47,3; 32,4 и 19,1%), умения приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам (46,4; 32,8 и 21%), образования, новых знаний (32,6; 26,1 и 24,3%), профессиональной квалификации (26; 22,2 и 17,9%), помощи родственников, друзей (22,9; 12,9 и 8,7%). Единственным из анализируемых ресурсов, отсутствие или дефицит которого больше беспокоит респондентов с более высокой самооценкой властного статуса, являются знания иностранных языков (35,2; 43,1 и 46,5%).

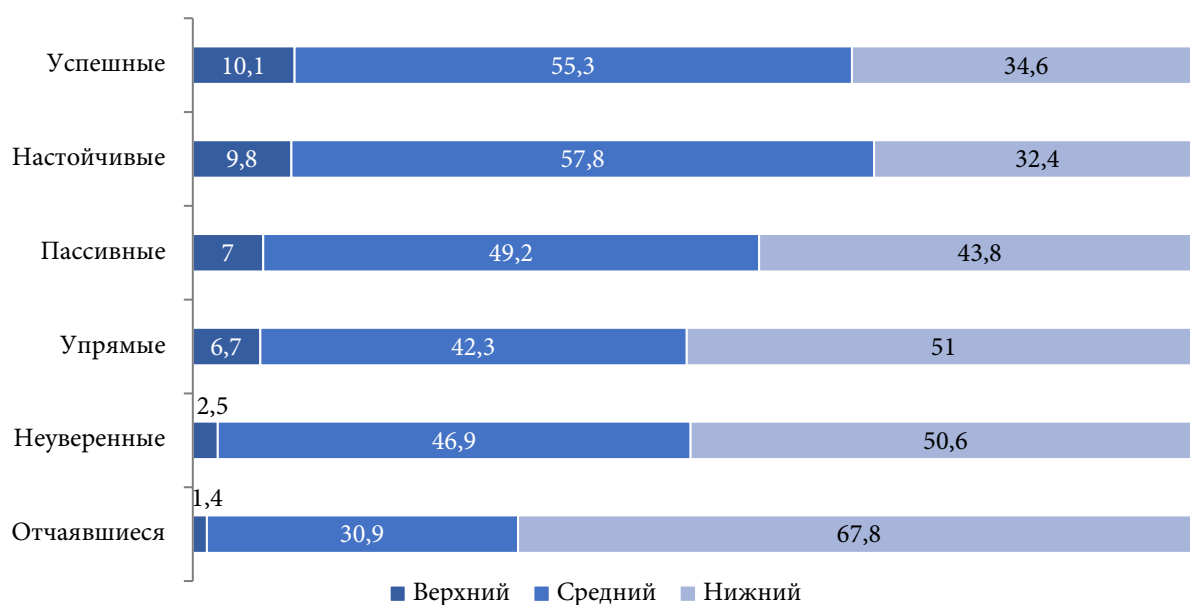

Рис. 3. Взаимосвязь оценки реализации своих жизненных целей и самооценки властного статуса, 2018 г., %

Figure 3. The correlation between the assessment of the implementation of one's life goals and self-assessment of the power status, 2018, %

Оценивая важность различных причин, которые позволяют одним людям стать богатыми, а других оставляют бедными, приблизительно каждый пятый респондент, независимо от субъективного властного статуса, на первое место поставил наличие/отсутствие таланта и способностей. Но в то же время респонденты с более высоким властным статусом почти в два раза выше оценили весомость такой причины, как везение, удача. Среди респондентов с низким властным статусом 17% указали на отсутствие таланта, способностей как на причину бедности и 14,8% на их наличие как на причину богатства, тогда как среди лиц с высоким властным статусом таких было соответственно 31,9 и 28,8%. Что касается других причин, которые входят в тройку основных, то респонденты с низким властным статусом чаще называют в качестве причин богатства/бедности полезные связи, в то время как респонденты с высоким статусом – трудолюбие и уровень образования.

Заметно повышает оценку своего положения на шкале власти рост уровня обобщённого доверия, отражающего готовность индивидов к формированию общих интересов, способность к конструктивному взаимо-

действию. Склонность доверять людям вообще, т. е. незнакомым людям, повышает среднюю самооценку властного статуса с 4,06 до 4,50. Среди респондентов, считающих, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными, доля лиц с низкими самооценками властного статуса составляет 38,6%, тогда как среди полагающих, что большинству людей можно доверять, – 25,7%. В то же время доля лиц с высокими самооценками увеличивается соответственно с 7,4 до 11,3%.

Вместе с тем гораздо скромнее других оценивают своё положение в системе властных отношений и чаще ощущают свою беспомощность, бесполезность, разочарование в личной перспективе люди, испытывающие ощущение одиночества. Средняя самооценка властного статуса составляет у респондентов, испытывающих это чувство практически всегда – 3,16; часто – 3,89; редко – 4,22; практически никогда – 4,26. Многие исследователи полагают, что одиночество представляет собой такое сложное и тяжёлое состояние, которое связано с утратой человеком связей с семьёй, коллективом, обществом. Такие люди, пребывающие в ситуации реальной или виртуальной коммуникативной изоляции, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для них общения, очень часто с недоверием относятся к другим людям. Так, если среди респондентов, испытывающих чувство одиночества практически всегда, доля лиц, полагающих, что в отношениях с другими нужно быть всегда осторожными, достигает 52,9%, то среди не знакомых с таким чувством в полтора раза меньше – только 34,5%.

Негативно сказывается на субъективной оценке властного статуса прекращение полноценного общения с другими людьми, включая коллег по работе или учёбе, друзей, малознакомых и совсем незнакомых людей. Так, отсутствие возможности общаться с коллегами по работе, учёбе снижает самооценку властного статуса по сравнению с теми, у кого существует такая возможность практически ежедневно, с 4,19 до 3,69. Но ещё заметнее снижает эту самооценку прекращение общения с друзьями (соответственно с 4,32 до 3,32). При этом доля респондентов, занимающих на шкале власти три ступени нижнего уровня, увеличивается почти вдвое – с 32,3 до 58,2%, тогда как доля лиц, располагающихся на трёх ступенях верхнего уровня, сокращается втрое – с 10,1 до 3,6%.

Выводы

Несмотря на позитивную динамику самоидентификации во властном пространстве, многие россияне ощущают себя не полноправными гражданами и субъектами власти, а зависимыми, пассивными объектами в системе властных отношений. Исследование выявило значимую обратную, но не сильную связь между субъективным властным статусом и возрастом респондентов. Но при этом для молодого поколения власть не является ключевым элементом социального статуса. Можно предположить, что у многих молодых людей ещё не сформировалось чёткое

представление о данном феномене, что нередко становится причиной неадекватной оценки своего социального статуса. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с интеллектуальным и высокооплачиваемым трудом. Исследование выявило значимую, но весьма умеренную положительную связь между самооценками властного статуса и уровня уважения со стороны других людей, а также сильную связь между оценкой своего положения во властном пространстве и субъективной оценкой уровня материального благосостояния. Эта связь оказывается намного теснее, чем между самооценкой властного статуса и объективными показателями, характеризующими уровень материального положения опрошенных. Респонденты с более высокой самооценкой властного статуса располагают более широкой ресурсной базой, обеспечивающей реализацию жизненных целей.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М.: КД «Университет», 2002. Ч. 1. С. 70–146.
3. Волохов А. Е., Тощенко Ж. Т. Власть // Социологический словарь. М.: Норма, 2008. 608 с.
4. Гаджиев К. С. Власть теория // Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
5. Де Фреде Э. Культура, цивилизация и идентичность // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 17–23.
6. Коленникова Н. Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12
7. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / Перевод Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.
8. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
9. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
10. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

11. Фан И. Б. Личность и власть: проблема идентификации // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 136–165.

12. Филиппова Л. Е. Моральный порядок: должное и сущее // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 20–31.

13. Фоломеева Т. В., Федотова С. В. Феномен социального статуса в современном российском обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1309-folomeeva48.html> (дата обращения: 5.09.2021).

Получено редакцией: 27.01.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787

EDN: YLFLFZ

Dynamics of Subjective Power Status¹

Polina M. Kozyreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia

E-mail: pkozyreva@isras.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: smir_al@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of subjective power status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

Abstract. The article presents the results of the analysis of the features of self-identification of Russian citizens in the power space of the post-Soviet society. The empirical base of the study is formed by the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) by HSE University (1994–2020). The study revealed a positive, but very moderate and not always consistent dynamics of Russian citizens' assessments of their position in the power space. However, despite the fact that Russians have become more optimistic about their ability to influence current events, many of them still feel that they are not active subjects, but rather passive and helpless objects in the system of power relations. There has been established a significant negative, but not strong, correlation between self-assessment of power status and age, as well as a more significant positive correlation between subjective power status and the level of education and professional status closely related to it.

Self-assessment of power status is enhanced by individuals' belonging to professional groups, whose representatives are more associated with prestigious, highly skilled and highly paid work. A positive correlation has been established between a person's self-determination in the power space and the level of his involvement in professional activities,

¹ This article uses the results of projects carried out in the framework of Fundamental research programs of the National Research University – the "Higher School of Economics".

especially in those with leadership and management functions. A positive correlation is clearly recorded between self-assessment of power status and assessment of the level of respect by others, but the strongest is the relationship between assessments of one's position on the power scales and material well-being. Possession of power expands the resource base of an individual and increases his chances of success in realising life goals. A positive perception of one's professional qualities and achievements, participation in various forms of social and political life significantly increases self-assessment of power status. The most significant factors acting in the opposite direction include the cessation of full communication with other people.

Keywords: power, influence, identity, self-assessment, social status, respect

References

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Transl. from Fr. Ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1993: 336 (in Russ.).
2. Weber M. *Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya* [Basic sociological concepts]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya*. Moscow, KD «Universitet», 2002: 1: 70–146 (in Russ.).
3. Volokhov A. E., Toshchenko Zh. T. *Vlast' [Power]*. *Sotsiologicheskiy slovar'*. Moscow, Norma, 2008: 608 (in Russ.).
4. Gadzhiev K. S. *Vlasti teoriya* [Power theory]. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar'*. Moscow, Politizdat, 1990: 432 (in Russ.).
5. De Vreede E. *Kul'tura, tsivilizatsiya i identichnost'* [Culture, Civilization and Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012: 5: 17–23 (in Russ.).
6. Kolennikova N. D. Characteristics of the power status of employed population in modern Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2017: 5: 214–232 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12.
7. Mannheim K. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskiye ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations – competitiveness – economic ambitions]. Transl. by Dodin E. Ya. Moscow, INION RAN. 2000: 164 (in Russ.).
8. Pantin V. I. *Politicheskaya i tsivilizatsionnaya samoidentifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii* [Political and Civilizational Self-identification of Modern Russian Society under Globalization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008: 3: 29–39 (in Russ.).
9. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Transl. by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva. Ed. by M. S. Kovaleva. Moscow, Aspekt Press, 1998: 270 (in Russ.).
10. Semenenko I. S. *Obrazy i imidzhi v diskurse natsional'noy identichnosti* [Depictions and images in the Discourse of National Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008: 5: 7–18 (in Russ.).
11. Fan I. B. *Lichnost' i vlast': problema identifikatsii* [Personality and power: the problem of identification]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RANk. Vyp. 2*. Yekaterinburg, UrO RAN, 2001: 136–165 (in Russ.).
12. Filippova L. E. *Moral'nyy poryadok: dolzhnoye i sushcheye* [Moral order: due and existing]. *Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh*. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow, ROSSPEN, 2013: 20–31 (in Russ.).
13. Folomeeva T. V., Fedotova S. V. *Fenomen sotsial'nogo statusa v sovremennom rossiyskom obshchestve* [The phenomenon of social status in modern Russian society]. *Psikhologicheskiye issledovaniya*, 2016: 9: 48: 7. Accessed 05.09.2021. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1309-folomeeva48.html> (in Russ.).

The article was submitted on: January 27, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociological Sciences,
First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy,
National Research University “Higher School of Economics”

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ И МОТИВАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788

EDN: VMDWKO

Гражданская активность поколений в современном российском обществе¹

Ссылка для цитирования: Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788; EDN: VMDWKO

For citation: Parma R. V. Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788; EDN: VMDWKO

Парма Роман Васильевич¹

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,

rvparma@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 919176

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования проявлений социальной активности представителей различных возрастных групп (молодого, зрелого, пожилого возраста) граждан РФ. Актуальность исследования вызвана необходимостью оценки масштабов и специфики межпоколенческих противоречий и разрывов в современном российском обществе. Данные противоречия обусловлены диспропорциями демографической структуры населения и материального положения поколений. Межпоколенческие разрывы проявляются, прежде всего, в различиях систем ценностей, видения образа будущего, овладения цифровыми навыками, а также в практиках форм активности и мотивациях гражданского участия.

Исследование базируется на теории поколений. Методологической основой избран сетевой подход. Методом сбора эмпирических данных послужило онлайн-анкетирование российских граждан в возрасте от 15 лет (N = 1600), формирование выборочной совокупности подчинено репрезентации по возрасту, полу и территории проживания. В исследовании было осуществлено сопоставление гражданской активности поколений по уровню социального взаимодействия, готовности к совместным акциям и интенсивности гражданских действий. Выявлены различия проблемного поля и мотивов гражданского участия поколений. Исследование показывает предпочтительные формы гражданской активности поко-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках выполнения государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ.

лений в офлайн- и онлайн-пространствах. Выявленное соотношение форм гражданской активности сопоставлено с данными мониторинга социальной и политической активности россиян «ВЦИОМ-Спутник». Также обозначено видение различными возрастными группами ключевых путей развития гражданской активности.

В данной статье поколенческие расхождения отчасти объясняются возрастными различиями в выборе каналов получения информации и уровне владения цифровыми навыками. Если ранее в гражданской активности офлайн более высокий уровень участия соответствовал увеличению возраста граждан, то в цифровой среде молодое поколение проявляет большую готовность к гражданским действиям. На основании проведённого анализа автор приходит к выводу о низком потенциале гражданской активности, что обусловлено фрустрацией общественных отношений россиян в периоды социализации поколений. Автор полагает, что в российском обществе прослеживаются слабое социальное взаимодействие, высокий уровень разобщённости между гражданами. Декларируя высокую гражданскую активность молодое поколение, в отличие от старших поколений, не намерено прилагать значительные усилия и брать на себя ответственность в общественном участии. Молодёжь проявляет выраженную склонность к пассивным формам общественного участия в цифровой среде коммуникаций, обозначаемым в исследованиях как слактивистские или кликтивистские действия. При слабом потенциале общественной активности развитию российского гражданского общества может способствовать содействие государственных институтов, гармонизирующих отношения между поколениями.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданское участие, мотивация участия, формы действий, конфликт поколений, межпоколенческие разрывы, социальные сети, цифровое пространство, онлайн-активность, офлайн-активность

Контекст

В современном мире тема взаимоотношений поколений приобретает всё большую важность для сохранения устойчивого развития в целом ряде стран. В глобальном масштабе нарастает противоречие между двумя социальными мирами – стареющим богатым и молодым бедным. Общества развитых страна стареют, тогда как в целом мире молодёжь составляет крупнейшее поколение в истории человечества, что, по мнению ряда авторов, даёт основания предполагать замену в XXI веке ключевого социального противоречия – с классового конфликта на конфликт поколений [18]. Кроме того, зарубежные исследователи прогнозируют, что, поскольку и молодые, и пожилые люди всё больше отдаляются от существующей институциональной политики и гражданского участия в условиях формально, де-юре существующей демократии, конкуренция за недостаточные ресурсы неизбежно будет усугублять конфликт поколений [14]. Современное российское общество, обладающее относительно средним уровнем жизни, относится к числу стареющих, что соответствует негативным демографическим тенденциям целого ряда развитых стран.

Гражданская активность в ряде исследований рассматривается как действия индивидов, направленные на решение значимых общественных проблем [7]. Практики, ценности, формы и мотивы общественного

участия составляют гражданский активизм. В центре внимания исследователей находится объединение усилий граждан для решения общих социальных и политических задач. Причем выявляется тесная зависимость политической активности от включённости в социальные формы и практики общественных действий [8].

Российские исследователи исходят из того, что в обществах, испытавших радикальные преобразования, в гражданской активности поколений образуются разрывы в мотивациях и оценках возможностей участия. Если российская молодёжь, социализированная в постсоветское время, рассматривает гражданскую активность по большей части как способ самовыражения и самореализации, то старшие поколения гражданскую активность проявляют, прежде всего, в институциональных и конвенциональных формах, адаптируясь к существующим социально-экономическим условиям [10]. Исследователи диагностируют в целом низкий уровень политической вовлечённости и социальной активности российского населения и выявляют более высокие аналогичные показатели среди молодого поколения [9]. Авторы считают, что рост гражданской активности российской молодёжи в последние годы обусловлен запросом на перемены и расхождением со старшими поколениями в образе желаемого будущего [5].

Исследователи полагают, что в России конфликт поколений осложняет цифровой разрыв, так как нынешняя молодёжь прошла социализацию в цифровой среде, а старшие поколения оказались менее адаптированы к новой реальности [2]. Разрыв между поколениями проявляется также в изоляции, в дисгармонии ценностей и идеологии, отсутствии мобильности, отчуждении от пожилых людей (эйджизме), а также переоценке политических и профессиональных амбиций молодёжи [11]. Молодое поколение представляется «взрывоопасным» для существующего порядка, исходя из предрасположенности объективных и субъективных факторов к вовлечению в протестные и экстремистские действия [12]. В то же время исследователи предполагают, что сформированные ценностные установки российской молодёжи имманентно содержат возможность для перемены массовых политических настроений с лояльно индифферентных на радикально оппозиционные [6]. Способы сохранения устойчивого общественного развития видятся нам в установлении гармонии и диалоге поколений, устранении межпоколенческих разрывов, а также в формировании критического мышления молодёжи, настроенной на формирование «образа будущего» и связывающей личные достижения с успешным развитием страны [1]. В контексте вызовов общественного развития цель представляемого исследования состояла в сравнении характера и форм гражданской активности среди различных поколений россиян.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологические основы исследования представлены современными трактовками поколенческого и сетевого подходов.

Поколенческий подход исходит из того, что рождённые в одной социокультурной среде люди переживают одни и те же события в ключевой период формирования личности, образуя возрастные когорты [3]. Заданный историческими условиями диапазон возможностей и опыта служит основой для будущих установок, мыслей и поведения поколений [16]. Положение о непрерывной смене поколенческих когорт и её влиянии на социальную жизнь общества получило современное раскрытие в концепции возрастной стратификации поколений. Нынешние исследования учитывают зависимость отношений между поколениями от социальных и технологических изменений в современной перспективной цивилизации, в которой происходит трансмиссия культуры – стохастическая передача информации и опыта как от родителей к детям, так и от детей к родителям [4]. В общем поколенческий подход заключается в возрастной дифференциации когорт, представители которых проходят социализацию в определённый исторический период, формируя общие образы, ценности, установки.

Согласно сетевому подходу, социальные сети составляют ткань («морфологию») современного общества, генерируя информационные потоки, формируя сообщества и координируя действия людей [13]. Цифровые платформы сформировали онлайн-среду – виртуальное пространство действий для граждан [17]. Социальные медиа в цифровом пространстве формируют инфраструктуры сообществ, заменяющие или дополняющие обычные сети коммуникации [20]. Сетевой подход позволил трактовать данные о специфике общественной активности молодёжи с позиций их большей вовлечённости в онлайн-коммуникацию, в рамках которой происходит формирование особых установок гражданского участия. В целом сетевой подход состоит в определении социальных структур взаимодействия под влиянием информации, что приобретает особую важность при всё большем погружении граждан в цифровую среду коммуникаций.

Эмпирические данные получены на основании Всероссийского онлайн-опроса российских граждан в возрасте от 15 лет и старше (репрезентация по полу, возрасту и территории проживания). Выборка составила 1600 респондентов. Опрос проведён Центром политических исследований Финансового университета при участии автора в марте 2021 года. Поколения российских граждан выделены на основании возрастной дифференциации когорт: молодое поколение – 15–29 лет, зрелое поколение – 30–54 года, пожилое – 55 лет и старше.

Результаты полевого исследования

Согласно полученным данным, в целом около половины (47%) респондентов понимает гражданскую активность в декларативном смысле, исходя из установления партнёрских отношений и взаимодействия между обществом и государством. Примерно пятая часть (21%) респондентов видит гражданскую активность в формировании горизонтальных отношений между гражданами, направленных на сотрудничество. Такой же процент респондентов рассматривает гражданскую

активность как способ давления на власть. Значительная часть (11%) опрошенных усматривает в гражданской активности инструмент политической борьбы. Примечательно, что в понимании гражданской активности молодое поколение в большей степени склонно к нормативной трактовке, которую широко продвигают официальные СМИ и пестуют образовательные учреждения. Люди зрелого и особенно пожилого возрастов испытывают меньше иллюзий в отношении гражданской активности, в значительно большей степени видят в ней либо возможность организации давления на власть для принятия политических решений, либо проявление политической борьбы.

Таблица 1 (Table 1)

Коннотация гражданской активности, %
Connotation of civil engagement, %

Гражданская активность – это: (один ответ)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Борьба с властью и за власть	11	7	11	14
Оказание давления на власть	21	9	24	25
Сотрудничество между гражданами	21	25	18	21
Взаимодействие общества и государства	47	59	47	40

Социальное взаимодействие граждан находится на относительно низком уровне. Только менее половины (42%) молодых и взрослых граждан на протяжении года оказывали помощь другим. Причём четверть (25%) граждан имели намерения оказать помощь, но под различными предложениями этого не сделали. Примерно такая же доля (23%) респондентов откровенно отметили, что им не довелось в течение года помогать людям, десятая часть (10%) вовсе уклонилась от ответа. В возрастных группах наибольший уровень социального участия проявила молодёжь (63%). В гораздо меньшей степени граждане зрелого возраста (38%), многие из которых хотели, но не могли оказать поддержку, прежде всего, по причине занятости. По уровню социальной активности с молодёжью сопоставимы пожилые граждане (35%), несмотря на то что уже сами в значительной степени рассчитывают на помощь со стороны младших поколений.

Таблица 2 (Table 2)

Социальная активность граждан в возрастных группах, %
Social activity of citizens in age groups, %

За последний год приходилось ли Вам оказывать помощь другим людям? (один ответ)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Приходилось	42	63	38	35
Хотели участвовать, но не смогли	16	7	20	17
Не участвовали, но в будущем хотят	9	7	11	8
Не приходилось	23	18	21	27
Затруднились ответить	10	5	10	13

Схожие показатели активности граждан проявляются в готовности совместно действовать исходя из общих идей и интересов. Также только менее половины (46%) готовы прилагать совместные усилия, около четверти (23%) вообще не готовы действовать сообща, а весьма значительная часть опрошенных (около трети: 31%) пока не определилась. При этом молодое поколение проявляет большую степень готовности к совместным гражданским действиям. Абсолютное большинство (75%) молодёжи готово объединяться для общего дела. Тогда как среди старших поколений намерения гражданского участия выражены заметно слабее, а в группе зрелого поколения таких оказалось менее половины (41%), тогда как в группе пожилого поколения немногим более трети (37%).

Таблица 3 (Table 3)

Готовность граждан к совместным действиям, %
Readiness of citizens for joint actions, %

Готовы ли Вы объединяться с другими людьми для совместных действий, если ваши идеи и интересы совпадают? (один ответ)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Готовы объединяться с другими людьми для совместных действий	46	75	41	37
Не готовы объединяться с другими людьми для совместных действий	23	11	25	26
Затруднились ответить	31	14	34	37

Предыдущие данные указывают на разобщённость граждан, фрустрацию социального капитала старших поколений, а также возможности, потенциал молодого поколения в проявлении гражданской активности. Однако определение интенсивности гражданской активности показывает, что представители молодого поколения «не горят желанием» прилагать значительные усилия для решения общественно значимых задач. Интенсивность действий молодёжи оказывается даже несколько ниже, чем граждан зрелого возраста. На поверку среднее поколение оказывается более деятельным, а молодое поколение значительно более декларативным в своих намерениях проявлять гражданскую активность.

Таблица 4 (Table 4)

Интенсивность гражданской активности в возрастных группах, %
Intensity of civil engagement in age groups, %

Как часто Вы объединяете усилия с другими гражданами для решения общих задач? (один ответ)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Не реже, чем раз в месяц	22	21	26	18
Не реже, чем раз в квартал	17	17	16	16
Не реже, чем раз в полгода	18	12	18	23
Не реже, чем раз в год	14	13	13	15
Не реже, чем раз в три–пять лет	6	5	5	7
Не помнят	22	31	21	20
Другое	1	1	1	1

Гражданская активность проявляется в объединении усилий людей для преодоления общественных проблем. Среди них наиболее актуальной проблемой оказалось состояние экологии, которая объединяет треть (33%) граждан. В числе общественно важных проблем, объединяющих людей, оказалась также защита животных (26%). Весьма широкий круг граждан, примерно четверть, объединяют традиционные проблемы социально-экономического развития (26%) и политического положения (25%). В возрастном срезе экологические проблемы и защита животных подталкивают к активности, прежде всего, молодое поколение (37%). Чрезвычайные ситуации несколько больше волнуют старшее поколение (20%). Социально-экономическая ситуация в близкой степени заботит все поколения. Политическая ситуация больше привлекает внимание молодого и среднего поколений (27 и 29%, соответственно). Ситуация в сфере культуры беспокоит значительно больше молодёжь (20%), как и защита прав граждан (22%). Проведение выборов весьма слабо волнует все поколения граждан.

Таблица 5 (Table 5)

Проблемное поле гражданской активности граждан разных поколений, %
Problem field of civil engagement of different generations of citizens, %

Какие проблемы объединили Вас с другими гражданами? (не более трёх ответов)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Экологическая ситуация	33	37	32	30
Защита животных	26	25	25	26
Социально-экономическая ситуация	25	24	25	25
Политическая ситуация	24	27	24	22
Чрезвычайная ситуация	18	15	18	20
Защита прав граждан	17	22	12	18
Проведение избирательных кампаний	16	16	13	18
Ситуация в образовании	15	12	19	15
Ситуация в сфере культуры	14	20	8	14
Ситуация в здравоохранении	12	9	11	16
Защита сексуальных меньшинств	3	6	2	2
Защита прав этнических меньшинств	2	2	1	3
Другое	3	2	2	3

В целом граждан больше всего мотивирует участвовать в общественной деятельности социальная установка на принесение пользы людям (32%). Выполнение гражданского долга (18%) и решение общих задач (16%) также оказались значимыми мотивами включения в гражданскую активность. В возрастных группах мотивация активности имеет некоторые отличия. Мотив принесения пользы людям ещё более выражен среди граждан зрелого и пожилого поколений. Тогда как молодое

поколение выделяется более выраженным следованием гражданскому долгу, а также желанием самореализации. Пожилое поколение более склонно руководствоваться решением общих задач. Остальные менее значимые мотивы гражданской активности имеют слабые расхождения среди поколений.

Таблица 6 (Table 6)

Мотивация гражданской активности в возрастных группах, %

Motivation for civil engagement in age groups, %

Что, прежде всего, мотивирует Вас участвовать в гражданских инициативах? (один ответ)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Возможность быть полезным другим людям	32	27	35	32
Возможность исполнить гражданский долг	18	23	14	18
Возможность вместе решать общие задачи	16	15	12	20
Возможность самореализации	7	10	5	8
Возможность общаться с интересными людьми	7	6	7	6
Возможность оказывать давление на власть	7	8	8	5
Возможность получить дополнительные навыки	6	5	7	7
Возможность получить финансовые средства	3	3	5	2
Возможность повысить свою репутацию	2	1	4	1
Другое	2	2	3	1

Для сравнения: согласно данным ВЦИОМ, только немногим более половины (55%) российских граждан демонстрируют общественную активность. В целом самой распространённой формой активности граждан оказалось участие в голосовании на выборах (24%). Весьма значительное число граждан принимало участие в благоустройстве по месту жительства (22%), а также в сборе средств и вещей для нуждающихся (20%). Остальные формы социальной активности используют немногие граждане, так лишь малая доля участвовала в подписании коллективных обращений (8%), проведении избирательных кампаний (7%) и уличных акциях (6%). Среди возрастных групп пожилое поколение выделяется большей долей общественно активных граждан, прежде всего, в участии в голосовании на выборах и благоустройстве придомовой территории. Среднее поколение также не отличается высокой общественной активностью, доля пассивных граждан в этой когорте составляет почти половину (47%). Молодое поколение оказалось выраженной общественно пассивной возрастной группой, которая составляет большинство (57%). При этом молодёжь гораздо чаще других возрастных групп участвует в уличных акциях, прежде всего в митингах и пикетах.

Таблица 7 (Table 7)

Формы общественной активности российских граждан разных возрастов, %
Forms of social activity of Russian citizens of different ages, %

Скажите, пожалуйста, лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной и политической жизни? (любое число ответов)	В целом	18–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Участвовали в выборах в органы власти различного уровня	24	15	20	36
Участвовали в коллективном благоустройстве подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	22	14	22	30
Собирали средства, вещи для людей, попавших в тяжёлое положение	20	16	22	22
Подписывали коллективные обращения, петиции	8	10	10	4
Участвовали в проведении избирательной кампании: сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке	7	3	10	8
Участвовали в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона, населённого пункта	6	11	3	3
Участвовали в деятельности общественных организаций	4	7	3	3
Участвовали в деятельности профсоюзных организаций	4	5	5	2
Участвовали в работе домового комитета, местном общественном самоуправлении	3	2	2	5
Участвовали в деятельности религиозной общины, церковного прихода	3	3	3	3
Участвовали в забастовках	2	3	2	0
Участвовали в деятельности политических партий	1	1	1	1
Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	44	57	47	37
Другое	6	5	6	7
Затруднились ответить	1	1	1	1

Источник: Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» 11 июля 2021 г. Репрезентативная выборка 1600 россиян в возрасте от 18 лет. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>

По данным проведенного исследования активные граждане составляют весомое меньшинство (46%) – разобщённость и пассивность в решении общественных проблем среди россиян преобладают. В целом среди активных граждан половина (50%) в цифровой среде склонна оказывать скорее символическую поддержку организаторам общественных

акций в форме лайков. Однако более четверти респондентов (28%) включаются в онлайн-активности, комментируют в социальных медиа контент инициаторов гражданских действий. Ещё четверть (26%) размещают контент инициаторов в своем аккаунте, распространяя информацию в своём сообществе. Значимые части граждан, вступая во взаимодействие с инициаторами, стараются найти способы решения общественной проблемы (19%), внося для этого личные средства (15%), а также собирают ресурсы (15%). Активности, требующие большего приложения усилий, привлекают уже значительно меньше граждан. В возрастном срезе молодое поколение оказывается более склонно к пассивным формам участия, но наиболее охотно включается в виртуальные акции и наравне с представителями старших поколений создаёт контент. Молодёжь также наряду со зрелым поколением выступает инициаторами гражданских действий.

Таблица 8 (Table 8)

Формы общественных действий онлайн среди активных граждан по возрастным группам, %

Forms of social action online among active citizens by age groups, %

Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность онлайн? (не более трёх ответов)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Оказывают поддержку инициаторам/ активистам в виде лайков	50	62	45	45
Комментируют контент инициаторов в их аккаунтах	28	30	25	27
Размещают контент от инициаторов у себя на странице	26	30	25	24
Взаимодействуют с инициаторами, обсуждая способы решения проблемы	19	20	20	18
Взаимодействуют с инициаторами, жертвуя личные средства на решение проблемы	15	16	11	18
Взаимодействуют с инициаторами, помогая собрать ресурсы для решения проблемы	15	14	15	13
Участвуют в виртуальных акциях, флешмобах	9	14	8	5
Создают собственный контент	9	9	9	8
Выступают в качестве инициатора/активиста	8	8	9	5
Другое	4	5	4	4

В целом среди активных граждан общественная деятельность офлайн охватывает меньший круг людей, чем в онлайн-среде. Однако степень включённости граждан в общественно значимые действия оказывается заметно выше. Около трети (32%) респондентов для решения общественной проблемы участвуют в публичных акциях. Более четверти (28%) обозначают участие в акциях общественных организаций. Ещё около четверти (23%) заявляют, что занимаются волонтерской деятельностью. Значимые доли граждан в решении общественных проблем про-

являют личную инициативу (20%), а также помогают в деятельности некоммерческих организаций (18%), выступают активистами социальных движений (14%) и политических партий (13%). В возрастном срезе пожилое и особенно молодое поколения значительно более склонны участвовать в публичных мероприятиях. Молодые люди заметно выделяются вовлечённостью в деятельность волонтерских и общественных объединений. Представители зрелого поколения больше предпочитают действовать через общественные организации.

Таблица 9 (Table 9)

Гражданская активность офлайн по возрастным группам, %
Offline civil engagement by age groups, %

Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность офлайн? (не более трёх ответов)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Участвуют в публичных мероприятиях для решения проблемы	32	38	26	34
Участвуют в мероприятиях общественной организации	28	29	22	33
Работают волонтерами	23	32	18	17
Решают общую задачу по личной инициативе	20	18	20	22
Обращаются в общественную организацию, предлагая помощь	18	17	23	14
Являются активистами общественного движения/организации	14	19	14	9
Участвуют в мероприятиях политических партий	13	15	16	6
Другое	4	5	6	2

В целом пути развития общественной активности видятся респондентам прежде всего в расширении прав и свобод (41%), в воспитании гражданственности в системе образования (39%) и повышении качества взаимодействия граждан с представителями власти (35%). Сопоставимые доли респондентов ориентированы на противоположные стратегии развития. Одни ратуют за самостоятельное развитие гражданского общества без содействия государства (24%), другие стоят за необходимость государственной поддержки общественных организаций (21%). Значимая часть видит возможности развития общественной активности в формировании гражданских сообществ в социальных медиа (14%) и политических структур (11%). В возрастном срезе особо выделяется молодое поколение тем, что в значительной мере ориентировано на расширение прав и свобод граждан, а также гражданских сообществ в социальных сетях цифровых коммуникаций, взаимодействия между гражданами и властью.

Таблица 10 (Table 10)
Оптимальные пути развития общественных инициатив, %
Optimal ways of developing public initiatives, %

Какие из путей развития гражданских и политических инициатив Вы считаете подходящими для России? (не более трёх ответов)	В целом	15–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Расширение гражданских прав и свобод	41	47	38	37
Внедрение программы гражданского воспитания в образование	39	41	37	41
Повышение качества коммуникации между гражданами и органами власти	35	40	35	31
Самостоятельное развитие гражданского общества без поддержки государства	24	27	22	24
Развитие гражданского общества через поддержку государством инициатив НКО и других структур	21	23	20	22
Рост сообществ гражданского общества в социальных медиа, Интернете	14	62	11	14
Развитие политических структур и сообществ	11	16	10	8
Наказание за уклонение от гражданских обязанностей	7	4	6	11
Внедрение социального рейтинга граждан	5	4	6	6
Другое	1	1	2	0
Затруднились ответить	8	9	8	7

Данные поколенческие расхождения находят некоторые объяснения в возрастных различиях предпочтений в выборе каналов коммуникации. Взрослое поколение получает информацию из СМИ, а в цифровой среде по большей части подписано на официальные сайты органов власти. Для молодого поколения главными стали неофициальные источники информации в социальных медиа и разнообразные информационные ресурсы в Интернете. В целом результаты исследования согласуются с общественной трансформацией гражданского участия под влиянием цифровых коммуникаций. В традиционном активизме офлайн более высокий уровень участия соответствовал увеличению возраста граждан. В цифровом пространстве молодёжь, лучше владеющая навыками цифровой коммуникации, более склонна к активному вовлечению в гражданские действия. В реальности факторами общественной активности выступали политическая ситуация и экономическое положение, информационная кампания, усилия и ресурсы, моральное достоинство, организационное единство, приверженность и количество участников. В онлайн-среде главные факторы действий видятся в доступности Интернета и платформ социальных медиа, владение цифровыми навыками и технологиями коммуникаций [19].

Заключение

По результатам проведённого социологического исследования были получены следующие выводы. Гражданская активность понимается россиянами, прежде всего, как взаимодействие между общественными объединениями и государственными институтами, в меньшей степени как самоорганизация совместных действий для общего дела. Представители пожилого поколения более, чем представители молодого поколения, склонны усматривать в гражданской активности проявления политической борьбы.

Уровень взаимодействия граждан показывает слабую социальную связанность российского общества, особенно среди зрелого поколения. Разобщённость граждан отражает их низкая готовность к совместным действиям, что означает фрустрацию социального капитала, прежде всего, среднего поколения. Среди молодых декларируемая готовность оказалась значительно выше, что даёт основания предполагать потенциальную возможность роста гражданского участия в российском обществе. Однако такие предположения сдерживаются низкой интенсивностью гражданских действий и слабой готовностью молодёжи прилагать усилия к организации общественной деятельности.

Российские граждане, особенно молодые респонденты, более расположены к совместным действиям для решения экологических проблем и защиты животных. Политические и социально-экономические проблемы также остаются в числе весьма значимых. Главным мотивом социальных действий гражданского характера выступает представление о полезности людям, которым руководствуются, прежде всего, граждане зрелого и пожилого возраста. Молодое поколение больше подвигают к общественной деятельности мотивы выполнения гражданского долга и самореализации. Среди граждан в совместных действиях в онлайн-среде преобладают пассивные формы, которые в целом ряде исследований обозначаются как слактивистские или кликтивистские действия [15]. Причём молодое поколение оказалось более склонно к пассивному зрительскому участию. В офлайн-среде при более узкой аудитории выявилась более высокая степень включённости в общественные мероприятия, особенно среди зрелого и пожилого поколений. Молодёжь оказалась более расположена заниматься волонтерской деятельностью, организуемой общественными объединениями.

Развитие общественной активности респонденты видят преимущественно в расширении прав и свобод, в воспитании молодого поколения в процессе обучения, в тесном взаимодействии граждан и субъектов власти. В целом периоды социализации поколений наложили отпечаток на гражданскую активность: пожилое поколение, сознание которого сформировано в советской системе ценностей и моделей, придерживается традиционных форм участия, но не имеет достаточно сил для активных действий. Зрелое поколение, сформированное под влиянием «лихих 90-х», испытывает наибольшую разобщённость и социальную апатию. Молодое поколение, сформированное в относительно благополучный период под влиянием цифровых коммуникаций, испытывает большую готовность к совместным

действиям, но не склонно прилагать значительные усилия для достижений общественно значимых целей. Исходя из этого, в целом складывается пока ещё низкий потенциал развития российского гражданского общества. Надо полагать, что в таких условиях развитие институтов гражданского общества в стране требует содействия государства.

Библиографический список

1. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Специфика критического мышления российской молодёжи в условиях цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(1). С. 14–23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-14-23
2. Глухов А. П., Стаховская Ю. М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148–155. DOI: 10.17223/1998863X/59/14
3. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е. Я. Додина; отв. ред. Л. В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
4. Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения / Пер. с англ. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1988. 430 с.
5. Петухов В. В. Российская молодёжь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
6. Пырма Р. В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 7(2). С. 43–50.
7. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042
8. Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
9. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363
10. Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 5–17.
11. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // Власть. 2019а. Т. 27. № 4. С. 26–32. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6581

12. Шатилов А. Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодёжной среде в 2000–2010-е годы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019b. № 9(1). С. 32–37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-32-37
13. Castells M. A network theory of power // International Journal of Communication. 2011. № 5. P. 773–787.
14. Deželan T. Intergenerational Dialogue for Democracy. 2017. 46 p. DOI: 10.31752/idea.2017.3
15. George J. J., Leidner D. E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // Information and Organization. 2019. Vol. 29. Iss. 3. 100249. DOI: 10.1016/j.infoandorg.2019.04.001
16. Joshi A., Dencker J., Franz G. Generations in organizations // Research in Organizational Behavior. 2011. № 31. P. 177–205. DOI: 10.1016/j.riob.2011.10.002
17. Kellerman A. The internet as second action space. New York: Routledge, 2014. 208 p. DOI: 10.4324/9781315765105
18. Kohli M. Age groups and generations: lines of conflict and potentials for integration. In J. Tremmel (ed.). A Young Generation Under Pressure: The Financial Situation and the ‘Rush Hour’ of the Cohorts 1970–1985 in a Generational Comparison. London, New York: Springer Verlag, 2010.
19. Schradie J. The digital activism gap: how class and costs shape online collective action // Social Problems. 2018. № 65(1). P. 51–74. DOI: 10.1093/socpro/spx042
20. van Dijk J. The Network Society. 3rd Ed. SAGE Publications Ltd; Third edition, 2012. 336 p.

Получено редакцией: 26.01.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Парма Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788

EDN: VMDWKO

Civil Activity of Generations in Modern Russian Society¹

Roman V. Parma

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: pyrma@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3413-4264

For citation: Parma R. V. Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788; EDN: VMDWKO

¹ The article is based on the results of research carried out at the expense of the state budget under the state assignment of the Financial University.

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the manifestations of social activity of representatives of various age groups (young, mature, old age) of citizens of the Russian Federation. The relevance of the study is caused by the need to assess the scale and specifics of intergenerational contradictions and gaps in modern Russian society. These contradictions are due to disproportions in the demographic structure of the population and the financial situation of generations. Intergenerational gaps are manifested primarily in differences in value systems, vision of the image of the future, mastery of digital skills, as well as in the practices of forms of activity and motivations for civil participation.

The study is based on the theory of generations. The network approach was chosen as the methodological basis. The method of collecting empirical data was an online survey of Russian citizens aged 15 years and older (N = 1600), the formation of a sample population was subject to representation by age, gender and area of residence. The study compared the civil activity of generations by the level of social interaction, readiness for joint actions and the intensity of civil actions. There were revealed differences in the problem field and motives for civil participation of generations. The study shows the preferred forms of civic engagement of generations in offline and online spaces. The revealed ratio of forms of civil activity is compared with the data of the survey of the social and political activity of Russians VCIOM-Sputnik. The vision by different age groups of key ways for the development of civil engagement is also indicated.

The article partly explains generational gaps by age differences in the choice of informational channels and the level of digital skills. If previously in offline civil engagement, a higher level of participation corresponded to an increase in the age of citizens, then in the digital environment, the younger generation shows a greater readiness for civil action. Based on the analysis, the author comes to the conclusion about the low potential of civil engagement, that is due to the frustration of Russians' social relations during periods of socialisation of generations. The author believes that there is a weak social interaction and a high level of disunity between citizens in Russian society. The younger generation, despite the high declared civil activity, unlike the older generations, is not disposed to make significant efforts in social activity and shows a penchant for collectivist forms of participation. With a weak potential for activity, the development of Russian civil society can be facilitated by the assistance of state institutions that harmonise relations between generations.

Keywords: civil engagement, civil participation, participation motivation, forms of action, generational conflict, intergenerational gaps, social networks, digital space, online activity, offline activity

References

1. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Azarov A. A. The Specificity of Critical Thinking of Russian Youth in the Context of Digitalization. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019: 9: 1: 14–23 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-14-23
2. Glukhov A. P., Stakhovskaya Y. M. The digital divide in the focus of intergenerational communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2021: 59: 148–155 (in Russ.).
3. Mannheim K. Ocherki sotsiologii znaniya: problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskiye ambitsii [Essays on the Sociology of Knowledge: the Problem of Generations – Competitiveness – Economic Ambitions]. Transl. from Eng. by Dodina Ya., Skvortsov L. V. Moscow, INION RAN, 2000: 162 (in Russ.).
4. Mead M. Kul'tura i mir detstva: izbrannyye proizvedeniya [Culture and the world of childhood: selected works]. Transl. from Eng. by Yu. A. Aseeva. Moscow, Nauka, 1988: 430 (in Russ.).
5. Petukhov V. V. Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 3: 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
6. Pyrma R. V. Rebellion of the generation z: new political radicals. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2017: 7: 2: 43–50 (in Russ.).
7. Parma R. V. Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2021: 6: 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042 (in Russ.).
8. Sedova N. N. Civic Activism in Modern Russia. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2014: 2: 48–71 (in Russ.).
9. Sokhadze K. G. Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2017: 17: 3: 348–363 (in Russ.).

10. Trofimova I. N. Generations as a Factor in Russian Civic Engagement. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2015: 2:10: 5–17 (in Russ.).
11. Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of increasing conflicts in modern Russian society, *Vlast'*, 2019a: 4: 26–32 (in Russ.).
12. Shatilov A. B. “Soft” Technologies of the Russian Authorities in the Prevention and Neutralization of Extremist Manifestations in the Youth Environment in 2000–2010 Years. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019b: 9: 1: 32–37 (in Russ.).
13. Castells M. A network theory of power. *International Journal of Communication*, 2011: 5: 773–787.
14. Deželan T. Intergenerational Dialogue for Democracy. 2017: 46. DOI: 10.31752/idea.2017.3
15. George J. J., Leidner D. E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 2019: 29: 3: 100249. DOI: 10.1016/j.infoandorg.2019.04.001
16. Joshi A., Dencker J., Franz G. Generations in organizations. *Research in Organizational Behavior*, 2011: 31: 177–205. DOI: 10.1016/j.riob.2011.10.002
17. Kellerman A. The internet as second action space. New York, Routledge, 2014: 208. DOI: 10.4324/9781315765105
18. Kohli M. Age groups and generations: lines of conflict and potentials for integration. In J. Tremmel (ed.). *A Young Generation Under Pressure: The Financial Situation and the ‘Rush Hour’ of the Cohorts 1970–1985 In A Generational Comparison*. London, New York, Springer Verlag, 2010.
19. Schradie J. The digital activism gap: how class and costs shape online collective action. *Social Problems*, 2018: 65(1): 51–74. DOI: 10.1093/socpro/spx042
20. van Dijk J. *The Network Society*. 3rd Ed. SAGE Publications Ltd; Third edition, 2012: 336.

The article was submitted on: January 26, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Parma, Candidate of Political Sciences, Associate Professor
at the Department of Political Science, Financial University under the Government
of the Russian Federation

ТЕМА НОМЕРА

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ И МОТИВАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789

EDN: UNANYF

Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири¹

Ссылка для цитирования: Шашкова Я. Ю., Качусов Д. А. Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 48–64. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789; EDN: UNANYF

For citation: Shashkova Ya. Yu., Kachusov D. A. Classification of network social movements in the cities of Southwestern Siberia regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 48–64. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789; EDN: UNANYF

Шашкова Ярослава Юрьевна¹

¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

yashashkova@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 479041

Качусов Дмитрий Анатольевич¹

¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

dmitrij.kachusov@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 1132696

Аннотация. В статье представлены результаты исследования городских интернет-сообществ каузального характера регионов Юго-Западной Сибири. Сообщества проанализированы по переменным: степени их развития, количеству участников, ставящимся целям и задачам, используемым формам активности. Выявление данных сообществ велось в социальных сетях и мессенджерах, таких как ВКонтакте, Facebook, Twitter, Одноклассники,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-311-90029 «Гражданская активность как фактор развития местного самоуправления в современной России (на примере регионов Юго-Западной Сибири)».

Instagram¹, Telegram, а также среди каналов YouTube и специализированных сайтов. Информатизация современного общества предоставляет гражданам всё больше возможностей для участия в общественной жизни и налаживания горизонтальных коммуникаций. Это сочетается с процессами повышения уровня гражданского самосознания и поиска «обходных путей» участия в публичной политике. Обе эти тенденции вызывают всё более активное включение горожан в процессы самоорганизации и участия в различных объединениях. Это приводит к увеличению количества городских проблемных (каузальных) сообществ, росту числа их участников, созданию новых проектов, массовизации проводимых ими акций. Можно выделить два основных вектора развития подобных городских сообществ: градозащитный и экологический. Первое направление занимается вопросами обустройства среды проживания граждан, созданием «мест приложения» каузальной гражданской активности, проблемами сочетания коммерческих, социальных и историко-культурных начал в развитии городов. Второе – вопросами охраны природной окружающей среды, оздоровления условий проживания горожан, изменения сознания и поведения человека в сторону более экологически ответственных. Набор применяемых всеми данными сообществами методов очень широк: информационные кампании в СМИ и интернете, подача петиций и обращений, организация практической деятельности по направлению своей работы, просвещение граждан, проведение пикетов и других публичных мероприятий, налаживание контактов между гражданским обществом и властью. Необходимо отметить, что между сообществами двух основных проблемных направлений не существует жёсткого разграничения, так как решаемые ими задачи (например, сохранение зелёных зон в городах, борьба со свалками и т. д.), как и состав участников, частично совпадают.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданские инициативы, городские сообщества, социальные сети, сетевые сообщества, самоорганизация граждан, градозащитное движение, гражданская активность, экологическое движение

Актуальность исследования

Укрепление авторитарных тенденций в российской политике 2000–2010-х гг., формирование электоральной системы, не столь конкурентной, сколь поддерживающей процедуры «референдумного типа» [5, с. 38], контроль исполнительной власти над большинством институтов публичной политики породили закрытость процессов принятия и реализации политических решений и политической сферы в целом для подавляющей части российского общества, переориентировали гражданскую активность от политических партий в сторону неполитических общественных объединений, «на социальную кооперацию и взаимопомощь» как «открытое пространство для участия» [3, с. 51].

Уточняя данную тенденцию, Н. С. Юханов и Н. Н. Ягодка отмечают, что «в последнее время в российском обществе прослеживается формирование нового общественного запроса: в России расширяется слой ... активных граждан, защищающих свои права в сферах, которые касаются улучшения качества жизни. Характерной чертой формирующегося

¹ Является продуктом компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

запроса является его “гражданственность”, он возникает “снизу”, исходит из конкретных проблем граждан» [8, с. 132] и, в силу закрытости политической системы, аккумулируется на уровне местного самоуправления, локальных, в частности городских, сообществ.

Именно они сегодня нередко становятся источником интенсификации общественных процессов на местном уровне. Демографический подъём последних десятилетий, рост доли горожан, относящихся по российским меркам к среднему классу, «снижение эффективности функционирования государственных и муниципальных органов, ответственных за чёткую и бесперебойную систему жизнеобеспечения» [3, с. 51], привели к усилению запроса граждан на благоустройство жизненной среды, благоприятное экологическое состояние населённых пунктов и в целом на наличие «дружественной» городской среды. В то же время на муниципальном уровне сохраняется серьёзный разрыв в поднимаемых населением вопросах и повестке органов власти, что стимулирует самоорганизацию граждан в решении собственных проблем. Как справедливо отмечала И. А. Халий, современный индивид «не способен радикально влиять на происходящее в мире, но на локальном уровне, т. е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов для защиты собственной жизни он вынужден делать попытки оказывать влияние на происходящее» [7, с. 21].

С другой стороны, современная российская «власть отнюдь не против делегировать решение части социальных проблем институтам гражданского общества, что позволило бы “разгрузить” многие государственные органы, решить проблему кадрового голода на уровне МСУ» [4, с. 37]. Как следствие, на местном уровне сложилась ситуация параллельного сосуществования гражданских активистов и органов управления, когда последние не препятствуют самоорганизации граждан по «неполитическим» мотивам, поскольку подобные гражданские инициативы «не претендуют на участие в конкуренции за политическую власть» и не несут угрозу текущему социально-политическому порядку [9, с. 131]. И даже если деятельность возникающих объединений приобретает не только охранительную, но и оппозиционную направленность, она всё равно остаётся подчёркнуто аполитичной.

Принципиально важно выделить и ещё одну особенность, характерную не только для российской, но и для мировой политической и социальной жизни, – «перетекание» значительной доли активности в виртуальное пространство. Действительно, развивающиеся информационные технологии и увеличение числа пользователей сети Интернет «качественно меняют коммуникационную среду и структуру публичного пространства, оказывая значительное влияние на изменение массового сознания и политического поведения» [2, с. 192]. Ограничения на участие рядового гражданина в управлении, связанные с монополией на формирование информационной повестки со стороны власти, слабой связью между избирателем и его представителем, сложности форми-

рования консолидированного интереса размываются в силу появления множества простых способов коммуникации (соцсети, мессенджеры, интернет-форумы и т. д.). В этой связи И. А. Бронников резюмирует: «информационно-коммуникационное изобилие сегодняшнего дня позволяет акторам эффективно применять индивидуальные и коллективные действия для осуществления политической и неполитической деятельности...» [1, с. 10].

В данной статье на материалах регионов Юго-Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская и Томская области) решаются несколько исследовательских задач: выявить основные проблемные сферы самоорганизующихся сообществ; определить типы групп и объединений, существующих в рамках изучаемого региона, их численность и используемые интернет-площадки; охарактеризовать ставящиеся ими цели и задачи, а также используемые методы.

Результаты исследования

Изучение самоорганизующихся городских интернет-сообществ социально значимой тематики в регионах Юго-Западной Сибири показывает, что в основном их задачи концентрируются в двух проблемных областях: создание благоприятной среды проживания (благоустройство, создание общественных пространств, сохранение зелёных зон, реализация урбанистических инициатив) и улучшение экологической обстановки (озеленение города, борьба с загрязняющим производством, очистка территорий, сбережение природных ресурсов).

Первая проблемная сфера представлена движениями градозащитной тематики, которые охватывают широкий круг проблем: создание удобного и комфортного для жизни каждого человека городского пространства, поддержку гражданских инициатив и идей по благоустройству, защиту исторических памятников, общественных пространств и зелёных зон города, сбор и распространение информации по актуальным городским проблемам. Градозащитные движения формируются под влиянием «идентичности места, суть которой в формуле “я – гражданин своей малой родины”. ... Многие люди осознают себя, свою жизнь и жизни последующих поколений неразрывно связанными с местом проживания – непосредственной средой обитания. Именно качество этой среды ... полностью определяют сегодня уровень и образ жизни многих местных сообществ» [7, с. 103–104].

В настоящий момент, в немалой степени с помощью социальных сетей и интернет-СМИ, градозащитная деятельность получила широкую общественную поддержку. В этой проблемной сфере можно выделить несколько категорий сообществ (см. Приложение 1). Во-первых, это крупные объединения, численностью не менее тысячи сторонников, как правило, существующие на нескольких платформах и имеющие свой веб-сайт. Например, это «Шпиль – Барнаульское городское сообщество»

(подписчиков в ВКонтакте 1093 человека, в Facebook 2400), «Градика – городские инициативы и проблемы» (1237 подписчиков ВКонтакте, собственный сайт), «Стрекалов. Благоустроенный Новосибирск» (подписчиков в ВКонтакте 3951 человек, представлен в Одноклассниках), «Центр развития городской среды Томской области» (подписчиков в ВКонтакте 1035 человек, представлен в Одноклассниках, Facebook и YouTube). Они продвигают широкий спектр вопросов городской повестки – от выявления и решения конкретных коммунально-хозяйственных проблем до обсуждения госзакупок администрации и архитектурного плана города.

Во-вторых, это сообщества и проекты по развитию городской среды, созданию «креативных городских пространств», поддержке гражданских инициатив урбанистического характера. Они отличаются, в большинстве своём, меньшей численностью и/или в сети представлены только на одной площадке, к ним можно отнести «Цивилизованный город» (Барнаул, 1149 подписчиков ВКонтакте), «Партнёрство «Городской конструктор»» (Новосибирск, 338 человек ВКонтакте) или «Городские реновации | Новосибирская область» (517 подписчиков ВКонтакте).

В третью категорию стоит выделить объединения урбанистической или проблемной (каузальной) направленности, являющиеся частью более крупной сети, объединяющей сообщества ряда городов, регионов или даже страны в целом, например группы «Центра прикладной урбанистики» (36 городских сообществ, есть в Барнауле и Новосибирске). Нередко подобные сети действуют под эгидой общественных организаций, имеют собственный веб-сайт, мобильные приложения и развитую сеть многочисленных (до нескольких тысяч) региональных отделений. В частности, это фонд «Городские проекты» (86 сообществ, есть во всех административных центрах изучаемого региона) или «Гражданский патруль» (не менее 45 отделений, есть в Барнауле, Кемерове, Новосибирске), занимающиеся выявлением и решением конкретных проблем городской жизни, реализующие различные инфраструктурные проекты. Некоторые из региональных сообществ могут иметь относительно небольшую численность в отдельном городе, но в целом по стране в них участвуют тысячи пользователей.

Ещё к сетевым межрегиональным объединениям можно отнести проекты «Точка кипения», существующие при поддержке Агентства стратегических инициатив и, по официальным данным, насчитывающие 122 «точки» в 75 городах из 63 регионов (существуют в Новосибирске, Томске, Новокузнецке). Они предоставляют площадки для обмена информацией и сотрудничества местных сообществ и активистов, в том числе и по вопросам обустройства городской среды.

Наконец, можно выделить ещё одну категорию довольно разноплановых сообществ, имеющих более узкую направленность и не ставящих задач масштабного изменения городского быта. В частности, целый ряд сообществ занимается проблемами городского общественного транспорта: «Транспорт и дороги Новосибирска», «Маршрутка TV» (Новосибирск), «TRANSPORT.БРН» (Барнаул). К ним же можно отнести группы, под-

держивающие отдельные проблемные объекты: «Субботники Парк БМК – народный парк!», «Субботники на Спичке» (Барнаул), «Сохраним Военный городок № 17 в Новосибирске!», «Гражданин ОБЪГЭС» (Новосибирск), «ТРОД “Исторический центр”» (Томск). Некоторые группы исполняют функцию «гражданского патруля», занимающегося поиском, освещением и решением конкретных проблем жизни города или определённой территории, например Телеграм-канал «Барнаульский Нытик» (1700 подписчиков) или «Бердск: Всё плохо!» (1224 подписчика). В качестве примеров поднимаемых ими проблем можно отнести отсутствующие или непригодные для использования пандусы, неработающие общественные туалеты, несанкционированные свалки и т. д.

Указанные сообщества градозащитной тематики можно определить, в терминологии И. А. Халий, как «местные сообщества, в которые самим проживанием объединены рядовые “граждане страны”» [7, с. 99]. Они не имеют фиксированного членства, могут насчитывать от сотни до нескольких тысяч сторонников и, по сути, представляют собой сетевые образования, основанные на «идентификации своей жизни с местом обитания, идентификации себя с малой Родиной», на «локальной гражданской идентичности» [7, с. 164].

В период с 2018 г. до настоящего времени (2021 г.) наблюдается значительное развитие градозащитного движения – рост числа его участников и переход от действий одиночных активистов и небольших групп специалистов к сообществам с широким охватом участников с самым разным статусом. Основной формой деятельности данных объединений в настоящее время остаются публикации в СМИ и интернете, одиночные пикеты, петиции, сбор подписей, обращения и иные формы привлечения внимания общества и органов власти. Однако порой проводятся и довольно многочисленные по меркам регионов (от нескольких десятков до нескольких сотен участников) публичные акции: сходы граждан, массовые пикеты, публичные слушания, флешмобы, в том числе и в сети Интернет.

Поводом к активизации служат события, затрагивающие большое количество горожан и вызывающие широкий общественный резонанс, например уничтожение зелёных зон города¹, планы застройки старинного сереброплавильного завода² и площади Сахарова в Барнауле³, снос

¹ «Не ставьте на парке крест». Защитники зелёных зон вывели на митинг в Барнауле 150 человек // Политсиб.ру [электронный ресурс]. URL: <https://politsib.ru/news/35998-ne-stavte-na-parke-krest-zasitniki-zelenyh-zon-vyveli-na-miting-v-barnaule-celovek> (дата обращения: 10.09.2021).

² Барнаульцы выступят против «коробки» около сереброплавильного завода // Алтапресс [электронный ресурс]. URL: <https://altapress.ru/realty/story/barnaultsi-vistupyat-protiv-korobki-v-rayone-spichechnoy-fabriki-i-peredachi-plotini-gorodu-221502> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Барнаульские активисты наметили план борьбы против строительства корпуса АлтГУ в сквере на площади Сахарова // ИА Банкфакс [электронный ресурс]. URL: <https://www.bankfax.ru/news/139877> (дата обращения: 10.09.2021).

жилого комплекса 1920-х гг. «Рабочая пятилетка»¹, разрушение исторических зданий на территории военного городка № 17 в Новосибирске², снос старинных деревянных домов в Томске³ и т. д.

В то же время систематического массового включения горожан в работу объединений градозащитного характера не наблюдается. Подтверждается общественный тренд: «для современного общественного и гражданского участия в России характерны более высокие значения участия населения в “коротких” и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа» [3, с. 50].

Вторая задача, в решение которой активно вовлечены местные сообщества, – это улучшение экологической обстановки в городах. Объединения, занимающиеся данной проблематикой, как правило, больше институционализированы и существуют на протяжении более длительного времени. Они нередко имеют статус краевых или отделений межрегиональных и всероссийских общественных организаций. В их составе можно выделить два типа участников: активисты «старой школы», которые ещё с 1980–1990-х гг. занимаются изучением, сохранением, защитой своей области интересов, будь то история, природа и т. д., и молодёжь, в силу различных причин участвующая в деятельности указанных движений на современном этапе.

Экологическое движение в Юго-Западной Сибири, да и в России в целом, на данный момент переживает подъём, связанный с актуализацией ряда экологических проблем. Наблюдаются угроза уникальным и особо охраняемым природным территориям, неконтролируемая вырубка лесов, появление очагов локального загрязнения, рост нелегальных или опасно близких к населённым пунктам мусорных полигонов и т. д. Экологические организации ставят перед собой разноплановые задачи – от повышения культуры потребления и пропаганды раздельного сбора мусора до борьбы за сохранение определённых природных объектов и экологизацию промышленных производств.

Перечень сообществ экологической направленности, действующие в изучаемых регионах, представлен в Приложении 2. Среди самоорганизующихся сообществ данной направленности можно выделить «лидеров», имеющих развитую организационную и техническую инфраструктуру для реализации разовых и постоянных проектов, а также тесно взаимодействующих с предприятиями, перерабатывающими втор-

¹ «Город нужно сохранить»: новосибирцы устроили пикет против сноса исторических зданий // Рамблер [электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/41808476-gorod-nuzhno-sohranit-novosibirtsy-ustroili-piket-protiv-snosa-istoricheskikh-zdaniy/> (дата обращения: 11.09.2021).

² Новосибирцы просят не сносить исторические здания в бывшем военном городке // Комсомольская правда – Новосибирск [электронный ресурс]. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/4140788/> (дата обращения: 11.09.2021).

³ К флэшмобу в защиту старинных зданий Томска присоединились сотни граждан // Московский комсомолец. Томск [электронный ресурс]. URL: <https://tomsk.mk.ru/social/2019/05/06/k-fleshmobu-v-zashhitu-starinnykh-zdaniy-tomska-prisoedinilis-sotni-grazhdan.html> (дата обращения: 11.09.2021).

сырьё и утилизирующими отходы. В Алтайском крае это отделение международной организации (действует в странах СНГ) «Мусора.больше.нет», имеющее 5236 подписчиков ВКонтакте, имеет страницу в Одноклассниках и канал на YouTube, а также сообщество в Instagram «Раздельный сбор Барнаул» (8689 человек). В Новосибирске крупнейшее экосообщество – инициативная группа «Живая Земля» (3763 человека ВКонтакте) и реализуемый ею проект «Акция «Зеленая белка» (7987 участников ВКонтакте, 12800 – в Instagram, также представлена в Twitter и Facebook). В Томской области действуют кампания «Чистый мир. Томск» и объединение «Экологическое движение “Зелёный луч” Томск», представленные не только в соцсетях (сообщество «Чистый мир» ВКонтакте насчитывает 5962 подписчиков, в Instagram – 3564, «Зеленый луч» – 3279 подписчиков ВКонтакте, также представлен в Instagram и Facebook), но и имеющие собственные сайты. В Кемеровской области крупнейшим экологическим объединением можно назвать «ЭкоКемерово. Экологическое сообщество» – 2388 подписчиков ВКонтакте, 2901 – в Instagram, 1206 – в Одноклассниках, имеет собственный канал на YouTube.

Основными задачами данных групп являются пропаганда «экологически ответственного» поведения среди населения, внедрение в жизнь принципов раздельного сбора мусора и переработки отходов, проведение мероприятий экологической направленности, взаимодействие с местными властями и общественными организациями по вопросам защиты окружающей среды. В своей деятельности указанные сообщества применяют самые разнообразные формы активности: своими силами или с помощью партнёров организуют пункты сдачи вторсырья, устанавливают урны для раздельного сбора мусора, проводят экологические субботники, производят и продают товары из экологически чистых материалов, запускают проекты «фримаркетов» (мест некоммерческой обмена вещей). Также они привлекают внимание общественности, СМИ и органов власти к экологической ситуации в городах, информационно и ресурсно поддерживают другие площадки подобной направленности, проводят «экологические уроки» в учреждениях образования, организуют обучение активистов и заинтересованных граждан основам экологичного поведения.

В исследуемых регионах действуют и менее крупные сообщества экологической направленности: «Клуб ЭКО осознанности Новая ЭРА», «КуРСОР (Мы за Чистый мир)» (Томск), «Жить экологично в Кузбассе», «Алтайский краевой детский экологический центр», а также новосибирское отделение «ЭКА! Зелёное Движение России» и др. В основном, по целям и задачам они аналогичны сообществам-лидерам, но, не обладая их ресурсами и возможностями, концентрируются на просветительской деятельности по формированию экологической культуры граждан.

Третий сегмент «экологов» составляют группы более узкой проблемной направленности – «ЭКОЦЕНТР – Центр рециклинга и экологии КУЗБАСС», «Зелёный курс» (Кемерово), «Батарейки, Сдавайте!» (Томск), «Расти, город Томск», «Экоцентр ProZero» (Новосибирск), «Крышки Енота» (Барнаул, Новосибирск). Они, как правило, занимаются

решением вполне конкретных вопросов: утилизацией опасных отходов, сбором вторсырья, переработкой органики, проведением экологических субботников и т. п.

Некоторые из сообществ данного сегмента являются частью общероссийской сети, обладающей собственной организационной структурой, информационными и материальными ресурсами и включающей десятки групп на территории России, например проекты «ЭКОДВОР» (реализуется в 30 городах, есть в Кемерове и Новосибирске) и «Чистые игры» (охвачено 330 населенных пунктов, реализуются в Барнауле, Новосибирске, Кемерове).

Все варианты экологических сообществ имеют схожие проблематику, цели и задачи, тесно взаимодействуют друг с другом в пределах одного региона, проводят совместные акции, предоставляют информационную поддержку, площадки или ресурсы для проводимых мероприятий, а состав участников разных групп частично совпадает.

Отдельно стоит выделить движения, направленные на защиту определённых территорий или географических объектов (лесов, водоёмов и т. д.): «Томск в защиту Академгородка, озёр и леса», «Защитим Томскую тайгу», «Алтайский краевой Совет по защите лесов», «Эко-парк “Ползуновъ”» (Барнаул), «Открытая Эко Школа “Чистые берега”» (Барнаул), «Сохраним Заельцовский бор!» (Новосибирск). Необходимо отметить, что они пересекаются с сообществами градозащитной проблематики, в частности, по вопросам сохранения парков, скверов и других зелёных насаждений, очистки береговой линии в городах, создания общественных пространств для досуга и отдыха.

Проблематично установить точное количество участников рассматриваемых сообществ, хотя можно отметить тенденцию к его росту. Кроме активистов и непосредственных участников, значительная часть населения поддерживает цели движений, не входя в их состав. Например, наблюдается увеличение числа граждан, раздельно собирающих мусор, сдающих макулатуру, батарейки, ртутные лампы и иное вторсырьё. Как отмечают сами активисты-экологи, «основной костяк экологического движения в Барнауле, включая тех, кто не участвует в общественной работе, а просто регулярно сдаёт вторсырьё, – это молодые люди 25–30 лет»¹. Параллельно создаётся экологическая инфраструктура: так, в Барнауле сообщество «Мусора.Больше.Нет» ежемесячно проводит акцию раздельного сбора мусора у населения, организуя 38 точек сбора², такую же

¹ Газета «Вечерний Барнаул» рассказала, как активисты общественной организации «Мусора.Больше.Нет» развивают в городе культуру раздельного сбора отходов // Информационный портал НКО Алтайского края [электронный ресурс]. URL: <https://www.nko22.ru/news/gazeta-vecherniy-barnaul-rasskazala-kak-aktivisty-obshchestvennoy-organizatsii-musora-bolshe-net-raz/> (дата обращения: 02.09.2021).

² Газета «Вечерний Барнаул» рассказала, как активисты общественной организации «Мусора.Больше.Нет» развивают в городе культуру раздельного сбора отходов // Информационный портал НКО Алтайского края [электронный ресурс]. URL: <https://www.nko22.ru/news/gazeta-vecherniy-barnaul-rasskazala-kak-aktivisty-obshchestvennoy-organizatsii-musora-bolshe-net-raz/> (дата обращения: 02.09.2021).

акцию проводит «Зелёная белка» в Новосибирске (17 точек)¹, в Томске действовал проект «Чистого мира» по размещению контейнеров для раздельного сбора мусора «Жёлтые сетки» (приостановлен в 2021 г., но сообщество принимает вторсырьё на центральном складе²) и т. д.

К выводам

В целом анализ городских общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири показал, что они в своей деятельности основываются прежде всего на постматериальных ценностях. Это обуславливает тесное взаимодействие экологического и градозащитного направлений активности граждан, с одной стороны, и ограниченность их социальной базы – с другой.

Также следует отметить особенности функционирования гражданских сообществ в различных регионах, связанные со спецификой социально-политической и экономической ситуации в них. В частности, ожидаемо регионом с наибольшим числом и активностью городских сообществ стала Новосибирская область как наиболее населённый и экономически развитый регион. В Томской области более представлены объединения экологической, а в Алтайском крае – урбанистической направленности. В Кемеровской же области общественные движения ограничиваются почти исключительно экологической сферой.

Сам факт наличия подобных движений как социальных акторов позволяет говорить о частичной реализации на муниципальном уровне идеи совместного управления (governance). Она подразумевает вовлечение в управленческий процесс самоорганизующихся сообществ и иных негосударственных субъектов, ориентацию на консенсус при принятии решений, общественное доверие и неформальный социальный контроль. Конечно, существующая институциональная среда в настоящий момент не способна «предоставлять возможность аккумулировать мнения многочисленных политических и общественных акторов, способствовать обмену мнений, поиску консенсуса при принятии политических, экономических, социальных и иных решений, имеющих поддержку широких общественных кругов» [10, с. 17].

С другой стороны, сохраняет актуальность вывод И. А. Халий, что «местные сообщества являются порождающей общественные организации средой, не являясь при этом средой, их поддерживающей» [7, с. 116]. Большинство горожан не готово к коллективным и постоянным действиям по самостоятельному планированию развития и решению проблем своих территориальных сообществ. Формирование этой

¹ «Зелёная белка» заберёт у новосибирцев пакеты с пакетами и жёсть // Новосибирские новости [электронный ресурс]. URL: <https://nsknews.info/materials/zelyenaya-belka-zaberyet-u-novosibirtsev-pakety-s-paketami-i-zhest/> (дата обращения: 02.09.2021).

² Проект «Жёлтые сетки». наших сеток в городе больше нет, но мы продолжаем принимать вторсырьё // Чистый мир [электронный ресурс]. URL: <https://www.clearwld.ru/yellowcontainer> (дата обращения: 02.09.2021).

готовности – сложный процесс, скорость и результаты которого зависят и от сегодняшней деятельности общественников-активистов, и от возрастания социального капитала российских граждан, и от, как это ни парадоксально, появления неблагоприятных факторов и угроз, всё чаще пробуждающих «человека действующего».

Библиографический список

1. Бронников И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2020. № 1. С. 7–18.
2. Воронкова О. А. Интернет-активность и гражданское сознание // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим. Сборник научных статей / Под ред. Ю. А. Красина, А. Б. Вебера, А. А. Галкина. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 192–208.
3. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
4. Петухов В. В., Петухов Р. В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Власть. 2015. № 5. С. 25–48. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.04
5. Слатинов В. Б., Меркулова К. Г. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3. Т. 10. С. 37–45.
6. Соколов А. В., Грушина Е. П. Условия развития политической активности в сети Интернет // Вестник Пермского государственного университета. 2015. № 1. С. 157–167. DOI: 10.12737/11674
7. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.
8. Юханов Н. С. и др. Российское гражданское общество: общее, особенное, единичное. Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях (материалы круглого стола 15.09.2009) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2009. № 4. С. 106–109.
9. Ягодка Н. Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 4. С. 128–140.
10. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. Т. 26. С. 15–25. DOI: 10.31171/vlast.v26i4.5757

Получено редакцией: 17.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет
Качусов Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789

EDN: UNANYF

Classification of Network Social Movements in the Cities of Southwestern Siberia Regions¹

Yaroslava Yu. Shashkova

Altai State University, Barnaul, Russia

E-mail: yashashkova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6126-7097

Dmitry A. Kachusov

Altai State University, Barnaul, Russia

E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8143-6214

For citation: Shashkova Ya. Yu., Kachusov D. A. Classification of network social movements in the cities of Southwestern Siberia regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 48–64. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.789; EDN: UNANYF

Abstract. The article presents the results of the study of urban Internet communities of a causal nature in the regions of Southwestern Siberia. Communities are analysed by variables: the degree of their development, the number of participants, the goals and objectives set, the forms of activity used. These communities were identified in social networks and messengers such as VKontakte, Facebook, Twitter, Odnoklassniki, Instagram, Telegram, as well as among YouTube channels and specialized sites. The informatisation of modern society provides citizens with more and more opportunities to participate in public life and establish horizontal communications. This is combined with the processes of raising the level of civic consciousness and the search for “workarounds” for participation in public politics. Both of these tendencies lead to more and more active involvement of citizens in the processes of self-organisation and participation in various associations. This leads to an increase in the number of urban problematic (causal) communities and in the number of their participants, the creation of new projects, and the massification of their actions. There can be distinguished two main vectors for the development of such urban communities: urban protection and environmental. The first direction deals with the issues of arranging the living environment of citizens and creating “places of application” of causal civil activity, with problems of combining commercial, social, historical and cultural principles in the development of cities. The second one deals with the issues of protecting the natural environment, improving the living conditions of citizens, changing the consciousness and behaviour of people towards those more environmentally friendly. The set of methods used by all these communities is very wide: information campaigns in media and the Internet, filing petitions and appeals, organising of practical activities in the direction of their work, educating citizens, holding pickets and other public events, establishing contacts between civil society and government. It should be noted that there is no strict distinction between the communities of the two main problem areas, since the tasks they strive to solve (for example, the preservation of green areas in cities, the fight against landfills, etc.), as well as the composition of the participants, partially coincide.

Keywords: local self-government, civil initiatives, urban communities, social networks, network communities, self-organisation of citizens, city protection movement, civil activity, environmental movement

References

1. Bronnikov I. A. Civic activism in network communities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2020: 1: 7–18 (in Russ.).

¹ The publication was prepared as part of the RFBR-supported research project No. 20-311-90029 “Civic activism as a factor of the development of local self-government in modern Russia (on the example of the regions of Southwestern Siberia)”.

2. Voronkova O. A. Internet-aktivnost' i grazhdanskoe soznanie [Internet activity and civic consciousness]. Razum na rasput'e: Obshchestvennoe soznanie mezhdru proshlym i budushchim. Sbornik nauchnyh statej. Ed. by Yu. A. Krasin, A. B. Veber, A. A. Galkin. Moscow, Aspekt Press, 2017: 192–208 (in Russ.).
3. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017: 6: 43–60 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
4. Petuhov V. V., Petuhov R. V. Participatory democracy: institutional crisis and new prospects. *Vlast'*, 2015: 5: 25–48 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2015.05.04
5. Slatinov V. B., Merkulova K. G. Sovremennyy etap rossijskoj municipal'noj reformy: sodержanie i ozhidaemye efekty [The current stage of the russian municipal reform: content and expected effects]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2015: 3: 10: 37–45 (in Russ.).
6. Sokolov A. V., Grushina E. P. Usloviya razvitiya politicheskoy aktivnosti v seti Internet [Conditions for the development of political activity on the internet]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015: 1: 157–167 (in Russ.). DOI: 10.12737/11674
7. Khaliy I. A. Sovremennye obshchestvennye dvizheniya: innovacionnyj potencial rossijskih preobrazovaniy v tradicionalistskoj srede [Modern social movements: the innovative potential of Russian transformations in a traditionalist environment]. Moscow, IS RAN, 2007: 300 (in Russ.).
8. Yuhanov N. S. and others. Rossijskoe grazhdanskoe obshchestvo: obshchee, osobennoe, edinichnoe. Grazhdanskoe obshchestvo: teoriya i sovremennaya praktika v mirovom i rossijskom izmereniyah (materialy kruglogo stola 15.09.2009) [Civil society: theory and modern practice in the world and russian dimensions. Materials of the “round table” 15.09.2009]. *Vestnik RUDN. Seriya “Politologiya”*, 2009: 4: 106–109 (in Russ.).
9. Yagodka N. N. Civic initiative as an instrument of dialogue between government and civil society in Russia. *Vestnik RUDN. Seriya “Politologiya”*, 2015: 4: 128–140 (in Russ.).
10. YAkimec V. N., Nikovskaya L. I. Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for developing the public-state governance. *Vlast'*, 2018: 4(26): 15–25 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v26i4.5757

The article was submitted on: October 17, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yaroslava Yu. Shashkova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Political Sciences, Altai State University
Dmitry A. Kachusov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Political Sciences, Altai State University

Приложение 1

Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Ссылка	Подписчики
Шпиль–Барнаулское городское сообщество	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/shpil_org	1093
		Facebook	https://ru-ru.facebook.com/groups/shpil	2400
Градика – городские инициативы и проблемы	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/gradika	1237
		Сайт	https://gradika.ru/	-
Стрекалов. Благоустроенный Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/gdevnsk	3951
		Одноклассники	https://ok.ru/group/58223750479944	14
Центр развития городской среды Томской области	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/sredatomsk	1035
		Instagram	https://www.instagram.com/sreda_tomsk/	1059
		Одноклассники	https://ok.ru/group/55690400891089	230
		Facebook	https://www.facebook.com/sredatomsk	137
		YouTube	https://www.youtube.com/channel/UCTO-Bp4dhPQAxKGCxxv9v0w	30
Цивилизованный город	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/civilgorod	1149
Партнёрство «Городской конструктор»	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/konstruktor_siberia	338
Городские реновации Новосибирская область	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/u_renovate_nso	570
Центр Урбанистики Алтайского края	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/club183364963	205
Новосибирск комфортная среда	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/club183364963	35
Городские проекты	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/city4people_ban	225
	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/city4people_nsk	695
	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/city4people_tomsk	609
	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/city4people_kem	346
Изнанка Барнаула. Гражданский патруль	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/public64314430	570

Окончание Приложения 1

Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Ссылка	Подписчики
Гражданский патруль	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/altaygp	125
	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/civilpatrolnsk	4141
	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/civilpatrol_kuzbass	162
Точка кипения – Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/tochka_kipeniya_nsk	430
Точка кипения – Томск	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/tboil70	2554
Точка кипения – Новокузнецк	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/tknvkz142	290
Транспорт и дороги Новосибирска	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/club76279431	1636
Маршрутка TV	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ourobges	956
TRANSPORT.БРН	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/transport_brn	775
Субботники Парк БМК – народный парк	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/parkbmk	109
Субботники на Спичке	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/fabrika_spichka	633
Сохраним Военный городок № 17 в Новосибирске!	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/v_gorodok_nsk	24
Гражданин ОББГЭС	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/gognsk	324
ТРОД «Исторический центр»	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/savetomsk	47
Барнаульский Нытик	Алтайский край	Telegram	@barnaulwhiner	1705
Бердск: Всё плохо	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/vse_plocho	1224

Приложение 2

Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Ссылка	Подписчики
Мусора.больше.нет	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/mbn_barnaul	5236
		Одноклассники	https://ok.ru/mbn.barnaul	329
		YouTube	https://www.youtube.com/channel/UC-19ox9wvV-7Acjv8OV6vka	106
Раздельный сбор Барнаул	Алтайский край	Instagram	https://www.instagram.com/mbn_barnaul/	8689
Живая Земля	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/zivaya_zemlya	3763
Зеленая белка	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/eco_week	7987
		Instagram	https://www.instagram.com/green.belka/	12800
		Twitter	https://twitter.com/Zelenaya_Belka	44
		Facebook	https://www.facebook.com/greenbelka2014/	347
		YouTube	https://www.youtube.com/channel/UChSXyguG1aNgLYzCIPwsSaA	130
Чистый мир. Томск	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/clearworld_tomsk	5962
		Instagram	https://www.instagram.com/clearworld_tomsk/	3564
		Сайт	https://www.clearwld.ru	-
Экологическое движение «Зелёный луч» Томск	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/greenlight_tomsk	3279
		Instagram	https://www.instagram.com/greenlighttomsk/	132
		Сайт	https://greenlight-tomsk.vsite.biz	-
ЭкоКемерово. Экологическое сообщество	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ecokem	2388
		Instagram	https://www.instagram.com/eco_kem/	2901
		Одноклассники	https://ok.ru/ecokemerovo	1206
		YouTube	https://www.youtube.com/channel/UCXUUBlxTxyNH7UkJl2F9ktg	73
Клуб ЭКО осознанности Новая ЭРА	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ecomindclubtomsk	821
КурсОр (Мы за Чистый мир)	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/kursor4m	1351
Жить экологично в Кузбассе	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ecokuzbass	1317
Алтайский краевой детский экологический центр	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/akdec	13:10
		Сайт	https://akdec.ru/	-
Зелёное движение «ЭКА» Новосибирская область	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/eca54	462

Окончание Приложения 2

Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Ссылка	Подписчики
ЭКОЦЕНТР – Центр рециклинга и экологии КУЗБАСС	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/club30169843	868
Зелёный курс	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/zelenikurs	489
Батарейки, Сдавайтеесь! Томск	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/batareiki_tomsk	1493
Расти, город Томск	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/rastigorodtomsk	367
Экоцентр ProZero	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/prozero_eco	2020
Крышки Енота	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/krishki_enota_nsk	3469
	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/krishki_enota	290
#ПОДЕЛИСЬ_КРЫШЕЧКОЙ	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/podelis_krishechkoi	240
ЭКОДВОР – Кемерово	Кемеровская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ecocity142	320
Экодвор Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/ecodvor_nsk	235
Чистые игры	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/clean_games_barnaul	276
	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/tomskcleangames	202
	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/cleangames_nsk	655
Томск в защиту Академгородка, озёр и леса	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/za_akademgorodok	884
Защитим Томскую тайгу	Томская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/les_tomsk	3192
Алтайский краевой Совет по защите лесов	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/public172297177	478
Эко-парк «Ползуновъ»	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/park_polzunov	677
Открытая Эко Школа «Чистые берега»	Алтайский край	ВКонтакте	https://vk.com/club182808750	834
Сохраним Заельцовский бор!	Новосибирская обл.	ВКонтакте	https://vk.com/spasem_bor	340
		Сайт	http://spasibor.ru	-

ТЕМА НОМЕРА

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ И МОТИВАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.790

EDN: SZGOEV

Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса¹

Ссылка для цитирования: Воронина Н. С., Башева О. А. Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 65–90. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.790; EDN: SZGOEV

For citation: Voronina N. S., Basheva O. A. Motivation of volunteers involved in emergency situation response: results of a mass survey. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 65–90. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.790; EDN: SZGOEV

**Воронина
Наталья Сергеевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

navor@bk.ru

AuthorID ПИНЦ: 725230

**Башева
Ольга Александровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

OlgaAUsacheva@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 670607

Аннотация. Данная статья является продолжением опубликованной в «Вестнике Института социологии» (2021. Том 12. № 4) работы. В статье анализируется мотивация волонтеров, действующих в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС). Участие волонтеров рассматривается как реальный эффективный инструмент помощи официальным службам при реагировании на ЧС (наводнения, пожары, пропажа людей в природной и городской

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

средах). При этом деятельность волонтеров сопряжена с физическими и эмоциональными нагрузками, рисками для жизни и здоровья, в связи с чем необходимо знание о том, что мотивирует этих людей включаться в данную деятельность и удерживаться в ней длительное время. Авторами показано, что данная тема остаётся мало изученной в России. Для поиска наиболее адекватной методики изучения мотиваций российских волонтеров авторами проведён анализ существующих теоретических подходов, а также ряда качественных и количественных эмпирических исследований по соответствующей проблематике. Результаты массового опроса, проведённого авторами, демонстрируют, что в России распространены мотивы, схожие по смысловому наполнению с типологией мотивов, предложенной И. Г. Клери и М. Снайдером. Наиболее распространёнными мотивами являются альтруистический (потребность в безвозмездной помощи людям) и личностный (характеризующийся потребностью в саморазвитии). За свою деятельность российские волонтеры чаще всего получают символическое вознаграждение: грамоты, благодарности или возможность поучаствовать в обучающих семинарах. При этом они отмечают, что вообще ничего не ожидают в обмен на свою помощь. При выборе волонтерской организации добровольцы чаще всего ориентируются на круг проблем, которыми эта организация занимается, а также на возможность в рамках данной организации реализовать собственный потенциал. Анализ также показал, что почти половина опрошенных когда-то имели мысли выйти из волонтерской деятельности, и прежде всего такое желание у них возникало из-за эмоционального выгорания. Однако в планах на 3–5 лет почти все респонденты не планируют прекращать волонтерскую работу. Полученные результаты анализируются с позиций теорий мотивации А. Маслоу, Л. Хастингс и Ф. Ламмертина.

Ключевые слова: социология, спасательное волонтерство, чрезвычайные ситуации, мотивация, мотивы участия, Россия

Постановка проблемы

Важность изучения мотивации¹ участия волонтеров в предотвращении чрезвычайных ситуаций (ЧС) и реагировании на них подчёркивается во многих международных документах². В практическом плане в России государственная заинтересованность в вовлечении волонтеров в реагирование на ЧС³ всецело проявилась после 2018 г. («Года волонтера»), когда сформировалась сеть инфраструктуры поддержки добро-

¹ В самом общем смысле мотивационная теория стремится объяснить, что побуждает людей к действию, что направляет такое поведение и как оно поддерживается [27].

² Например, в Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий 2015–2030 гг. (Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. URL: https://www.unisdr.org/files/43291_russiainsendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 03.02.2022), или в Резолюции ООН о поддержке добровольчества (Резолюция 56 сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Рекомендации о поддержке добровольчества. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/38> (дата обращения: 03.02.2022), а также в стратегиях развития нашей страны (Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf> (дата обращения: 03.02.2022)).

³ В предыдущих работах авторов уже были показаны особенности волонтерства в условиях ЧС, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе (подробнее см. [1])

вольчества в субъектах РФ, а именно, Ресурсные центры по поддержке добровольчества в сфере культуры безопасности и ликвидации последствий стихийных бедствий, президентские гранты и проч.

По оценкам МЧС, количество ЧС в России в 2021 г. увеличилось на 14% по сравнению с 2020 г.¹, при этом ЧС могут наносить ущерб не только окружающей среде, привычному образу жизни людей, приводить к материальным потерям, но и вести к масштабным человеческим жертвам. Среди самых крупных ЧС за последнее время стали наводнения в Краснодарском крае (2012) и на Дальнем Востоке (2013), пожары в Якутии (2019–2021). Нельзя забывать и о том, что в России в природной и городской средах ежегодно пропадает порядка 180 тысяч человек, а около 20 тысяч из них не удаётся найти². Таким образом, ЧС приводят к значительным потерям, таким как ущерб имуществу, инфраструктуре, гибель, травмы и болезни людей, финансовый ущерб государству, экологические загрязнения и др. Многочисленные исследования³ подтвердили, что участие волонтеров минимизирует эти потери, поэтому их включение в реагирование на ЧС важно на всех этапах: в их предотвращении, работе непосредственно в зоне ЧС, а также ликвидации их последствий. Тем не менее участие в волонтерской деятельности такого рода может быть сопряжено с большими затратами, риском для жизни и здоровья, эмоциональным выгоранием, тяжёлыми физическими нагрузками, что может приводить к разовому участию в волонтерской деятельности в условиях ЧС либо желанию выйти из этой деятельности после определённого срока. В связи с этим знание о том, что мотивирует волонтеров заниматься этой деятельностью, необходимо для разработки мер по их вовлечению и удержанию в ней. В данной статье будет рассмотрена мотивационная структура волонтеров в условиях ЧС, под которой мы понимаем распределение мотивов по важности в оценках самих волонтеров.

Проблема нашего исследования носит скорее онтологический характер, что связано с отсутствием глубинных знаний о том, что именно мотивирует российских волонтеров участвовать в спасательной работе. В западных странах, в частности в Австралии, США и Германии, есть исследования опыта участия добровольных пожарных, участников поисково-спасательных групп [18; 21], а также *pro bono* волонтеров, например врачей, которые мобилизуются посредством мобильных приложений⁴. Ниже мы приведём обзор данных исследований. В нашей стране могут быть свои ограничения на участие добровольцев, которые мы

¹ Ущерб от ЧС в России в этом году может превысить 165 млрд рублей // Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13253779> (дата обращения: 19.01.2022).

² В «Лиза Алерт» рассказали, сколько людей ежегодно теряется в России. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/05042021/159711?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 03.02.2022).

³ Например, [6; 11].

⁴ См., например, опыт Израиля: [23].

должны учитывать, чтобы создать необходимые условия для эффективной работы волонтеров и их успешного взаимодействия с официальными службами экстренной помощи.

Известно, что в текущее время практически в каждом регионе России уже есть официальные соглашения о сотрудничестве между МВД и различными добровольными поисково-спасательными отрядами¹, проводятся совместные учения добровольцев² и МЧС, и это говорит о том, что помощь волонтеров рассматривается как реальный ресурс официальных служб, но для того, чтобы понять, как сделать её долгосрочной, предстоит изучить мотивы волонтеров к вступлению в эту деятельность и удержанию в ней.

Предыдущие исследования мотивации волонтеров, действующих в условиях ЧС

Для того, чтобы понять, что уже исследовано, а какие области остаются неизученными в теме мотивации волонтеров в условиях ЧС, мы обобщили найденные нами эмпирические исследования (табл.1). Рассмотренные работы зачастую не содержали теоретического обоснования, лишь редкие из них являются исключением. Наиболее часто используемой является *теория мотивации А. Маслоу* [25], согласно которой, в основе мотивов личности лежат потребности, понимаемые как отсутствие чего-либо, вызывающее побуждение к действию. Маслоу предложил пирамиду потребностей, которые делятся на базовые (физиологические и потребности в безопасности) и метапотребности – потребности высшего порядка (социальные, престижные, духовные потребности), возникающие, когда удовлетворены базовые. Таким образом, пирамида Маслоу скорее может служить теоретической рамкой для объяснения факторов, влияющих на мотивацию волонтеров, таких как, например, наличие высокого дохода, позволяющего без риска для своего бюджета тратить свободное время на добровольческую деятельность. К недостаткам данной теоретической рамки, применительно к мотивации волонтерской деятельности можно отнести то, что она ничего не говорит нам о возможных типах мотивов и об их иерархии. Чтобы дать объяснение иерархии мотивов, рассматривают ценностно-мотивационную структуру волонтеров, которая базируется на идее Р. Инглхарта: по мере развития общества происходит переход от материалистических ценностей (где значимы традиции, благосостоя-

¹ Сведения о действующих региональных волонтерских отрядах, ориентированных на розыск граждан, пропавших без вести, с которыми взаимодействуют органы внутренних дел (актуально на декабрь 2020).

² См., например: Активисты «Лизы Алерт» отработали поиск людей в лесу с рязанскими следователями, 18.06.2018 // рзн. инфо. URL: <https://www.rzn.info/news/2018/6/15/aktivisty-lizy-alert-otrabotali-poisk-lyudey-v-lesu-s-ryazanskimi-sledovatelyami-foto.html> (дата обращения: 03.02.2022); Совместные учения впервые провели поисковики «Лизы Алерт», МЧС, МВД и Служба спасения Костромской области, 27.05.2018 // МК Кострома. URL: <https://kostroma.mk.ru/social/2018/05/27/sovместnye-ucheniya-vpervye-proveli-poiskoviki-lizy-alert-mchs-mvd-i-sluzhba-spaseniya-kostromskoy-oblasti.html> (дата обращения: 03.02.2022).

ние, безопасность) к постматериалистическим (где подчёркивается важность индивидуальных ценностей, таких как, например, саморазвитие). Теория Р. Инглхарта во многом основывается на пирамиде потребностей А. Маслоу [3, с. 149]: когда у людей удовлетворены базовые потребности, и им не нужно думать о выживании и безопасности, у них актуализируются потребности более высокого порядка, такие как самовыражение. Таким образом, можно объяснить превалирование мотивов, связанных с карьерным продвижением, потребностью в выживании – возможностью получать более высокую зарплату, тогда как мотив альтруизма является примером потребностей высшего порядка и присущ тем волонтерам, у которых удовлетворены высшие потребности.

Развивая эти идеи в рамках изучения волонтерского сообщества, Л. Хастингс и Ф. Ламмертин [22] для объяснения мотивации волонтеров также применили *теорию модернизации Инглхарта* и описывали тип волонтеров с традиционными (материалистическими) ценностями как «коллективный», а с современными (постматериалистическими) – как «рефлексивный». Волонтеры руководствуются чувством долга или ответственности перед местным сообществом, альтруизмом. Коллективное волонтерство сопряжено с членством в группе и сильной значимостью групповой идентичности. В то время как у рефлексивного типа акцент смещён в сторону индивидуализма, и мотивы его более эгоистичны: саморазвитие, построение карьеры, нацеленность на конкретный результат, свобода выбора. Но, по мнению Л. Хастингса и Ф. Ламмертина, говорить о жёстком разделении на два типа не стоит, поскольку в настоящий момент наблюдается плюрализация мотивов волонтеров, у одного человека могут быть мотивы как коллективного типа, так и рефлексивного, и они «не обязательно противоречат друг другу, но усиливают и обогащают мотивацию» [22, с. 168].

В других исследованиях для объяснения мотивации экстренных служб спасения использовались *теория социального обмена* (Дж. Хоманса) или *теория рационального выбора*¹. С точки зрения этих теорий в основе волонтерской деятельности могут лежать эгоистические мотивы, такие как, например, престиж, социальный контакт и улучшение человеческого капитала. Сторонники теории социального обмена полагают, что за свою деятельность доброволец ожидает адекватное приложенным усилиям вознаграждение, будь то продвижение по карьерной лестнице или получение нового опыта, полного ярких ощущений. Сторонники теории рационального выбора утверждают, что волонтеры анализируют затраты и выгоды от своего участия, не ориентируясь на альтруизм. Они не будут участвовать, если не могут понять для себя какой-либо выгоды [10]. С позиции типологии социального действия по М. Веберу: *целерациональным* может являться пример вовлечения в спасательное волонтерство как предпосылка к получению аттестации, необходимой для профессиональной работы спасателем; *ценностно-рациональным* может быть пример волонтерства в ЧС из-за религиозных убеждений о помощи ближнему в тяжёлой жизненной ситуации; *аффективным* может быть пример участия в волон-

¹ См., например, [27].

тёрстве в условиях ЧС, когда человеку нравятся те эмоции, которые он переживает, осуществляя эту деятельность, испытывает новые ощущения; *традиционным*, – если волонтерством в ЧС занимались ещё родители и это стало нормой в семье. Недостатком данных теоретических рамок является априорное убеждение в том, что у волонтеров отсутствуют альтруистические мотивы в чистом виде, везде они преследуют какую-то выгоду, даже если она чисто символическая. Данное убеждение, на наш взгляд, требует эмпирической проверки.

На практике для оценки мотивации используют как качественные, так и количественные методы. Среди количественных наиболее популярны такие опросники, как «Список волонтерских функций» («Volunteer Functions Inventory») «Шкала установок относительно помощи другим» («Attitudes toward Helping Others Scale»), «Шкала помогающих отношений» («The Helping Attitudes Scale»), «Шкала волонтерства-активизма Бейлза» («Bales Volunteerism-Activism Scale») и «Шкала мотивации силы помощи» («Helping Power Motivation Scale»). Но самый широко применяемый из них, ставший стандартным инструментом – это *типология функциональных мотивов*, предложенная Клери и Снайдером [14]. С точки зрения этой типологии деятельность может быть одинаковой у разных волонтеров, а мотивы заниматься ею – разные. И с другой стороны, волонтеры могут иметь несколько мотиваций одновременно, и они могут меняться с течением времени.

Типология Клери и Снайдера включает шесть различных мотивов: *альтруистические* – желание действовать в соответствии с общечеловеческими ценностями и равнодушие к другим; *личностные* – желание приобрести навыки или лучше узнать людей; *социальные* – стать членом группы и заслужить одобрение; *карьерные* – приобрести опыт и контакты, полезные для продвижения по службе; *защитные* – бегство от личных проблем; а также повышение самооценки – укрепление чувства собственного достоинства, уверенности в себе.

Обзор исследований, в которых применялась данная типология, показал, что основной мотив волонтеров – альтруистический, ориентированный на других. А вот социальные и защитные мотивы чаще имеют меньшие значения [16; 17; 24].

Проведенный нами обзор [2] исследований в области волонтерства общественной безопасности подтвердил популярность данной методики.

Причиной частой применяемости типологии И. Г. Клери и М. Снайдера, по мнению Ф. Чейкон и коллег, служит её универсальность, достигаемая благодаря хорошо обоснованной теоретической базе, хорошим психометрическим свойствам и адаптации к разным культурным контекстам и направлениям волонтерства [13]. И всё же данная типология многократно подвергалась критике, например, Р. Кнаан и Р. Гольдберг-Глен [16] утверждают, что в основе деятельности волонтеров лежит совокупность мотивов, а не отдельные мотивы. Кроме того, мотивы имеют сложную многоуровневую природу, а не ограничиваются описанием, приведённым в работе И. Г. Клери.

Некоторые авторы предлагают альтернативные или скорректированные модели анализа волонтерских мотивов. Так, П. Холвитт и коллеги [21] высказывают мнение о том, что концепция И. Г. Клери и М. Снайдера эклектична, не содержит теоретической основы, игнорирует более сложные мотивационные модели, поэтому авторы лишь опираются на модель, основанную на концепции функциональных мотивов Клери, но предлагают интегрировать её в общие рамки. В связи с этим для исследования волонтерского вовлечения в менеджмент катастроф в трёх регионах Германии авторы выбрали подход, предполагающий, что участие в ликвидации последствий стихийных бедствий удовлетворяет три базовые психологические потребности человека: в принадлежности (к той или иной форме сообщества), уверенности/определённости (которая связана с интересом к познанию мира и стремлением к предсказуемости и порядку, справедливости и взаимности) и контроле (который означает потребность активно формировать мир, влиять на своё окружение и немедленно осознавать результаты своих действий).

Результаты анализа эмпирических исследований показали, что наибольшую проработку тема мотивации волонтерства в условиях ЧС получила в Австралии. В российском контексте ещё нет комплексных исследований данного феномена, за исключением нескольких инициативных проектов [2; 4]. Как можно заметить из табл. 1, в рассмотренных исследованиях авторы очень часто не приводили определения мотивации, таким образом, затрудняя понимание того, почему то или иное суждение в анкете они принимали за мотив. Было ли общее основание для выделения мотивов? Как формировались эти мотивы? Какова их структура? К сожалению, авторы не приводят ответы на эти вопросы.

Найденные нами исследования были преимущественно выполнены в количественной методологии, лишь несколько – в качественной¹. Если рассматривать общие тенденции полученных эмпирических выводов (табл. 1), несмотря на разницу в методиках, культурного контекста различных стран и т. д., то получается, что большинство исследований подтверждает, что у волонтеров, реагирующих на ЧС, преобладают альтруистические мотивы. Некоторые исследователи, например Дж. МакЛеннан, А. Берч [26], заранее закладывали в анкету только определённые мотивы, не объясняя, почему включён именно такой набор суждений. Другие, например С. Райс и Б. Фэллон [27], применяли теорию социального обмена в качестве теоретической рамки и рассматривали только те мотивы в эмпирической части, которые могли бы быть объяснены этой теорией, такие как вознаграждения различного типа (карьерные поощрения, сплочённость группы, похвала и т. д.), поэтому в данном случае встаёт вопрос о валидности полученных результатов. Д. Э. Фрэнсис, М. Джонс [18] выбирали в качестве типологии мотивов упомянутую выше модель функциональной мотивации И. Г. Клери, М. Снайдера и коллег [14], не ставя под сомнение, что эта типология универсальна.

¹ См., например, [4; 21; 23].

Таблица 1 (Table 1)

Исследования, посвященные мотивации волонтеров в условиях ЧС
Studies on the motivation of volunteers in ES

Год публикации, страна, авторы	Выборка, методология	Определение мотивации	Теоретическая рамка	Результат: наиболее распространённые мотивы
2012, Дж. МакЛеннан, А. Берч [26]. Австралия	455 волонтеров-пожарных, количественная методология	Отсутствует	Отсутствует	Беспокойство о безопасности людей, желание внести свой вклад, саморазвитие в личном и карьерном плане
2006, Дж. Карпентер, С. К. Майерс [12]. США	413 волонтеров-пожарных, количественная методология	Отсутствует	Модель просоциального поведения Р. Бенабу и Дж. Тироля,	Уровень религиозности, альтруизм, социальные и карьерные мотивы положительно связаны с решением стать волонтером
2019, Б. Калькатт [11]. Австралия	552 волонтера экстренных служб спасения, количественная методология	Мотивы – рациональные и эмоциональные причины действий	Теория базовых ценностей Ш. Шварца	Главный фактор мотивации волонтеров – альтруистические ценности
2014, Х. Байтия, М. К. Наджа [7]. Лива	332 волонтера-студента, реагирование на землетрясение, количественная методология	Отсутствует	Функциональная теория мотивации. И. Г. Клери, М. Снайдер, Р. Д. Ридж, Дж. Коупленд, А. А. Стукас, Дж. Хауген и П. Мине	Главный фактор мотивации – альтруистические ценности
2012, Д. Э. Фрэнсис, М. Джонс [18]. Австралия	252 волонтера экстренных служб спасения, количественная методология	Отсутствует	Функциональная теория мотивации. И. Г. Клери, М. Снайдер, Р. Д. Ридж, Дж. Коупленд, А. А. Стукас, Дж. Хауген и П. Мине	Наиболее распространёнными в обоих поколениях волонтеров (до 34 лет и 35 лет и старше) оказались «альтруистические» и «личностные» мотивы
2011, С. Райс, Б. Фэллон [27]. Австралия	2306 волонтеров служб экстренного спасения, количественная методология	Отсутствует	Теория социального обмена Дж. Хоманса	Показана важность мотива вознаграждения (похвала, внимание, интерес к деятельности, поддержка и забота, групповая сплочённость)

Окончание таблицы 1

Год публикации, страна, авторы	Выборка, методология	Определение мотивации	Теоретическая рамка	Результат: наиболее распространённые мотивы
2018, И. В. Мерсиянова [4]. Россия	53 волонтера («Лиза Алерт», медицинское волонтерское движение, участники событийного волонтерского движения, бывшие волонтеры), качественная методология	Отсутствует	Отсутствует	Важность мотивов: «поиска смысла жизни, нежелания решать свои проблемы, “убивать” свободное время, общения, новых знакомств, желания стать известным героем, личного признания, жажды славы, желания встретить свою “половинку”, желания раскрыться и найти новый круг знакомых, “чувства долга перед теми, кто в лесу, в холоде погибает”, “потешить самолюбие и тщеславие”; “показать детям папу на ТВ” и улучшения “кармы” (спасённые жизни)»
1993, А. М. Томпсон, В. А. Боно [28]. США	354 волонтера пожарных, количественная методология	Отсутствует	Теория мотивации А. Маслоу	Основные мотивы – борьба с социальной изоляцией и самоотчуждением, волонтерство как место, где можно достичь определённой степени самореализации
2006, М. Бьернелд, Г. Линдмарк, Л. Э. Мак-Спадден, М. Дж. Гарретт [8]. Страны Скандинавии	19 волонтеров-медиков, качественная методология	Отсутствует	Теория мотивации А. Маслоу	Основные мотивы – признание достижений, увлекательность волонтерской деятельности, попробовать что-то новое, получить новый опыт
2017, П. Холвитт, С. Штроншнайдер, Р. Зинке, С. Кайзер, И. Кранерт, А. Линке, М. Мэлер [21]. Германия	40 интервью с волонтерами, действующими в условиях катастроф	Отсутствует	Теоретическая модель, основанная на работах психологов Дёрнера и Бишофа	Большую роль играют три мотива: в аффилиации, уверенности/определённости и контроле

Обзор научной литературы по исследуемой проблематике показал, что:

Далеко не все исследователи применяют к полученным результатам какие бы то ни было теоретические рамки при изучении мотивов волонтеров, действующих в условиях ЧС, почти никто не приводит определения мотивов, оснований для их выделения. Даже сам А. Маслоу не дал прямого определения мотива в своих трудах, а в статьях других авторов понятие «мотив» используется как само собой разумеющееся, не требующее дефиниции. В количественных исследованиях авторы зачастую изучали только лишь степень выраженности мотивов, не рассматривая иных вопросов, относящихся к проблеме мотивации, которые могли бы раскрыть данный феномен в более широком контексте. Например, полученный наиболее распространенный мотив альтруизма может быть проверен с помощью дополнительных вопросов о желаемом вознаграждении для волонтеров.

Наиболее часто применяемыми теоретическими рамками в исследовании мотивации волонтеров в условиях ЧС являются: теория мотивации А. Маслоу, теория модернизации Р. Инглхарта, теория рационального выбора, теория социального обмена Дж. Хоманса. Каждая из теорий имеет свои преимущества и недостатки применительно к описанию мотивации волонтеров в условиях ЧС, однако ни одна из них не даёт полного потенциала для интерпретации, так как ни одна из них не способна дать ответы на все вопросы, стоящие перед исследователем данной проблематики. Например: какова типология мотивов? Какова иерархия мотивов и почему именно в таком порядке мотивы расположены? Что влияет на мотивационную структуру? И т. д.

Наиболее часто применяемым в ракурсе изучения типологии мотивов волонтеров является функциональный подход мотивации И. Г. Клэри, М. Снайдер, Р. Д. Ридж, Дж. Коупленд, А. А. Стукас, Дж. Хауген, П. Мине, так как он предлагает конкретную, а не абстрактную типологию мотивов, иерархию которых можно проверить эмпирически.

Большинство исследований фиксируют превалирование альтруистических мотивов у волонтеров в ЧС, однако они носят противоречивые результаты. Кроме того, эмпирическая проверка мотивов волонтеров в условиях ЧС в российском контексте не была проведена авторами этих исследований.

Большинство обнаруженных нами количественных и качественных исследований проведены в Австралии, также были найдены исследования из Германии, США, Ливана, стран Скандинавии и только одно качественное в России, что подтверждает недостаточную изученность данной проблемы в российских реалиях и актуализирует проведение количественного исследования.

Исходя из сказанного, в нашем исследовании мы предполагаем получить более полную картину мотивации волонтеров, действующих в условиях ЧС, за счёт включения дополнительных вопросов, касающихся поощрения за волонтерскую деятельность, причин выбора волонтерской организации и желания прекратить добро-

вольческую работу в условиях ЧС. В итоге мы предполагаем получить: 1) типологию мотивов, существующую у российских волонтеров, участвующих в реагировании на ЧС, 2) мотивационную структуру, представляющую из себя иерархию мотивов по степени выраженности у российских волонтеров в ЧС, 3) проверить, ожидают/получают ли волонтеры какое-либо вознаграждение за свою деятельность, 4) выявить причины выбора волонтерской организации, 5) выявить, у какой доли волонтеров имеется желание выйти из волонтерской деятельности, 6) выявить причины прекращения волонтерской деятельности.

Методология

В статье представлены результаты массового онлайн-опроса российских волонтеров, имеющих хотя бы единичный опыт оказания помощи в условиях ЧС, проводившегося в период с конца января по начало марта 2021 г. (см. подробные результаты опроса в ИНАБ, 2021). Данный опрос является одним из этапов исследовательского проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России». Задачей проекта является выявление форм волонтерского участия в ЧС и в спасательных мероприятиях в целом: ликвидация последствий природных и техногенных катастроф, аварийно-спасательные и поисковые работы в городской и природной средах. Также рассматриваются проблемы развития данного сегмента гражданского общества, в том числе особенности институционализации волонтерства и рекрутирования волонтеров в организации; гражданско-государственное партнерство в сфере спасательной работы, мотивации и ценности волонтеров. Для достижения поставленных целей использовались количественные и качественные методы: онлайн-мониторинг СМИ и информационных площадок организаций, анализ законодательства, глубинные и экспертные интервью, массовый опрос волонтеров.

При выделении объекта исследования мы ориентировались на наиболее общую дефиницию, исходя из которой волонтерство понимается как «свободная неоплачиваемая работа на благо тех, с кем волонтер не связан обязательствами контракта, родства или дружбы» [29]. Такое определение позволило нам охватить как волонтеров, участвовавших в спонтанном реагировании на ЧС, так и членов добровольческих организаций. Также мы предположили, что сама специфика сферы деятельности (спасательной работы в условиях ЧС), а не только принципы безвозмездности и добровольности, будет влиять на типы вовлеченных акторов и каковы будут основные мотивы и паттерны их участия [5]. Таким образом, основным объектом нашего исследования стали те, кого принято называть «волонтерами катастроф» (*disaster volunteers*) [9].

Мы можем лишь косвенно судить о размерах генеральной совокупности целевой группы на основе онлайн-мониторинга волонтерских организаций, зарегистрированных или каким-то образом проявляющих себя

на цифровых платформах. Поэтому мы воспользовались сетевым методом составления выборки (*respondent-driven sampling*), при котором каждый респондент рекрутирует следующего респондента из своего окружения, и таким образом выборка «волнообразно расширяется» [20].

Предварительно мы составили список волонтерских организаций, действующих в условиях ЧС (это добровольные поисково-спасательные формирования, добровольные дружины по борьбе с лесными пожарами и некоторые организации, занимающиеся оказанием гуманитарной помощи пострадавшим от стихийных бедствий), используя открытые данные Минюста для зарегистрированных в качестве НКО организаций, а также осуществляя поиск по ключевым словам в социальных сетях и поисковиках для незарегистрированных сообществ. Таковых мы выявили 370 организаций и объединений, включая региональные отделения сетевых организаций (например, поисково-спасательный отряд (ПСО) «Лиза Алерт» имеет не менее 48 ячеек). При этом мы не брали в расчёт такие крупные общероссийские организации, как Российский союз спасателей, Всероссийское добровольное пожарное общество, Всероссийский студенческий корпус спасателей, Всероссийское общество спасения на водах, Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России, так как нас интересовали исключительно независимые, низовые организации. По данным МВД и по нашим оценкам, в среднем в каждой организации (или региональном отделении сетевой организации) состоит несколько десятков постоянно действующих членов, исключение составляют такие крупные организации, как нижегородские ПСО «Рысь» и «Волонтер», в которых состоит 1500–2000 участников. В итоге в опросе приняли участие представители следующих организаций: ПСО «Лиза Алерт», ПСО «Экстремум», объединение волонтерских групп «Добровольные лесные пожарные», ДПСО «Поиск 71», ПСГ «Сибирь», ПСО «Партизан», ПСО «СпасРезерв», ПСО «Регион 18», ПСО «Волонтер», «Спасатель. Рядом», ДоброСпас, Легион-Спас, ПСО «Маяк», ПСО «Сальвар», ПСО «Тотьма-СПАС», «Добровольческий корпус Байкала», ДПСЦ «Рысь», ПСО «ОренСпас», ПСО «Партизан», Поисковый отряд имени Кости Долгова, ПСО «Сова», ПСО «Феникс» и др.

Для рекрутинга респондентов мы делали рассылку по официальным контактам каждой организации или объединения, а также обращались непосредственно к лидерам этих организаций с просьбой распространить анкету среди участников. В итоге в ходе массового опроса авторами было получено 446 анкет, заполненных волонтерами, имеющими опыт реагирования на ЧС. Анкета включала в себя 82 вопроса, разделённых на смысловые блоки.

Исследовательские гипотезы относительно мотивов вступления, удержания и выхода из волонтерства для этапа массового опроса были скорректированы после анализа проведённых на первом году проекта (январь–май 2020 г.) глубинных и экспертных интервью с добровольцами, руководителями и лидерами волонтерских организаций, профессиональными спасателями, имеющими также волонтерский опыт ($N = 45$)¹.

¹ См. подробнее [1].

В стратегии нашего исследования мы не предполагали, что какая-либо существующая типология мотивов подойдет для проверки на российской выборке, поэтому на первом этапе качественного исследования мы закодировали в проведенных нами интервью все названные респондентами мотивы участия при ответе на вопрос о том, что их мотивирует заниматься этой деятельностью. Полученные суждения (всего их 33, например: «я занимаюсь волонтерством как хобби», «я могу безвозмездно помогать людям», «я могу делиться имеющимся у меня опытом» и др.) мы внесли в анкету для того, чтобы получить мотивационную структуру, которая соответствует российским реалиям. Таким образом, мы не принимаем на веру, что та или иная типология будет идентична нашей, а проверяем, какие именно агрегированные мотивы она будет образовывать из тех суждений, которые мы закодировали.

Результаты

Респондентам предлагалось оценить степень важности перечисленных причин для их участия волонтерской работе по пятибалльной шкале, где 1 означало – совсем не важно, а 5 – очень важно. Для того, чтобы проверить, в какие мотивы агрегируются данные суждения, мы провели процедуру факторного анализа методом главных компонент (вращение varimax) (табл. 2). Полученная на выходе конфигурация факторов покрыла 50,1% объяснительной дисперсии изучаемого признака. Критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина показал высокую адекватность применения (0,8).

Первый фактор, самый весомый (25,8% совокупной дисперсии), можно обозначить как *карьерный мотив*. Он включает в себя приобретенный опыт и контакты, полезные для продвижения по службе. Второй фактор (8,3%) подчеркивает важность *социального мотива*, он включает в себя расширение социальных связей, идентификацию с группой волонтеров, а также занятие волонтерством как способ уйти от собственных проблем. Третий фактор (6,7%) отражает *личный мотив*: приобретение новых навыков, знаний, а также возможность их применения. Четвертый фактор (5,5%) – *альтруистический мотив*: безвозмездная помощь людям, забота о природе, возможность менять жизнь в городе, в государстве к лучшему. Пятый, наименее весомый фактор (4,6%) – *защитный мотив*, проявляющийся в поиске одобрения, ощущении героизма. Как видно из полученных результатов, данные проведенного нами исследования на российской выборке воспроизвели результаты И. Г. Клери и М. Снайдера, верифицируя их методику.

Полученные факторы по смысловому наполнению были сохранены в пяти новых переменных – мотивы волонтерской деятельности, представляющие из себя средние значения по переменным, объединившимся в результате ФА. На рис. 1 представлена иерархия мотивов (мотивационная структура) волонтеров по степени важности. Полученные

средние значения были проверены с помощью процедуры дисперсионного анализа (ANOVA) для проверки статистически значимой разницы между средними, что дало возможность сравнения средних между собой ($p < 0,05$, критерий Шеффе).

Таблица 2 (Table 2)

Факторный анализ причин участия в волонтерской деятельности
Factor analysis of the reasons for participating in volunteer activities

Причины участия	Компонента				
	1	2	3	4	5
Волонтерство необходимо мне для моего резюме/ карьерных возможностей	0,735				
Я получаю различные социальные бонусы вроде повышенной стипендии, бесплатного проезда по стране и проч.	0,718				
Я могу защищать свои права	0,631				
Я получаю доступ к нужной мне информации	0,618				
Я могу находить здесь полезные контакты	0,591				
Этот опыт даст мне возможность стать профессионалом в той области, в которой я сейчас выполняю работу добровольно (например, профессиональным спасателем)	0,586				
Здесь я чувствую комфорт, доверие и безопасность		0,695			
Я провожу время в кругу друзей и единомышленников		0,652			
Я могу общаться с интересными людьми		0,624			
Здесь я могу не думать о своих проблемах, бороться со стрессом		0,572			
Я расширяю круг своего общения		0,568			
Я могу делиться имеющимся у меня опытом			0,680		
Я могу применять уже имеющиеся у меня навыки и знания			0,653		
Я могу интересно проводить время			0,561		
Я приобретаю новые навыки и знания, становлюсь лучше, расширяю кругозор			0,532		
Я могу улучшить жизнь в своем городе				0,742	
У меня есть возможность влиять на ситуацию в обществе, менять её к лучшему, привлечь внимание к существующим в обществе/ государстве проблемам				0,648	
Я могу безвозмездно помогать людям, приносить пользу				0,619	
Я могу заботиться о природе				0,530	
Я получаю уважение окружающих					0,824
Я чувствую себя героем, особенным					0,811
Я чувствую себя хорошим человеком					0,657

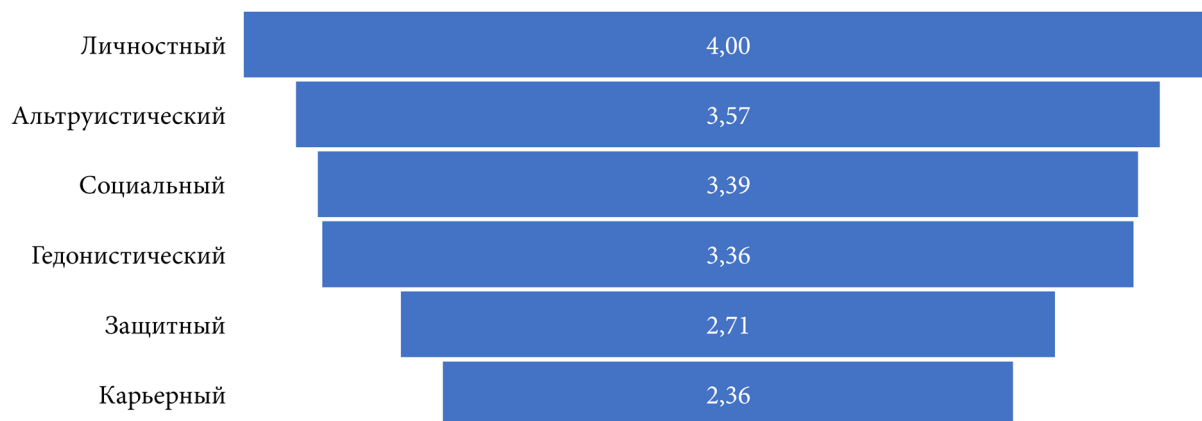

Рис. 1. Мотивационная структура волонтеров, действующих в условиях ЧС
Figure 1. Motivational structure of volunteers operating in ES

Результаты показывают, что наиболее значимыми мотивами для российских волонтеров, участвующих в реагировании на ЧС, являются личностный, альтруистический и социальный. Причём проверка статистической значимости показала, что средние по личностному и альтруистическому мотивам не различаются, а значит, можно считать, что эти два мотива имеют одинаковую значимость.

Поощрения за волонтерскую работу

Для проверки сделанных выводов о приоритете личностных мотивов были заданы дополнительные вопросы, касающиеся значимости получения и использования навыков и компетенций. Как видно из результатов (рис. 2), три наиболее распространённых ответа (грамоты, благодарности (32,4%), возможность участвовать в обучающих семинарах (27,2%) и ничего из перечисленного (16,4%)) не сопряжены с какими-то серьёзными дорогостоящими компенсациями. Участие в семинарах пересекается с личностными мотивами, желанием личностного роста.

Рис. 2. Какие из следующих видов поощрения/компенсации респонденты когда-либо получали за свою волонтерскую деятельность
Figure 2. Which of the following types of incentives/compensation have respondents ever received for their volunteer activities?

Далее респондентам задавался вопрос о том, ожидают ли они поощрения в какой-либо форме за свою деятельность (рис. 3). Полученные результаты согласуются с общим альтруистическим характером волонтерской деятельности: почти треть респондентов (31,1%) ничего не ожидают, 28,8% ожидают, что их деятельность привлечёт внимание к конкретной социальной проблеме, 13,5% ожидают чисто символических поощрений в виде медалей, благодарностей. Данный результат согласуется с тем, что волонтеры реально получают за свою деятельность (рис. 3), а также с иерархией мотивов, где на последнем месте находится карьерный мотив, – в качестве поощрения волонтеры менее всего ожидают материальных наград.

Рис. 3. Ожидают ли волонтеры какого-то поощрения за свою деятельность

Figure 3. Do volunteers expect any kind of reward for their work?

Причины выбора волонтерской организации

Среди тех респондентов, кто состоит в волонтерской организации (а их большинство – 88,9%), наиболее распространённые причины её выбора связаны с тем, что организация занимается проблемами, которые сам респондент считает важными (28,8%), с возможностью реализации собственного потенциала (22,7%), а также с тем, что организация близка волонтерам по духу (20,8%) (рис. 4). Данные результаты также соотносятся с полученной иерархией мотивов. Так, наиболее значимая причина, заключающаяся в важности проблем, перекликается с альтруистическим мотивом, а реализация навыков и потенциала – с личностным мотивом.

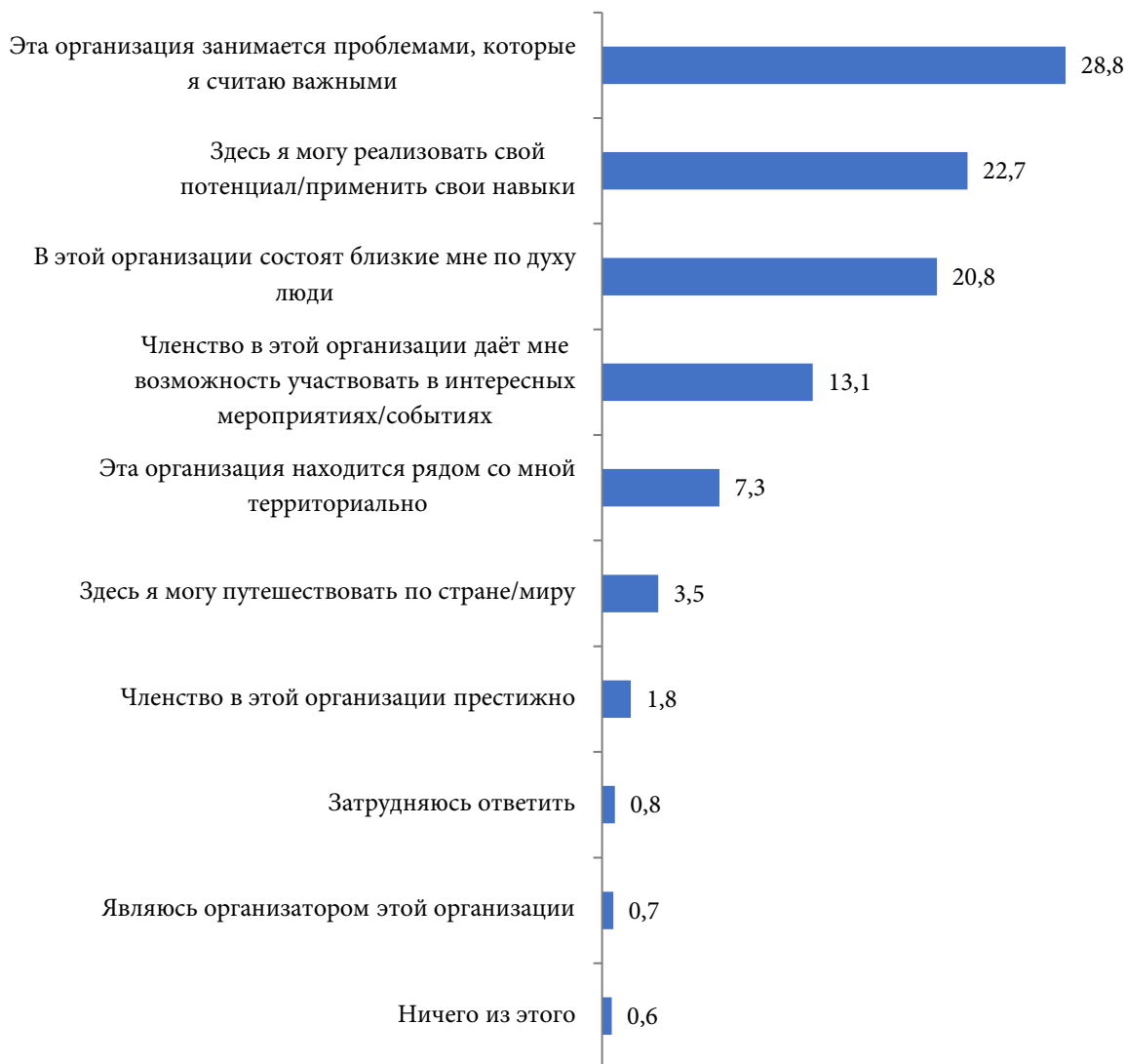

Рис. 4. Причина выбора конкретной организации у волонтеров
 Figure 4. Reason for choosing a particular organisation among volunteers

Причины выхода из волонтерства

Далее респондентам задавался вопрос о том, были ли ситуации, когда они хотели прекратить участие в волонтерской деятельности. На рис. 5. мы видим, что 42,8% респондентов имели такое намерение, а 57,2% не имели.

Наиболее частыми причинами выхода (желания прекратить) из волонтерской деятельности были: стресс/эмоциональное выгорание (20,1%), изменение обстановки внутри волонтерского сообщества (19,4%), отсутствие возможности и дальше совмещать работу и волонтерство (16,3%) (рис. 6).

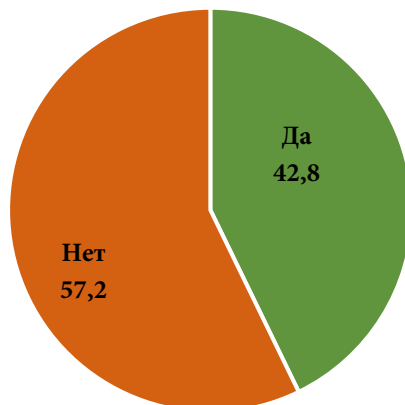

Рис. 5. Были ли ситуации, когда респонденты хотели прекратить участвовать в волонтерской деятельности в условиях ЧС

Figure 5. Were there situations when respondents wanted to stop participating in volunteer activities in ES

Рис. 6. Причины выхода из волонтерской деятельности

Figure 6. Reasons for leaving volunteer work

Дальнейшее участие

Как показывают результаты опроса (рис. 7), большинство респондентов склоняется к вариантам продолжать (44,5%) или скорее продолжать, чем нет (50,2%), волонтерскую деятельность. Лишь 4,8% сомневаются в дальнейшем участии, а 0,5% не собираются продолжать свою деятельность в роли волонтера в условиях ЧС.

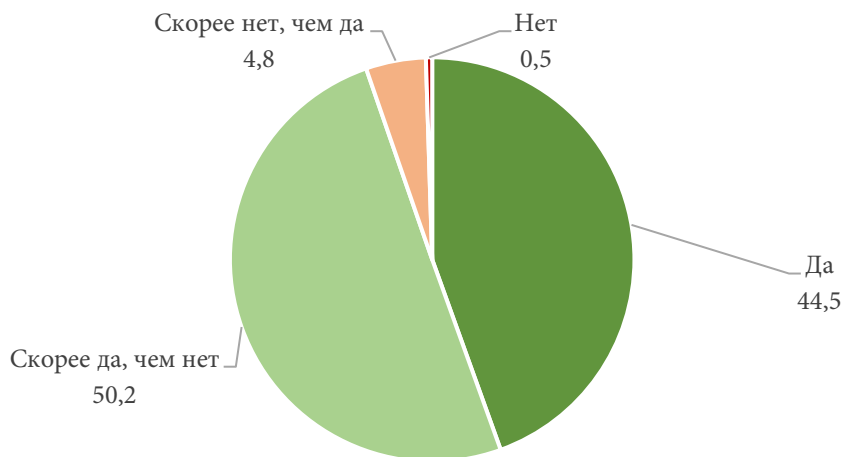

Рис. 7. Будут ли в ближайшем будущем, например через 3–5 лет, волонтеры продолжать заниматься своей деятельностью

Figure 7. Will volunteers continue their activities in the near future, for example, in 3–5 years?

Далее, с помощью вопроса-фильтра, мы отобрали только тех волонтеров, кто на вопрос о планируемом участии ответил – «скорее нет, чем да» и «нет», им был задан вопрос о причинах отказа от участия (рис. 8).

Рис. 8. Причины нежелания дальнейшего участия

Figure 8. Reasons for not wanting further participation

В качестве причин нежелания дальнейшего участия респонденты называли чаще всего эмоциональное выгорание (33%), нехватку материальных и временных ресурсов (27,8%), состояние здоровья (11,1%) и другие приоритеты (11,1%).

Выводы

По итогам исследования выявлено, что участие волонтеров в реагировании на ЧС рассматривается как реальный и эффективный ресурс официальных служб (таких как МЧС) на всех этапах: от предотвращения ЧС до непосредственной помощи в зоне ЧС и ликвидации последствий, что актуализирует изучение мотивации добровольцев для привлечения и удержания их в этой деятельности.

Приведенный обзор существующих в мире исследований по теме мотивации спасательного волонтерства позволил нам выявить основные используемые теоретические рамки и оценить их преимущества и недостатки. Анализ мотивации российских волонтеров в условиях ЧС показал, что типы мотивов, полученные в ходе проведения факторного анализа, совпадают по смысловому наполнению с типологией И. Г. Клери, М. Снайдера и коллег, подтверждая адекватность применения данной типологии в российском контексте. Наиболее распространенными среди российских волонтеров являются личностный и альтруистический мотивы, затем следуют социальный, гедонистический, защитный и на последнем месте – карьерный мотив.

Ответы на вопрос о том, какие поощрения получают волонтеры за свою работу, подтвердили символический характер этих поощрений, в основном это грамоты, благодарности – что согласуется с альтруистическим мотивом, а также возможность участвовать в обучающих семинарах, что согласуется с личностным мотивом. Вопрос об ожидаемом поощрении также подтверждает эти результаты – большинство респондентов ничего не ожидает, что показывает альтруистическую направленность деятельности волонтеров и ставит под сомнение применение теоретической рамки теории социального обмена, где заранее предполагается, что волонтеры всегда ожидают некоторой награды за свою деятельность, пусть и символической. Полученные нами результаты доказывают, что это не так.

Причины выбора волонтерской организации также согласуются с наиболее распространенными мотивами. Респонденты указали, что выбрали организацию, потому что она занимается важными проблемами, что согласуется с альтруистическим мотивом, а также, что выбрали её для того, чтобы реализовать свой потенциал, применить навыки, что согласуется с личностным мотивом, характеризующимся нацеленностью на саморазвитие.

Анализ доли желающих выйти из волонтерской деятельности показал, что достаточно большое количество респондентов (около половины) бывали в ситуациях, когда у них возникало такое намерение. В качестве причин такого решения респонденты называли прежде всего стресс, эмоциональное выгорание, а также изменение обстановки внутри волонтерской организации и отсутствие возможности совмещения волонтерской деятельности с работой.

Тем не менее результаты анализа также показали, что в перспективе ближайших 3–5 лет большинство респондентов собирается продолжить волонтерскую деятельность, несмотря на все трудности. Лишь 5,3% сомневаются или не имеют намерения продолжать участие, и это связано у них также с эмоциональным выгоранием, нехваткой материальных ресурсов и состоянием здоровья.

Если сопоставить наши результаты с данными о социологическом портрете волонтеров, действующих в условиях ЧС [2, с. 10], то получается, что это чаще мужчины, с высшим образованием по профилю, связанному с точными науками, в возрасте 30–39 лет, работающие высококвалифицированные специалисты с доходом выше среднего, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке, имеющие детей, проживающие в больших городах, способные тратить 11–20% личных финансов на волонтерскую деятельность. Если рассматривать данный портрет с точки зрения теории А. Маслоу, то можно предположить, что у такого типа волонтеров удовлетворены базовые потребности, что приводит к желанию удовлетворить потребности более высокого порядка, такие как помощь другим людям, саморазвитие (альтруистический, личностный мотив).

Если рассматривать полученные результаты с позиций, изложенных Л. Хастингс и Ф. Ламмертин, то наши данные подтверждают описанную ими тенденцию о смешанном типе мотивации. У волонтеров преобладают мотивы рефлексивного типа, такие как личное саморазвитие, а также коллективного типа, такие как альтруизм, чувство долга, желание сделать мир лучше для других.

Мы полагаем, что полученные в ходе исследования результаты имеют практическую значимость и могут быть полезны при выработке рекомендаций по привлечению и удержанию волонтеров, готовых участвовать в деятельности по реагированию в профилактике и преодолению последствий ЧС.

Библиографический список

1. Воронина Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752
2. ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. 121 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.3
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
4. Мерсиянова И. В. Мотивация волонтерской деятельности // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2018. URL: <https://afly.co/57y3> (дата обращения: 26.02.2022).

5. Невский А. В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 30–46. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624

6. Яницкий О. Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 16–31. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

7. Baytiyeh H., Naja M. K. Volunteering in Earthquake Disaster Programs: Engineering Students Perceptions and Motivations // American Society for Engineering Education. 2014. URL: <https://peer.asee.org/volunteering-in-earthquake-disaster-programs-engineering-students-perceptions-and-motivations.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

8. Bjerneld M., Lindmark G., McSpadden L. A., Garrett M. J. Motivations, Concerns, and Expectations of Scandinavian Health Professions Volunteering for Humanitarian Assignments // Disaster Management & Response. 2006. Vol. 4. No. 2. P. 49–58. DOI: 10.1016/j.dmr.2006.01.002

9. Britton N. Permanent Disaster Volunteers: Where Do They Fit? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1991. Vol. 4. No. 20. P. 395–414.

10. Bussell H., Forbes D. Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. 2002. Vol. 7. No. 3. P. 244–257. DOI: 10.1002/nvsm.183

11. Calcutt B. Valuing Volunteers: Better Understanding the Primary Motives for Volunteering in Australian Emergency Services. Master of Philosophy thesis, School of Management, Operations and Marketing, University of Wollongong, 2019. URL: <https://ro.uow.edu.au/theses1/558> (дата обращения: 26.02.2022).

12. Carpenter J., Myers C. K. Why Volunteer? Evidence on the Role of Altruism, Image, and Incentives // Journal of Public Economics. 2010. Vol. 94. No. 11–12. P. 911–920. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.007

13. Chacyn F., Gutiérrez G., Sauto V., Vecina M. L., Pérez A. Volunteer Functions Inventory: A Systematic Review // Psicothema. 2017. Vol. 29. No. 3. P. 306–316. DOI: 10.7334/psicothema2016.371

14. Clary E. G., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J., Miene P. Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. No. 6. P. 1516–1530.

15. Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1995. Vol. 3. No. 25. P. 364–383.

16. Dávila M. C., Díaz-Morales J. F. Age and Motives for Volunteering: Further Evidence // European Journal of Psychology. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 82–95. DOI: 10.5964/ejop.v5i2.268

17. Fletcher T. D., Major D. A. Medical Student's Motivations to Volunteer: An Examination of the Nature of Gender Differences // Sex Roles. 2004. Vol. 51. No. 1–2. P 109–114. DOI: 10.1023/B:SERS.0000032319.78926.54

18. Francis J., Jones M. Emergency Service Volunteers: A Comparison of Age, Motives and Values // Australian Journal of Emergency Management. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 23–28.

19. Gillespie D. F., King A. E. Demographic Understanding of Volunteerism // Journal of Sociology and Social Welfare. 1985. Vol. 12. No. 4. P. 798–816.

20. Heckathorn D. D., Cameron C. J. Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43. P. 101–119. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053556

21. Holwitt P., Strohschneider S., Zinke R., Kaizer S., Kranert I., Linke A., Maehler M. A Study of Motivational Aspects Initiating Volunteerism in Disaster Management in Germany // International Journal of Safety and Security Engineering. 2017. Vol. 7. No. 3. P. 294–302. DOI: 10.2495/SAFE-V7-N3-294-302

22. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. Vol. 14. № 2. P. 167–187. DOI: 10.1023/A:1023948027200

23. Khalemsky M., Schwartz D. G., Herbst R., Jaffe E. Motivation of Emergency Medical Services Volunteers: a Study of Organized Good Samaritans // Israel Journal of Health Policy Research. 2020. Vol. 9. No. 11. P. 1–12. DOI: 10.1186/s13584-020-00370-9

24. Konrath S., Fuhrel-Forbis A., Lou A., Brown S. Motives for Volunteering are Associated with Mortality Risk in Older Adults // Health Psychology. 2012. Vol. 31. No. 1. P. 87–96. DOI: 10.1037/a0025226

25. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harper and Row, 1970. 369 p.

26. McLennan J., Birch A. Why Would You Do It? Age and Motivation to Become an Australian Volunteer Firefighter // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 53–65. DOI: 10.1375/ajop.1.1.7

27. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors // The Australian Journal of Emergency Management. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 18–23.

28. Thompson A. M., Bono B. A. Work Without Wages: The Motivation for Volunteer Firefighters // American Journal of Economics and Sociology. 1993. Vol. 52. No. 3. P. 323–343.

29. Tilly C., Tilly Ch. Capitalist Work and Labour Markets // The Handbook of Economic Sociology / Ed. N. J. Smelser, R. Swedberg. New York: Russell Sage Foundation, 1994. P. 283–312.

Получено редакцией 5.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент Государственного академического университета гуманитарных наук

Башева Ольга Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.790

EDN: SZGOEV

Motivation of Volunteers Involved in Emergency Situation Response: Results of a Mass Survey¹

Natalia S. Voronina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: navor@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-8859-6803

Olga A. Basheva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: OlgaAUsacheva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1459-0091

For citation: Voronina N. S., Basheva O. A. Motivation of volunteers involved in emergency situation response: results of a mass survey. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 65–90. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.790; EDN: SZGOEV

Abstract. This article being a continuation of the work published in the Bulletin of the Institute of Sociology (2021. Volume 12. No. 4) analyses the motivation of volunteers operating in emergency situations (ES). The participation of volunteers is seen as a real effective tool to help official services respond to emergencies (floods, fires, people missing in natural and urban environments). At the same time, the activity of volunteers is associated with physical and emotional stress, risks to life and health, and therefore it is important to know what motivates these people to get involved in this activity and stay in it for a long time. The authors show that this topic remains little studied in Russia. To search for the most adequate methodology for studying the motivations of Russian volunteers, the authors have analysed the existing theoretical approaches, as well as a number of qualitative and quantitative empirical studies on the relevant issues.

The results of a mass survey conducted by the authors demonstrate that motives common in Russia are similar in meaning to the typology of motives proposed by E. G. Clary and M. Snyder. The most common motives are altruistic (the need for gratuitous help to people) and personal (characterised by the need of self-development). Russian volunteers most often receive symbolic rewards for their activities: diplomas, official gratitude, or the opportunity to participate in training seminars. At the same time, they note that they do not expect anything at all in return for their help. When choosing a volunteer organisation, volunteers most often focus on the range of problems this organisation deals with, as well as on the opportunity within this organisation to realise their own potential. The analysis also showed that almost half of the respondents once had thoughts of quitting volunteer activities, and first of all, due to emotional burnout. However, in their plans for 3–5 years, almost all respondents do not plan to stop volunteering. The results obtained are analysed from the standpoint of theories of motivation by A. Maslow, L. Hustinx and F. Lammertyn.

Keywords: sociology, rescue volunteering, emergencies, motivation, participation motives, Russia

¹ The study was carried out within the project “Volunteering in emergency situations as a response to natural and man-made challenges in Russia”, supported by the Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10052.

References

1. Voronina N. S. Motives for Volunteers in Emergencies. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12(3): 87–107 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752
2. INAB. Rossijskoe volontyorstvo v chrezvychajnyh situacijah: portret, motivy, deyatel'nost [INAB. Russian volunteering in emergency situations: portrait, motives, activities]. 2021: 3: 121 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2021.3
3. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow, Novoe izd-vo, 2011: 464 (in Russ.).
4. Mersyanova I. V. Motivaciya volonterskoj deyatel'nosti. [Motivation for volunteering]. Accessed 10.02.2022. URL: <https://afly.co/57y3> (in Russ.).
5. Nevsky A. V. Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of the Study. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 11(1): 30–46 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624
6. Yanitsky O. N. Typology of critical states of modern society. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 11(1): 16–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623
7. Baytiyeh H., Naja M. K. Volunteering in Earthquake Disaster Programs: Engineering Students Perceptions and Motivations. *American Society for Engineering Education*, 2014. Accessed 10.02.2022. URL: <https://peer.asee.org/volunteering-in-earthquake-disaster-programs-engineering-students-perceptions-and-motivations.pdf>
8. Bjerneld M., Lindmark G., McSpadden L. A., Garrett M. J. Motivations, Concerns, and Expectations of Scandinavian Health Professions Volunteering for Humanitarian Assignments. *Disaster Management & Response*, 2006: 4(2): 49–58. DOI: 10.1016/j.dmr.2006.01.002
9. Britton N. Permanent Disaster Volunteers: Where Do They Fit? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1991: 4(20): 395–414.
10. Bussell H., Forbes D. Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, 2002: 7(3): 244–257. DOI: 10.1002/nvsm.183
11. Calcutt B. Valuing Volunteers: Better Understanding the Primary Motives for Volunteering in Australian Emergency Services. Master of Philosophy thesis, School of Management, Operations and Marketing, University of Wollongong, 2019. Accessed 10.02.2022. URL: <https://ro.uow.edu.au/theses1/558>
12. Carpenter J., Myers C. K. Why Volunteer? Evidence on the Role of Altruism, Image, and Incentives. *Journal of Public Economics*, 2010: 94(11–12): 911–920. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.007
13. Chacyn F., Gutiérrez G., Sauto V., Vecina M. L., Pérez A. Volunteer Functions Inventory: A Systematic Review. *Psicothema*, 2017: 29(3): 306–316. DOI: 10.7334/psicothema2016.371
14. Clary E. G., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J., Miene P. Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998: 74(6): 1516–1530.
15. Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1995: 3(25): 364–383.
16. Dávila M. C., Díaz-Morales J. F. Age and Motives for Volunteering: Further Evidence. *European Journal of Psychology*, 2009: 5(2): 82–95. DOI: 10.5964/ejop.v5i2.268
17. Fletcher T. D., Major D. A. Medical Student's Motivations to Volunteer: An Examination of the Nature of Gender Differences. *Sex Roles*, 2004: 51(1–2): 109–114. DOI: 10.1023/B:SEERS.0000032319.78926.54
18. Francis J., Jones M. Emergency Service Volunteers: A Comparison of Age, Motives and Values. *Australian Journal of Emergency Management*, 2012: 27(4): 23–28.
19. Gillespie D. F., King A. E. Demographic Understanding of Volunteerism. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 1985: 12(4): 798–816.
20. Heckathorn D. D., Cameron C. J. Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling. *Annual Review of Sociology*, 2017: 43: 101–119. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053556

21. Holwitt P., Strohschneider S., Zinke R., Kaizer S., Kranert I., Linke A., Maehler M. A Study of Motivational Aspects Initiating Volunteerism in Disaster Management in Germany. *International Journal of Safety and Security Engineering*, 2017: 7(3): 294–302. DOI: 10.2495/SAFE-V7-N3-294-302
22. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003: 14(2): 167–187. DOI: 10.1023/A:1023948027200
23. Khalemsky M., Schwartz D. G., Herbst R., Jaffe E. Motivation of Emergency Medical Services Volunteers: a Study of Organized Good Samaritans. *Israel Journal of Health Policy Research*, 2020: 9(11): 1–12. DOI: 10.1186/s13584-020-00370-9
24. Konrath S., Fuhrel-Forbis A., Lou A., Brown S. Motives for Volunteering are Associated with Mortality Risk in Older Adults. *Health Psychology*, 2012: 31(1): 87–96. DOI: 10.1037/a0025226
25. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York: Harper and Row, 1970: 369.
26. McLennan J., Birch A. Why Would You Do It? Age and Motivation to Become an Australian Volunteer Firefighter. *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*, 2009: 27(1): 53–65. DOI: 10.1375/ajop.1.1.7
27. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors. *The Australian Journal of Emergency Management*, 2011: 26(1): 18–23.
28. Thompson A. M., Bono B. A. Work Without Wages: The Motivation for Volunteer Firefighters. *American Journal of Economics and Sociology*, 1993: 52(3): 323–343.
29. Tilly C., Tilly Ch. Capitalist Work and Labour Markets. *The Handbook of Economic Sociology*. Ed. Neil J. Smelser and Richard Swedberg. New York: Russell Sage Foundation, 1994: 283–312.

The article was submitted on: March 5, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia S. Voronina, Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Associate Professor of the State Academic University for the Humanities

Olga A. Basheva, Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: РЕАКЦИИ И РЕФЛЕКСИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798

EDN: TJLDYG

Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения

Ссылка для цитирования: *Сергеев В. Н.* Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

For citation: *Sergeev V. N.* Conspiracy trend in everyday practices of social reflection. Theoretical generalisations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

Сергеев Всеволод Николаевич¹

¹Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

v.n.sergeev@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 202401

Аннотация. В представленной статье дается обобщённая характеристика такой специфической формы социального познания, как теории заговора. Подчеркивается, что в актуальном контексте конспирологическое мышление уже не может трактоваться как маргинальное, поскольку повсеместно выступает одним из доступных способов рефлексии индивидами и группами неоднозначных явлений социальной жизни, прежде всего связанных с угрозами безопасности. Независимо от того, какой конечный продукт производится теоретиком заговора – бытовые объяснения, экзотичные социальные, (псевдо) религиозные концепции, политические и геополитические доктрины и т. п., все они объединяются единой концептуальной структурой (обозначенной в работе как «онтологический минимум») и являются результатом действия определённых психологических механизмов. Подчеркивается некоторая схожесть конспирологических построений с критическим направлением философской и, шире, интеллектуальной мысли (в плане выявления практик принуждения и борьбы с ними), с важной оговоркой об их существенных различиях (как правило, несопоставимый концептуальный уровень, «избыточный», «ненасыщаемый» скепсис и др.).

При характеристике конспирологических построений достаточно оправданной представляется позиция исследовательского партикуляризма – избегание обобщённой оценки всех представлений с признаками теории заговора, поскольку единый жесткий критерий таковой отсутствует. Подходы, основанные на применении к теориям заговора единого критерия (конспирология как «плохая наука», психопатологический дискурс и т. п.), имеют ограниченный потенциал и в случае систематического применения могут критиковаться за

необоснованные обобщения (фактически за то же, за что критикуются теории заговора). В континууме значимых для понимания теорий заговора переменных (психологических, социальных и т. п.) большинство доказанных связей не носят жесткого каузального характера. Понимание конкретных построений подразумевает выявление того, как именно такие переменные сочетаются в конкретной теории.

Приведённые обобщённые характеристики могут стать теоретической базой для эмпирических исследований конспирологического тренда в практиках повседневной рефлексии социальных проблем, прежде всего экзистенциальных угроз.

Ключевые слова: конспирологический тренд, теория заговора, конспирологическое мышление, эпистемологический авторитет, эпистемическая беззаботность, агентность, управление угрозами, выявление альянсов, практики принуждения

Постановка проблемы

Существует достаточно широкий спектр оценок конспирологических построений, большинство из которых, казалось бы, снижает шансы теорий заговора на равных конкурировать с научными и, шире, рациональными схемами объяснения действительности: обычно их располагают на шкале со значениями от «секуляризованных версий Апокалипсиса» [6, с. 234] до «современных версий архаичных представлений и оккультной космологии» [47]. Выявлена статистически значимая (на западном материале) обратная связь веры в заговоры с уровнем образования и прямой – с толерантностью к идеям, основанным на уверенности в реальности сверхъестественного [22], и иным иррациональным убеждениям [50]. В любом случае, сформирован определённый консенсус в отношении того, что в конспирологические идеи верить обычно нерационально [48, р. 61], так как они основаны на своеобразной «искалеченной эпистемологии» («crippled epistemology») – недостатке понимания природы знания в условиях, когда человек склонен рационально реагировать на информацию, но не имеет при этом возможности верифицировать доказательства, лежащие в основе объяснения [12, р. 3].

Демонстративное дистанцирование основной массы представителей научного сообщества от конспирологического нарратива чаще всего связывают со стремлением к демаркации (*boundary work*), попытками чётко отграничить свободный от ценностей научный анализ фактов от основанных на социальных верованиях конспирологических убеждений [28], тем более что носители последних нередко предпринимают попытки имитировать научные практики и апеллировать к «научным» данным, не признаваемым «официальной» наукой.

Вместе с тем исследователи отмечают нарастание популярности основанных на концепции заговора идей, говорят о своеобразной «культуре заговора», эволюционировавшей за несколько последних десятилетий из девиантного, экзотического явления в общепринятый нарратив

(mainstream narrative), приобретающий, наравне с популярностью, нормативные, институциональные и коммерциализированные черты [8, p. 24].

Одна из ключевых причин такого положения дел отражается в самом содержании конспирологических построений. Речь идёт об общей атмосфере подозрительности, «преобладании репрезентаций над реальностью» [37, p. 102] как социологическом факте и производном из этого значительном недоверии к официальным институтам, в совокупности создающим культурную среду, благоприятную для процветания альтернативных взглядов на реальность, в том числе теорий заговора [37, p. 100].

Такая среда расцветает в условиях радикальной делегитимизации объективного научного знания (породившей «эпистемологическую незащищённость» – epistemological insecurity) [8, p. 25–26]; распада традиций, транслирующих знание на фоне развития абстрактных социальных систем, в значительной мере автономных и воспроизводящих собственную рациональность, которая плохо подходит для глобальных объяснений (ontological insecurity) [8, p. 28]; частой неспособности научного знания, описывающего мир как он есть, «сказать о том, что эти процессы в мире означают» (existencial insecurity) [8, p. 30]. В этом контексте востребованность редукционистских схем теорий заговора нарастает, так как они способны указать аудитории на источник её страданий и потрясений, объяснить текущие кризисы и ответить на вопрос, «почему плохие вещи происходят с хорошими людьми и наоборот» [9, p. 50–51].

В этом смысле конспирологическое мышление может иметь некоторые положительные эффекты, например, подвергать сомнению те или иные устоявшиеся социальные практики, выявлять факты сокрытия информации и т. п. Однако специфика теорий заговора, в том числе тяга к генерализованным суждениям, склонность к рекурсивности, не позволяет в нужный момент «затормозить» процесс дисквалификации инстанций, предоставляющих знания (так называемых эпистемических авторитетов).

С учётом неоднозначности проблемы (иррациональность конспирологических идей при их нарастающей востребованности) в академической среде иногда звучат призывы к «исследовательскому партикуляризму» – установке, исключающей оценку теорий заговора только на основании их принадлежности к классу (конспирологических): партикуляристы расходятся во мнениях относительно деталей, но они согласны с тем, что каждую теорию заговора следует рассматривать по существу и не отвергать сразу [51, p. 25]. Дополнительное значение приобретает и тематическая направленность конкретной теории. В частности, сфера безопасности (особенно военно-политической) по определению в значительной мере основана на сокрытии информации, что лишь усложняет её социальное осмысление на сугубо рациональных началах, тем более в период социально-экономической, политической и геополитической турбулентности.

Данные соображения повышают актуальность углубленного изучения конспирологического тренда в общественном сознании, а также рассмотрения проблемы создания единой стандартизированной системы критериев для оценки различных построений, включающих элементы теории заговора [14].

Теории заговора как форма социального познания

Как отмечалось выше, рассмотрение теорий заговора в контексте научного дискурса неизбежно приводит к выводам об их заведомо «дефективном» характере, к их сравнению с «плохой наукой», где теоретик заговора – «плохой учёный», основывающий свои результаты на «интерпретативной логике религии» [28, р. 468].

Подобный, уже ставший традиционным, подход едва ли способен в полной мере пролить свет на востребованность конспирологических концепций, их неожиданную для многих конкурентную силу и достаточный для их сторонников объяснительный потенциал.

Несколько более широкие возможности даёт трактовка конспирологии не как «недо-», «псевдо-», лженауки и т. п., а как определённой системы социальных представлений, так называемых «интуитивных теорий», своеобразных обыденных социальных доктрин (*folk theories*), не обладающих ключевыми признаками научных концепций, но включающих другие элементы, характерные для любых теоретических построений: онтологические обязательства, каузальные законы, механизмы сопротивления контрдоказательствам, ненаблюдаемые конструкты [26].

«Онтологический минимум» теоретика заговора

В самом общем виде можно отметить несколько базовых позиций, объединяющих конспирологические теории разного происхождения и содержания.

1. Наличие группы (групп), члены которой находятся в постоянном контакте и координируют свои усилия. Группа монолитна применительно к какой-либо сфере, несмотря на возможные расхождения по другим вопросам.

2. Намерения группы, её цели (желаемый результат) противоречат общему благу (для чего и нужен сговор) и могут быть интерпретированы как зло [11, р. 3].

3. Группа обладает достаточными ресурсами для влияния на ход событий и играет в нём *определяющую роль*, ей присущи черты сверхрациональности (например, в виде способности планировать, учитывать и контролировать недоступные иным переменные) [9, р. 51–53].

4. Группа влияет на ход событий скрытно и, более того, тратит специальные усилия на поддержание секретности и избежание публичного осознания её влияния (либо даже самого её существования), а если такое осознание появляется – борется с ним [46].

5. Действия по реализации группой своих намерений как непосредственно в отношении общества, так и в рамках борьбы с аналогичными коалициями являются одним из важных драйверов социальных процессов различной природы и уровня (исторических, политических, во-

енных, экономических и т. п.). В силу специфики интересов «заговорщиков» это может наносить (не)преднамеренный урон обществу и должно расцениваться как угроза [46], [9, р. 51–53]¹. А с учётом осознанности тайными группами интересов речь идёт об их ответственности за происходящее зло [21, р. 273].

6. Среди немногих способов противостояния заговорам – их «опубличивание», что, вероятно, по логике сторонников теорий заговора, лишает группу возможности действовать полноценно (так как весь смысл в секретности). Однако попытки раскрыть заговор провоцируют стремление секретность восстановить, в том числе путём агрессии в отношении тех, кто выводит заговорщиков «на чистую воду» (дискредитация личности, обесценивание аргументов и т. п., с использованием широчайшего спектра средств).

Вероятно, в силу указанных особенностей конспирологических теорий, попытки построить их классификации затруднены для исследователей. Наиболее часто можно встретить иерархические таксономии, в основу которых положен критерий масштаба постулируемого заговора (например, событийные, системные, «суперзаговоры» (superconspiracies) [11, р. 6]).

По этой же причине систематизации, основанные на специфике субъекта («кто заговорщик?»), на наш взгляд, научной нагрузки не несут, так как являются производными от описанного «онтологического минимума» и выступают скорее прерогативой теоретиков заговора. Последние применяют единую концептуальную форму в различных контекстах, идентифицируют группы ситуативно, маркируют их, либо их действия как «тайные»², «наполняют» группы любыми субъектами, приписывают им намерения и ответственность за результат (причём нередко ретроспективно, «задним числом», отталкиваясь именно от результата). Более того, конспирологические схемы возможны вообще без идентификации «заговорщиков» («кому-то выгодно», «они» и проч.), что способствует мистификации нарратива и парадоксально может увеличить его убедительную силу.

Онтология и ненаблюдаемое

Важным условием рассматриваемого типа теоретизирования является своеобразная процедура снятия вероятностного характера конспирологических построений³: реальные, потенциальные и никогда не

¹ В любом случае намеренными являются действия группы. Наносимый обществу ущерб может быть не самоцелью, а «сопутствующим» вредом.

² Что вовсе не обязует их использовать понятия «заговор», «тайна» и проч., в этом смысле конспирологический словарь вторичен в отношении самой схемы. Более того, весьма вероятны дискуссии между сторонниками различных теорий по поводу их истинности, т. к. и «таинственность» самих групп, и секретный характер некоторых действий известных групп по определению изначально скрыты от всех, в том числе принципиальных сторонников теорий заговора. При неизменности формы («онтологического минимума») глоссарий может отличаться принципиально.

³ Не случайно речь идёт именно о теориях, а не гипотезах заговора.

происходившие события объединяются в единую «ментальную симуляцию» и наделяются равным статусом (как будто все они произошли на самом деле) [46]. Тем самым теоретические (а в сущности, гипотетические) конструкты получают дополнительную «бытийную» нагрузку. Подобная процедура носит, вероятно, принципиальный характер, поскольку, во-первых, сами по себе теории заговора часто возникают как объяснения событий, которые обычно связаны с неопределённостью (и смысл их – в устранении таковой) [25, р. 4], а во-вторых, в их основе по определению лежит фундаментальный дуализм между секретностью и прозрачностью [24].

Прагматика теоретика заговора состоит именно в том, чтобы секретное сделать явным, описав «истинное положение дел» (т. е. исполнив взятые на себя онтологические обязательства). Не случайно в арсенале рассматриваемого класса концепций преобладают:

1. Диспозициональные объяснения в духе холистических философских доктрин [4, с. 122–130], [1] (с нашей оговоркой об уровне интеллектуальной культуры), в ходе которых гипотетичность суждений снижается логической стройностью и согласованностью с другими компонентами теории, а не строгой процедурой фактчекинга¹. Нередко это приводит к идее вторичности фактических данных² и специфической познавательной установке, которую К. Кассам назвал «эпистемической беззаботностью» (*epistemic insouciance*), означающей небрежность в обращении с данными, тенденцию рассматривать сложные вопросы как простые (в том числе игнорирование корреляционных и иных вероятностных связей. – *В.С.*), «отсутствие беспокойства по поводу того, что показывают доказательства» [15, р. 2, 6], и ограничение числа (релевантных) источников информации [53, р. 204]³.

2. Перекос в сторону диспозициональной атрибуции причин (в противовес ситуационной) [17, р. 144], благодаря чему объяснение становится более «правдоподобным» и доступным любому индивиду (для которого чьи-то злые намерения понятны, а «тенденции», «стечения обстоятельств» и др. неодушевленные процессы дискомфортны).

3. Соотнесённость конкретных построений со структурами знаний более высокого порядка. Ряд исследований, стремящихся объяснить своеобразную глобальность и «инвазивность» конспирологических установок («если возможен один заговор, то возможны все заговоры») [54], в том числе их парадоксальность («заговоры существуют одновременно, даже если логически исключают друг друга»), указывали на подчиненность ситуативных построений убеждениям более высокого порядка [21, р. 266]. Соответственно, периферийные суждения должны в большей степени со-

¹ С учётом особенностей познавательных приоритетов теорий заговора (об этом ниже) вольное обращение с фактами не является существенной проблемой.

² Что в корне отличает конспирологию от научного познания.

³ Что может вызывать вопросы у стороннего наблюдателя («почему только эти источники?») и в ряде случаев заставляет теоретика заговора производить объяснения событий, выглядящие весьма экзотично.

гласовываться не друг с другом, а с центральными убеждениями (так называемые «general conspiracy believes» [14, р. 2]). Последние содержательно могут быть близки к описанному онтологическому минимуму (например, совпадать с одним из его элементов – о сокрытии намерений, о враждебности конкретной группы и т. п.) и нередко приниматься на веру.

Критика конкретной заговорщической идеи запускает, по сути, рекурсивный самореферентный защитный процесс: под бременем контраргументов крах периферийной концепции («правительство стоит за событием Х») отсылает мышление конспиролога к обобщённым идеям («правительство скрывает *любые* враждебные действия, выгодные ему»), которые «активируют распаковку» всех элементов конспирологической онтологии. Причём за каждым из указанных элементов стоит своя аргументация, которая притягивается в текущий контекст (от примеров других «тайных» действий госструктур до «здравого смысла» и (псевдо)логических цепочек). В любом случае теория заговора – удобная для понимания схема, останавливающая дальнейшую рефлексию проблемы.

Стратегии доказательств и контрдоказательств в теориях заговора тесно увязаны друг с другом и воплощены в двух коммуникативных жанрах: повествование, рассказывание историй (storytelling) и оппонирование (argumentation) [10, р. 207–208].

Первый из них, как правило, представлен сценарными «мелодраматическими повествованиями»¹ в формате «манихейского нарратива» [38, р. 954] (дуализм добра и зла, героизация и демонизация и т. п.). Доступность изложения для восприятия, запоминания и транслирования имеет приоритет над строгостью работы с данными [39, р. 68].

В целом в основе доказательной стратегии теоретика заговора лежит примерно следующая установка: *«истина кроется не в фактах, а в мотивах тех, кто их предоставляет»*, что определяет ключевые особенности второго жанра²:

– смещение акцента с обоснования своей позиции на опровержение логики оппонентов (вера в свои убеждения не столь важна, как неверие в чужие) [59, р. 4];

– использование широкого спектра «неконвенциональных» аргументативных средств (логические ошибки, сдвиг в бремени доказательств и проч.) [10, р. 208] и так называемых мотивированных рассуждений (основанных на предвзятости подтверждения и предвзятости опровержения) [12, р. 4];

– встраивание контраргументации оппонентов в собственную концепцию [39, р. 68–69], использование противоречащих заговору фактов в качестве подтверждения заговора: в стиле «чем больше доказа-

¹ Синописис которых основан на онтологическом минимуме, а детализация – дело теоретика заговора.

² Важно не просто разобрать факт, а понять мотивацию предоставившего. Если мы подозреваем его в попытке манипулировать нами и скрывать правду, не так важно соблюдать строгие критерии фактчекинга, как выявить моменты, в которых оппонент «проболтался».

тельств, собранных властями в пользу их теории, тем больше сторонник теории заговора указывает на то, насколько сильно «они» должны желать, чтобы мы поверили официальной версии»¹ [32, р. 120];

– вторичность задачи фактологического обоснования теории. В отношении четырёх возможных состояний («заговор есть», «заговора нет», «заговор выявлен», «заговор не выявлен») [45, р. 6] конспирологические тенденции возможны в двух случаях:

– *заговор есть и его выявляют*. В таком случае речь идёт о так называемых обоснованных теориях заговора, другой вопрос, как именно они стали обоснованными – гипотеза стала теорией в процессе рационального обоснования или теоретик «попал пальцем в небо». Отдельные исследователи предпочитают в подобной ситуации либо вообще исключить термин «теория заговора», либо существенно снизить скепсис в её отношении [53, р. 205; 20];

– *заговора нет, но его выявили* – конспирология в чистом виде (или так называемые необоснованные теории заговора [32]). В более мягкой версии конспирологическое объяснение событий создается на основе неверной идентификации группы (в случае, если события по определению связаны с человеческой активностью), в более вульгарной – на персонификации процессов.

Психологическое содержание теории заговора

Исследователи констатируют, что конспирология как форма мышления выходит за рамки частных случаев и не может объясняться исключительно с помощью персональных особенностей отдельных носителей [36, р. 12]. Это позволяет трактовать её скорее как способ социального познания. Выделяется группа психологических механизмов, специфика действия которых и определяет своеобразие конспирологического мышления: восприятие паттернов, выявление агентности (agency detection), управление угрозами (threat management) на основании обнаружения альянсов (alliance detection) [45] с последующими моделями реакции на угрозу [43].

Особенности функционирования указанных механизмов позволяют утверждать, что в основе конспирологической рефлексии лежат:

– значительное число когнитивных ошибок, основанных на *выведении неслучайных последовательностей из случайных событий*, обнаружении значимых закономерностей в хаотических или случайно сгенерированных стимулах [58; 43; 23, р. 539]. Тем самым в целом функциональный когнитивный процесс (поиска стимульных закономерностей) на основе здоровой мотивации (разобраться в окружающем мире) [40, р. 758] приводит к накоплению иррациональных убеждений;

¹ Примечательно, что «они» могут использовать и обратную стратегию – культивирование нашего невежества [37, р. 101].

– *сниженный порог выявления агентности* – склонность к приписыванию агентности и интенциональности там, где её нет или она вряд ли будет существовать (когнитивное искажение «hypersensitive agency detection») [22], что в связке с предыдущим механизмом приводит к убеждённости в преднамеренности и запланированном характере определённого исхода событий [45, p. 6]¹;

– *идентификация угроз на основе описанного способа рефлексии персонального и культурного эмоционального опыта*. Исследователи отмечают наличие статистически значимых связей конспирологического мышления со спектром негативных эмоциональных состояний (тревога, бессилие и т. д.) и социальных проблем (снижение вовлечённости, нарастание изоляции и т. п.), опосредованных в том числе амбивалентностью происходящего [56; 21; 29, p. 1671; 42]². Теории заговора выступают в таком случае удобным шаблоном смыслообразования, играя важную роль в конструировании опасности определённой тенденции или события (прежде всего – экзистенциальных угроз [46]), в связывании их с историческими травмами и пугающими сценариями будущего [34, p. 44]. Причём в ряде случаев определяющее значение имеет именно эмоциональная притягательность конспирологического нарратива, особенно если речь идёт о построении теории заговора в «бытовом», психологически более безопасном смысле (теория как то, что не имеет прямого отношения к практике), способном в том числе развлекать [44, p. 3]³;

– *центральное значение контроля*. Описан ряд вариантов компенсационной связи конспирологического мышления и субъективного контроля: восполнение дефицита контроля перцептивными средствами в стрессовых условиях (иллюзорные паттерны восприятия снижают хаотичность среды) [58; 52, p. 446]; получение возможности отклонить неприемлемые нарративы на основе весомой альтернативы (есть выбор – есть контроль) [23, p. 539]; снижение неопределённости (и, соответственно, рост контроля) и, как следствие, снижение «поисковой» активности в ситуации [40, p. 754]⁴ и др.;

¹ В качестве материала для эмпирической проверки можно предложить идею о наличии связи между степенью «известности» тайной группы («существует» давно или только «появилась») и спецификой приписываемых ей характеристик. Подобное исследование сверхъестественных агентов даёт любопытные результаты (например, уже известные агенты «психологически» более сложны) [55].

² В приведённом выше примере о наличии общих конспирологических убеждений курсивом можно выделить иную часть высказывания, чем подчеркнуть приоритет эмоциональных оценок в конспирологических построениях («правительство скрывает любые враждебные действия, выгодные ему»).

³ Развлекательный потенциал, в основе которого лежит загадочность («кто за этим стоит?»), саспенс и мистификации, присущ многим культурным средствам (литература, публицистика, кинематограф, видеоигры, многочисленные социальные практики и т. д.).

⁴ Что любопытно, с попутным снижением веры в сверхъестественное, согласно результатам данного исследования. Хотя вопрос о том, снижают ли конспирологические убеждения контроль или возвращают его, нуждается в дальнейшем изучении.

– *выявление враждебных альянсов*. Персонификация угроз является одним из способов преодоления неопределённости и субъективного избегания того, что исследователи называют «диффузными угрозами», которые невозможно полностью предвидеть или контролировать [52, р. 446]. С точки зрения управления угрозами, исходящими от враждебных альянсов, цена ошибки первого типа (заговора нет, но индивид его выявляет) будет ниже, чем стоимость ошибки второго типа (заговор есть, но индивид его не видит). Ошибочное принятие случайных событий за неслучайные может привести к неоптимальному поведению [60, р. 1358], вариантом чего является оперирование теориями заговора¹, в случае же ошибки второго рода речь идёт уже о вероятных трагических последствиях (если все же заговор был, к враждебным действиям никто не готов) [45, р. 6]. Данная процедура выполняет функцию адаптивного психического механизма защиты от социальных угроз, зачастую ведущего к переоцениванию вероятности того, что другие люди образуют враждебные коалиции² [44, р. 2], которые важно вовремя выявить и принять меры [42, р. 327]. Однако исследования показывают, что для этого необходимо соблюдение ряда условий, прежде всего наличие реально ощущаемой угрозы [35]. В любом случае важно помнить, что в основном (социально-психологические) исследования проблемы теории заговоров – корреляционные [21, р. 288].

Теории заговора как критические теории (с «урезанным функционалом»)

В связи с вышесказанным особый интерес представляет замечание Анники Рабо о том, современные теории заговора имеют «общую повествовательную структуру с большей частью гуманитарных наук» [47, р. 90]. На наш взгляд, это замечание справедливо в отношении содержания поп-версий многих гуманитарных дисциплин, в т. ч. критических социальных теорий (Хоркхаймер, Маркузе и др.), рискующих при определённых условиях «впасть в параноидальную социологию» [28].

Способами объяснения такой ситуации могут быть:

– во-первых, отсылка к так называемой «двойной герменевтике» (Э. Гидденс), свойственной социальным наукам («Находки» («findings») социальных наук очень часто конститутивно входят в описываемый ими мир» [27, р. 20], например, представления людей об их действиях – часть

¹ Описано множество иных форм неоптимального (неадаптивного) поведения, основанного на ошибках в оценке вероятностей, в том числе азартные игры и др. [60, р. 1358].

² Так называемая «гипотеза адаптивного заговора», согласно которой конспирологическое мышление – это адаптивная эволюционная особенность человеческого «коалиционного разума» с функционалом а) для предупреждения своих о возможности того, что другие создают опасные коалиции против них, и б) стимулирования соответствующих действий по отражению таких угроз [45, р. 2].

того, чем эти действия являются [27, р. 18], и т. д.), благодаря которой границы между обыденными и специальными знаниями об обществе размыты гораздо сильнее, чем в случае естественных наук;

– во-вторых, совпадение направленности мотивов теоретиков заговора (критика и «выведение на чистую воду») и представителей критической традиции в социальной философии, социальной теории и интеллектуальной мысли в целом¹:

- они схожи своими *познавательными предпосылками*. Идея М. Хоркхаймера о том, что в критической теории «реальные ситуации, являющиеся исходным пунктом науки, не рассматриваются просто как данные, подлежащие проверке и предсказанию по законам вероятности...», поскольку «...зависят не только от природы, но и от власти над ней человека...» [30, р. 244], резонирует с имеющимися у конспирологов указаниями, о власти каких именно людей идёт речь;
- они отчасти схожи своей *прагматикой*: «критическую» теорию можно отличить от «традиционной» теории по конкретной практической цели: теория критична в той мере, в какой она стремится к «освобождению человека от рабства», выступает как «освобождающее... влияние» и работает «для создания мира, который удовлетворяет потребности и возможности» людей [30, р. 246]. Точно так же, как в критических теориях, конспирологические концепции исходят из рефлексивной стратегии, в основе которой лежит парадокс: установка «общество есть то, что оно не есть» [2, с. 223] в версии «все не так, как кажется» [25, р. 2] означает, что «правильное», справедливое социальное устройство отсутствует или подвергается угрозе здесь и сейчас².

Однако такое совпадение не является полным. Дж. Боман отмечает, что по логике М. Хоркхаймера критическая теория адекватна только в том случае, если она отвечает трём критериям: она должна быть одновременно объяснительной («что не так с миром?»), практической («кто может это изменить?») и нормативной («как изменить?») [13].

Теории заговора «хороши» в объяснении и критике, вплоть до «нигилистической степени скептицизма»³ [48, р. 61], но в сфере управления социальной активностью чаще носят своего рода пассивно-агрес-

¹ Несложно проследить определённую степень созвучия конспирологических идей со всей критической традицией (в широком смысле) – от марксистских до постмодернистских построений.

² Тайные группы – или симптом неправильного устройства системы, или причина такового.

³ Который одновременно является и слабым местом теорий заговора, и признаком их маргинальности: «избыточный» скептицизм вынуждает теоретика заговора в ответ на любые контраргументы включать в заговор все новые группы и сферы социальной жизни (вплоть до абсурда).

сивный, а не конструктивный характер: «выявление» локальных заговоров чаще провоцирует избегание или ситуативную защитную агрессию, а если заговор глобален – пассивность и фатализм (и, как следствие, например, снижение политической активности респондентов [21, р. 260]). Причём в ответе на вопрос об агентах нужных социальных преобразований многие конспирологи также не преуспевают.

Одно из объяснений указанного несовпадения ряду исследователей видится в том, что критическая направленность конспирологического мышления может не столько предшествовать делегитимизации социальных институтов, сколько *быть её следствием*¹. Иными словами, люди могут не столько критиковать с намерением изменить, сколько *защищать устоявшийся социальный порядок*, перекладывая вину за проблемы общества с неотъемлемых черт социальных систем на деятельность неких небольших групп людей [31, р. 5].

«Урезанный функционал» конспирологии² связан ещё и с тем, что большинство теоретиков заговора, по-видимому, считают излишним (либо неспособны) выдерживать интеллектуальный уровень и предметную направленность критической теории, с большей охотой интегрируя свои доктрины в существовавшие ранее космологии и системы убеждений, соединяя современную социально-политическую критику «с уже имеющимися пророчествами и верованиями» [24]. Благодаря этому в ряде случаев глобальные конспирологические построения становятся органичной частью идеологических и геополитических доктрин (и являются в том числе руководством к действию)³.

Конспирологическое мышление как социальный механизм

Исследованиями установлена значительная роль конспирологических убеждений как фактора социальной интеграции и дифференциации, в том числе на данные процессы влияют:

– склонность к поддержке индивидом конспирологических идей в случае наличия у него веры в то, что другие члены его группы также поддерживают набор убеждений о заговоре [46]. Причём нередко люди переоценивают степень веры в заговор среди членов своих групп [18], что, вероятно, также связано с проективной природой подобных социальных суждений («на месте заговорщиков я бы сделал так же») [59, р. 2];

¹ Теория заговора – реакция на кризис социальных институтов, а не фактор, кризис вызывающий. На наш взгляд, в данном вопросе справедливы оба подхода (теория заговора – и симптом кризиса, и причина его продолжения).

² В противовес к вполне принимаемой академической и интеллектуальной средой «полноценной» критической теории.

³ Данный тезис заслуживает отдельного рассмотрения.

– склонность к поддержке конспирологических идей в отношении аутгрупп в случае сильной идентификации индивида со своей группой и в условиях конфликта с другими сообществами (защитная идентификация) [33, р. 6], [18]. Кроме того, возложение ответственности на других за негативные события помогает поддержать позитивный образ своей группы как подвергаемой преследованиям (за свои хорошие качества) могущественными и беспринципными другими (так называемый коллективный нарциссизм) [23, р. 540];

– склонность индивида более не критично принимать конспирологические объяснения негативных событий в жизни других групп в случае, если: а) эти события *сейчас* напрямую не влияют на жизнь самого индивида и его сообщества (происходят где-то и с кем-то другим), но б) индивид, представив себя на месте члена такой группы, может посчитать, что однажды такое может произойти и с ним (феномен так называемый *perspective taking*¹) [41].

Неконвенциональность

Как было показано, в основе конспирологического мышления лежит тотальное недоверие к эпистемическим авторитетам, т. е. постановка под сомнение различных институтов, созданных для сбора надежных данных и доказательств [17, р. 139], неприятие «мейнстримных нарративов» [49, р. 2]. Простое принятие информации от подобных инстанций заменяется скрупулезным поиском несоответствий, слабых мест, отсылок к «истинному» значению событий (как способом не дать себя запутать) [34, р. 45–46]; [39, р. 70]. Разумеется, для подобной позиции нередко имеются основания [3; 5, с. 95, 101; 25], однако, как отмечалось, отличительной чертой указанного класса теорий является их «ненасыщаемая» критическая направленность, смещение акцента с сопоставления фактов и теоретических положений на выявление скрытых мотивов инстанций, факты предоставляющих.

В силу этого теории заговора в большинстве случаев а) неофициальны (не имеют институциональной аккредитации) [19, р. 3]; б) неконвенциональны [5]; т. е. выраженно альтернативны и зачастую враждебны «официальным» нарративам; в) имеют протестный (критический, оборонительный) характер в отношении практик принуждения, установленных в обществе (в том числе способствуя интеграции своих сторонников на этой основе по идейному признаку) [7, с. 179]. Не случайно анализ западного материала показывает некоторую связь между склонностью принимать теории заговора и принадлежностью к крайним значениям политического спектра с незначительным перевесом в пользу консервативных убеждений [57].

¹ Т. е. способности понимать, как другой человек воспринимает некую ситуацию, когнитивно и эмоционально реагирует на неё.

В этом смысле теории заговора могут защищать индивида от социальной дисквалификации, если с позиций эпистемических авторитетов он неправ (опасен, преступен), и т. п. Причём драйвером «антизаговорщической» социальной активности, в том числе политической (а борьба с принуждением, а также защита от экзистенциальных угроз неизбежно приобретает политическую окраску), зачастую выступают так называемые «партизанская мотивация» – критические «преднастройки» восприятия, которые определяют нужные интерпретации «официальной» информации, перевешивая доказательный потенциал предъявляемых данных (об этом [25]), и «партизанская аргументация» (*partisan motivated reasoning*) – систематическое искажение реальности, чтобы она соответствовала предубеждениям [16, p. 599].

К выводам

В заключение стоит ещё раз сконцентрировать внимание на нескольких ключевых особенностях рассматриваемого класса концепций.

1. Теории заговора – один из распространённых и доступных способов социального познания, содержащий инструменты объяснения явлений и ситуаций.

2. Драйвером конспирологического теоретизирования является определённое соотношение характеристик социальной среды и её эмоциональной оценки индивидом. Предрасполагающим фактором здесь выступает кризисное состояние общественных институтов или негативные жизненные обстоятельства человека. Теория заговора в таком случае является удобным и доступным, не требующим специализированных компетенций инструментом, позволяющим дать правдоподобные и при этом, что нередко важнее, быстрые объяснения, достаточные для выбора дальнейшей стратегии поведения. Данное обстоятельство определяет конкурентные преимущества подобного способа социального познания.

3. В основе конспирологических построений лежит определённый спектр принимаемых на веру убеждений («онтологический минимум»), сформированных в ходе специфической «работы» ряда психологических механизмов (выявление паттернов, агентности, управление угрозами, выявление альянсов). При этом конспирологическая схема может либо лежать в основе ключевых убеждений индивида («мир устроен так, что существует заговор X»), либо включаться в них как необходимая субтеория («Есть некое истинное положение вещей, но, чтобы его скрыть, существует заговор X»).

4. Со значительной степенью вероятности система конспирологических взглядов имеет вертикальную структуру – построения, объясняющие отдельные ситуации и явления, фундированы в общих конспирологических убеждениях и в ходе (контр)аргументации должны в большей

степени согласовываться именно с последними. При этом вопрос о том, как связаны «ненасыщаемый» скептицизм и общие конспирологические убеждения, во многом остаётся открытым.

5. Теория заговора – это набор суждений не столько о фактах, сколько о мотивах инстанций, данные факты предоставляющих. В этом смысле оценке фактологических данных предшествует выявление мотивов тех, кто эти данные презентует. Нередко убеждённость (подозрение) в «нечистоплотности» и скрытых мотивах эпистемических авторитетов выступает в качестве преднастроек конспирологического мышления, что препятствует рациональной оценке информации как таковой («нет смысла вникать в информацию от заведомо склонных ко лжи людей или институтов»).

6. Соответственно, теория заговора обладает особой прагматикой (сближающей её с рядом других социальных теорий), в основе которой – прежде всего необходимость противостояния практикам принуждения со стороны «нелегитимных» в силу склонности к тайным действиям социальных институтов (предоставление информации и требований последними и есть способ принуждения).

Библиографический список

1. Гутнер Г. Б. Диспозиция // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +, Реабилитация, 2009. С. 205–206.
2. Луман Н. Самоописания / Пер. с нем.; под ред. О. Никифорова, А. Антоновского. М.: Логос Гнозис, 2009. 320 с.
3. Первушин Н. С. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 44–65. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65
4. Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. и общ. ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
5. Хохлов А. А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2(21). С. 94–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102
6. Шнирельман В. А. Конспирология и оккультные силы // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 220–240.
7. Яблоков И. А. Теории заговора в современных политических идеологиях России и США: насколько маргинален язык конспирологии? // Политическая наука. 2013. № 4. С. 175–191.
8. Aupers S. “Trust no one”: Modernization paranoia and conspiracy culture // European Journal of Communication. 2012. Vol. 27(1). P. 22–34. DOI: 10.1177/0267323111433566

9. Bale J. M. Political paranoia vs political realism: on distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics // *Patterns of prejudice*. 2007. Vol. 41 (1). P. 45–60. DOI: 10.1080/00313220601118751
10. Bangerter A., Wagner-Egger P., Delouvée S. How conspiracy theories spread // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020. P. 206–218.
11. Barkun M. *A Culture of conspiracy: apocalyptic visions in contemporary America*. 2nd ed. University of California Press, 2013. 306 p.
12. Berman D. S., Stoddard J. D. “It’s a Growing and Serious Problem”: Teaching 9/11 to combat and conspiracy theories // *The Social Studies*. 2021. Vol. 112. No. 6. P. 298–309. DOI: 10.1080/00377996.2021.1929054
13. Bohman J. Critical Theory // *The Stanford encyclopedia of philosophy* (Spring 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/critical-theory/> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. Measuring belief in conspiracy theories: the generic conspiracist beliefs scale // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279
15. Cassam Q. Epistemic insouciance // *Journal of Philosophical Research*. 2018. Vol. 43. P. 1–20. DOI: 10.5840/jpr2018828131
16. Charles G.-U. E. Motivated reasoning post-truth and election law. 2020. URL: <https://scholarship.law.slu.edu/lj/vol64/iss4/5> (дата обращения: 10.03.2022).
17. Clarke S. Conspiracy theories and conspiracy theorizing // *Philosophy of the Social Sciences*. 2002. Vol. 32(2). P. 131–150. DOI: 10.1177/004931032002001
18. Cookson D., Jolley D., Dempsey R., Povey R. “If they believe then so shall I”: perceived beliefs of the in-group predict conspiracy theory belief // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2021. Vol. 24(5). P. 759–782. DOI: 10.1177/1368430221993907
19. Dentith M. R. X. Expertise and conspiracy theories // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32(3). P. 196–208. DOI: 10.1080/02691728.2018.1440021
20. Dentith M. R. X. When inferring to a conspiracy might be the best explanation // *Social Epistemology*. 2016. Vol. 30(5-6). P. 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
21. Douglas K. M., Sutton R. M. Why conspiracy theories matter: A social psychological analysis // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29(1). P. 256–298. DOI: 10.1080/10463283.2018.1537428
22. Douglas K. M., Sutton R. M., Callan M. J., Dawtry R. J., Harvey A. J. Someone is pulling the strings: hypersensitive agency detection and belief in conspiracy theories // *Thinking and Reasoning*. 2015. Vol. 22(1). P. 57–77. DOI: 10.1080/13546783.2015.1051586

23. Douglas K. M., Sutton R. M., Cichocka A. The psychology of conspiracy theories // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26(6). P. 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Drażkiewicz E., Rabo A. Conspiracy theories // *The international encyclopedia of anthropology*. 2021. P. 1–4. DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea1993
25. Enders A. M., Smallpage S. M. Informational cues partisan – motivated reasoning and the manipulation of conspiracy beliefs // *Political Communication*. 2018. Vol. 36(1). P. 1–20. DOI: 10.1080/10584609.2018.1493006
26. Gelman S. A., Legare C. H. Concepts and folk theories // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40(1). P. 379–398. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145822
27. Giddens A. *Social theory and modern sociology*. Cambridge: Polity Press, 1999. 310 p.
28. Harambam J., Aupers S. Contesting epistemic authority: Conspiracy theories on the boundaries of science // *Public Understanding of Science*. 2014. Vol. 24(4). P. 466–480. DOI: 10.1177/0963662514559891
29. van Harreveld F., Rutjens B. T., Schneider I. K., Nohlen H. U., Keskinis K. In doubt and disorderly: Ambivalence promotes compensatory perceptions of order // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. Vol. 143(4). P. 1666–1676. DOI: 10.1037/a0036099
30. Horkheimer M. *Critical theory: selected essays*. New York: Seabury Press, 1972; reprinted New York: Continuum, 2002.
31. Jolley D., Douglas K. M., Sutton R. M. Blaming a few bad apples to save a threatened barrel: the system-justifying function of conspiracy theories // *Political Psychology*. 2017. Vol. 39(2). P. 465–478. DOI: 10.1111/pops.12404
32. Keeley B. L. Of conspiracy theories // *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96(3). P. 109–126. DOI: 10.2307/2564659
33. Leman P. J., Cinnirella M. Beliefs in conspiracy theories and the need for cognitive closure // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00378
34. Leone M., Madisson M.-L., Ventsel A. Semiotic approaches to conspiracy theories // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 43–55.
35. Maij D. L. R., van Schie H. T., van Elk M. The boundary conditions of the hypersensitive agency detection device: an empirical investigation of agency detection in threatening situations // *Religion Brain and Behavior*. 2017. P. 1–29. DOI: 10.1080/2153599x.2017.1362662
36. Muirhead R., Rosenblum N. L. Speaking truth to conspiracy: partisanship and trust // *Critical Review*. 2016. Vol. 28(1). P. 63–88. DOI: 10.1080/08913811.2016.1173981

37. Nefes T. S., Romero-Reche A. Sociology social theory and conspiracy theory // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 94–107.

38. Oliver J. E., Wood T. J. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion // *American Journal of Political Science*. 2014. Vol. 58(4). P. 952–966. DOI: 10.1111/ajps.12084

39. Pelkmans M., Machold R. Conspiracy theories and their truth trajectories // *Focaal*. 2011. Vol. 59. P. 66–80. DOI: 10.3167/fcl.2011.590105

40. Prooijen J.-W. van, Acker M. The influence of control on belief in conspiracy theories: conceptual and applied extensions // *Applied Cognitive Psychology*. 2015. Vol. 29. P. 753–761. DOI: 10.1002/acp.3161

41. van Prooijen J.-W., van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: the moderating role of perspective taking // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2014. Vol. 55. P. 63–73. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.06.006

42. van Prooijen J.-W., Douglas K. M. Conspiracy theories as part of history: the role of societal crisis situations // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10(3). P. 323–333. DOI: 10.1177/1750698017701615

43. van Prooijen J.-W., Douglas K. M., De Inocencio C. Connecting the dots: illusory pattern perception predicts belief in conspiracies and the supernatural // *European Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 48(3). P. 320–335. DOI: 10.1002/ejsp.2331

44. van Prooijen J. W., Ligthart J., Rosema S., Xu Y. The entertainment value of conspiracy theories // *British Journal of Psychology*. 2021. Vol. 113(1). P. 1–24. DOI: 10.1111/bjop.12522

45. van Prooijen J.-W., Vugt M. van. Conspiracy theories: evolved functions and psychological mechanisms // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 13(6). P. 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270

46. van Prooijen J.-W. Injustice without evidence: the unique role of conspiracy theories in social justice research // *Social Justice Research*. 2021. Vol. 35(1). P. 88–106. DOI: 10.1007/s11211-021-00376-x

47. Rabo A. Conspiracy theory as occult cosmology in anthropology // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 81–93.

48. Räikkä J. On the Epistemic Acceptability of Conspiracy Theories // *Social Justice in Practice*. 2014. P. 61–75. DOI: 10.1007/978-3-319-04633-4_5

49. Rousis G. J., Richard F. D., Wang D.-Y. D. The truth is out there: the prevalence of conspiracy theory use by radical violent extremist organizations // *Terrorism and Political Violence*. 2020. P. 1–19. DOI: 10.1080/09546553.2020.1835654

50. Stehl T., van Prooijen J.-W. Epistemic rationality: skepticism toward unfounded beliefs requires sufficient cognitive ability and motivation to be rational // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 122. P. 155–163. DOI: 10.1016/j.paid.2017.10.026
51. Stokes P. Conspiracy theory and the perils of pure particularism // *Taking Conspiracy Theories Seriously*. Ed. by M. R. X. Dentith. Rowman & Littlefield International Ltd, 2018. P. 25–38.
52. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98(3). P. 434–449. DOI: 10.1037/a0017457
53. Sunstein C. R., Vermeule A. Conspiracy theories: causes and cures // *Journal of Political Philosophy*. 2009. Vol. 17(2). P. 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
54. Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A. An examination of the factorial and convergent validity of four measures of conspiracist ideation with recommendations for researchers // *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12(2). P. e0172617. DOI: 10.1371/journal.pone.0172617
55. Swan T., Halberstadt J. The Mickey Mouse problem: distinguishing religious and fictional counterintuitive agents // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14(8). P. e0220886. DOI: 10.1371/journal.pone.0220886
56. Swan T., Halberstadt J. Anxiety enhances recall of supernatural agents // *The international journal for the psychology of religion*. 2021. P. 1–17. DOI: 10.1080/10508619.2021.1898808
57. Thyrisdyttir H., Mari S., Krouwe A. Conspiracy theories political ideology and political behaviour // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 304–316.
58. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception // *Science*. 2008. Vol. 322(5898). P. 115–117. DOI: 10.1126/science.1159845
59. Wood M. J., Douglas K. M. Online communication as a window to conspiracist worldviews // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836
60. Zhao J., Hahn U., Osherson D. Perception and identification of random events // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2014. Vol. 40(4). P. 1358–1371. DOI: 10.1037/a0036816

Получено редакцией 18.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Университет гражданской защиты МЧС Беларуси

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798

EDN: TJLDYG

Conspiracy Trend in Everyday Practices of Social Reflection: Theoretical Generalizations

Vsevolod N. Sergeev

University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9809-7864

For citation: Sergeev V. N. Conspiracy trend in everyday practices of social reflection. Theoretical generalisations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

Abstract. The article provides a generalized description of such a specific form of social cognition as conspiracy theory. It is emphasised that in the current context, conspiracy thinking can no longer be interpreted as marginal, since it is widely spread as one of the available ways for individuals and groups to reflect on the ambiguous phenomena of social life, primarily related to security threats. Regardless of what final product is produced by the conspiracy theorist – mundane explanations, exotic social, (pseudo)religious concepts, political and geopolitical doctrines, etc. – they are all united by a single conceptual structure (denoted in the work as the “ontological minimum”) and are the result of certain psychological mechanisms. Some similarity of conspiracy theories with the critical direction of philosophical and, more broadly, intellectual thought (in terms of identifying practices of coercion and combating them) is emphasised, with an important caveat about their significant differences (as a rule, an incomparable conceptual level, “excessive”, “unsaturated” skepticism etc.).

When characterizing conspiracy theories, the position of research particularism seems quite justified – the avoidance of a generalized assessment of all ideas with signs of a conspiracy theory, since there is no single rigid criterion. Approaches based on the application of a single criterion to conspiracy theories (conspiracy as a “bad science”, psychopathological discourse, etc.) have limited potential and, if applied systematically, can be criticised for unfounded generalisations (in fact, for the same things that conspiracy theories are criticized for).

On a continuum of variables relevant to understanding conspiracy theories (psychological, social, etc.), most proven connections are not of a hard causal nature. Understanding specific constructions involves identifying exactly how such variables are combined in a particular theory. The above generalised characteristics can become a theoretical basis for empirical studies of the conspiracy trend in the practice of everyday reflection on social problems, primarily existential threats.

Keywords: conspiracy trend, conspiracy theory, conspiracy thinking, epistemological authority, epistemic nonchalance, agency, threat management, alliance detection, coercive practices

References

1. Gutner G. B. Dispozicija [Disposition]. *Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]*. Moscow, Kanon +, Reabilitacija. 2009: 205–206 (in Russ.).
2. Luman N. Samoopisanija [Self-Descriptions]. Transl. from Germ.; ed. by O. Nikiforov, A. Antonovsky. Moscow, Logos, Gnozis. 2009: 320 (in Russ.).
3. Pervushin N. S. Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 2020: 13(2): 44–65 (in Russ.). DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65
4. Ryle G. The Concept of Mind. Moscow, Ideja-Press; Dom intellektual’noj knigi. 1999: 408 (in Russ.).
5. Khokhlov A. A. Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 2020: 1: 96–104 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102
6. Shnirel’man V. Conspiracy theory and occult forces. *Istoricheskaja jekspertiza*, 2016: 1: 220–240 (in Russ.).
7. Yablokov I. A. Conspiracy theories in contemporary political ideologies of Russia and the United States: how marginal is the language of conspiracy? *Politicheskaja nauka*, 2013: 4: 175–191 (in Russ.).

8. Aupers S. “Trust no one”: Modernization paranoia and conspiracy culture. *European Journal of Communication*, 2012: 27(1): 22–34. DOI: 10.1177/0267323111433566
9. Bale J. M. Political paranoia vs political realism: on distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics. *Patterns of prejudice*, 2007: 41(1): 45–60. DOI: 10.1080/00313220601118751
10. Bangerter A., Wagner-Egger P., Delouvée S. How conspiracy theories spread. Routledge handbook of conspiracy theories. Taylor & Francis, 2020: 206–218.
11. Barkun M. Culture of conspiracy: apocalyptic visions in contemporary America. 2nd ed. University of California Press, 2013: 306.
12. Berman D. S., Stoddard J. D. “It’s a Growing and Serious Problem”: Teaching 9/11 to combat and conspiracy theories. *The Social Studies*, 2021: 112: 6: 298–309. DOI: 10.1080/00377996.2021.1929054
13. Bohman J. Critical Theory. The Stanford encyclopedia of philosophy (Spring 2021 Edition). Accessed 12.03.2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/critical-theory/>
14. Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. Measuring belief in conspiracy theories: the generic conspiracist beliefs scale. *Frontiers in Psychology*, 2013: 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279
15. Cassam Q. Epistemic insouciance. *Journal of Philosophical Research*, 2018: 43: 1–20. DOI: 10.5840/jpr2018828131
16. Charles G.-U. E. Motivated reasoning post-truth and election law. 2020. Accessed 10.03.2022. URL: <https://scholarship.law.slu.edu/lj/vol64/iss4/5>
17. Clarke S. Conspiracy theories and conspiracy theorizing. *Philosophy of the Social Sciences*, 2002: 32(2): 131–150. DOI: 10.1177/004931032002001
18. Cookson D., Jolley D., Dempsey R., Povey R. “If they believe then so shall I”: perceived beliefs of the in-group predict conspiracy theory belief. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2021: 24(5): 759–782. DOI: 10.1177/13684302211993907
19. Dentith M. R. X. Expertise and conspiracy theories. *Social Epistemology*. 2018: 32(3): 196–208. DOI: 10.1080/02691728.2018.1440021
20. Dentith M. R. X. When inferring to a conspiracy might be the best explanation. *Social Epistemology*, 2016: 30(5-6): 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
21. Douglas K. M., Sutton R. M. Why conspiracy theories matter: A social psychological analysis. *European Review of Social Psychology*, 2018: 29(1): 256–298. DOI: 10.1080/10463283.2018.1537428
22. Douglas K. M., Sutton R. M., Callan M. J., Dawtry R. J., Harvey A. J. Someone is pulling the strings: hypersensitive agency detection and belief in conspiracy theories. *Thinking and Reasoning*, 2015: 22(1): 57–77. DOI: 10.1080/13546783.2015.1051586
23. Douglas K. M., Sutton R. M., Cichočka A. The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 2017: 26(6): 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Drązkiewicz E., Rabo A. Conspiracy theories. In *The international encyclopedia of anthropology*. 2021: 1–4. DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea1993
25. Enders A. M., Smallpage S. M. Informational cues partisan – motivated reasoning and the manipulation of conspiracy beliefs. *Political Communication*, 2018: 36(1): 1–20. DOI: 10.1080/10584609.2018.1493006
26. Gelman S. A., Legare C. H. Concepts and folk theories. *Annual Review of Anthropology*, 2011: 40(1): 379–398. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145822
27. Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge, Polity Press, 1999: 310.
28. Harambam J., Aupers S. Contesting epistemic authority: Conspiracy theories on the boundaries of science. *Public Understanding of Science*, 2014: 24(4): 466–480. DOI: 10.1177/0963662514559891
29. van Harreveld F., Rutjens B. T., Schneider I. K., Nohlen H. U., Keskinis K. In doubt and disorderly: Ambivalence promotes compensatory perceptions of order. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014: 143(4): 1666–1676. DOI: 10.1037/a0036099
30. Horkheimer M. Critical theory: selected essays. New York, Seabury Press, 1972; reprinted New York, Continuum, 2002.

31. Jolley D., Douglas K. M., Sutton R. M. Blaming a few bad apples to save a threatened barrel: the system-justifying function of conspiracy theories. *Political Psychology*, 2017: 39(2): 465–478. DOI: 10.1111/pops.12404
32. Keeley B. L. Of conspiracy theories. *The Journal of Philosophy*, 1999: 96(3): 109–126. DOI: 10.2307/2564659
33. Leman P. J., Cinnirella M. Beliefs in conspiracy theories and the need for cognitive closure. *Frontiers in Psychology*, 2013: 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00378
34. Leone M., Madisson M.-L., Ventsel A. Semiotic approaches to conspiracy theories. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 43–55.
35. Maij D. L. R., van Schie H. T., van Elk M. The boundary conditions of the hypersensitive agency detection device: an empirical investigation of agency detection in threatening situation. In *Religion Brain and Behavior*, 2017: 1–29. DOI: 10.1080/2153599x.2017.1362662
36. Muirhead R., Rosenblum N. L. Speaking truth to conspiracy: partisanship and trust. *Critical Review*, 2016: 28(1): 63–88. DOI: 10.1080/08913811.2016.1173981
37. Nefes T. S., Romero-Reche A. Sociology social theory and conspiracy theory. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 94–107.
38. Oliver J. E., Wood T. J. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion. *American Journal of Political Science*, 2014: 58(4): 952–966. DOI: 10.1111/ajps.12084
39. Pelkmans M., Machold R. Conspiracy theories and their truth trajectories. *Focaal*. 2011: 59: 66–80. DOI: 10.3167/fcl.2011.590105
40. van Prooijen J.-W., Acker M. The influence of control on belief in conspiracy theories: conceptual and applied extensions. *Applied Cognitive Psychology*, 2015: 29: 753–761. DOI: 10.1002/acp.3161
41. van Prooijen J.-W., van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: the moderating role of perspective taking. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014: 55: 63–73. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.06.006
42. van Prooijen J.-W., Douglas K. M. Conspiracy theories as part of history: the role of societal crisis situations. *Memory Studies*, 2017: 10(3): 323–333. DOI: 10.1177/1750698017701615
43. van Prooijen J.-W., Douglas K. M., De Inocencio C. Connecting the dots: illusory pattern perception predicts belief in conspiracies and the supernatural. *European Journal of Social Psychology*, 2017: 48(3): 320–335. DOI: 10.1002/ejsp.2331
44. van Prooijen J.-W., Ligthart J., Rosema S., Xu Y. The entertainment value of conspiracy theories. *British Journal of Psychology*, 2021: 13(1): 1–24. DOI: 10.1111/bjop.12522
45. van Prooijen J.-W., Vugt M. van. Conspiracy theories: evolved functions and psychological mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*, 2018: 13(6): 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270
46. van Prooijen J.-W. Injustice without evidence: the unique role of conspiracy theories in social justice research. *Social Justice Research*, 2021: 35(1): 88–106. DOI: 10.1007/s11211-021-00376-x
47. Rabo A. Conspiracy theory as occult cosmology in anthropology. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 81–93.
48. Räikkä J. On the Epistemic Acceptability of Conspiracy Theories. *Social Justice in Practice*, 2014: 61–75. DOI: 10.1007/978-3-319-04633-4_5
49. Rousis G. J., Richard F. D., Wang D.-Y. D. The truth is out there: the prevalence of conspiracy theory use by radical violent extremist organizations. *Terrorism and Political Violence*, 2020: 1–19. DOI: 10.1080/09546553.2020.1835654
50. Stehl T., van Prooijen J.-W. Epistemic rationality: skepticism toward unfounded beliefs requires sufficient cognitive ability and motivation to be rational. *Personality and Individual Differences*, 2018: 122: 155–163. DOI: 10.1016/j.paid.2017.10.026
51. Stokes P. Conspiracy theory and the perils of pure particularism. *Taking Conspiracy Theories Seriously*. Ed. by M. R. X. Dentith. Rowman & Littlefield International Ltd, 2018: 25–38.
52. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010: 98(3): 434–449. DOI: 10.1037/a0017457

53. Sunstein C. R., Vermeule A. Conspiracy theories: causes and cures. *Journal of Political Philosophy*, 2009: 17(2): 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
54. Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A. An examination of the factorial and convergent validity of four measures of conspiracist ideation with recommendations for researchers. *PLOS ONE*, 2017: 12(2): e0172617. DOI: 10.1371/journal.pone.0172617
55. Swan T., Halberstadt J. The Mickey Mouse problem: distinguishing religious and fictional counterintuitive agents. *PLOS ONE*, 2019: 14(8): e0220886. DOI: 10.1371/journal.pone.0220886
56. Swan T., Halberstadt J. Anxiety enhances recall of supernatural agents. *The international journal for the psychology of religion*, 2021: 1–17. DOI: 10.1080/10508619.2021.1898808
57. Thórisdóttir H., Mari S., Krouwe A. Conspiracy theories political ideology and political behavior. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 304–316.
58. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception. *Science*, 2008: 322(5898): 115–117. DOI: 10.1126/science.1159845
59. Wood M. J., Douglas K. M. Online communication as a window to conspiracist world-views. *Frontiers in Psychology*, 2015: 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836
60. Zhao J., Hahn U., Osherson D. Perception and identification of random events. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2014: 40(4): 1358–1371. DOI: 10.1037/a0036816

The article was submitted on: April 18, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vsevolod N. Sergeev, Candidate of Historical Sciences,
State Educational Establishment, University of Civil Protection
of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: РЕАКЦИИ И РЕФЛЕКСИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.799

EDN: TNMCLH

Профессиональные сообщества молодых учёных перед лицом неопределённости современного мира. Кейс российских научных центров (по данным качественного исследования)

Ссылка для цитирования: Рассолова Е. Н., Галкин К. А. Профессиональные сообщества молодых учёных перед лицом неопределённости современного мира. Кейс российских научных центров (по данным качественного исследования) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 114–136. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.799; EDN: TNMCLH

For citation: Rassolova E. N., Galkin K. A. Professional communities of young scientists in the face of the uncertainty of the modern world. Case of Russian research centers (according to a qualitative study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 114–136. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.799; EDN: TNMCLH

Рассолова Елена Николаевна¹

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

enrassolova@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 861266

Галкин Константин Александрович¹

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Kgalkin1989@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 850737

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые характеристики интеграции молодых учёных в научные сообщества в контексте «текучей» современности. Авторы рассматривают профессиональные сообщества молодых учёных как подвижные сети в обществе плазмы, текучей современности, которые наделены как автономией, так и постоянным механизмом адаптации под новые реалии, процессы и трансформации, существующие в современных обществах. Текучая современность в профессиональной сфере понимается авторами как время возможностей, в том числе возможностей проявления инициатив молодыми учёными, а также как мир тотальной неопределённости, где стремительность и пере-

менчивость, постоянный поиск и смена различных стратегий становятся предпосылками успешного построения карьеры и карьерного роста. Эмпирическую базу анализа составляет результат проведённого при участии авторов качественного исследования. В ходе исследования было записано и проанализировано 30 биографических интервью с молодыми учёными в городе регионального значения, молодом наукограде, и крупном городе федерального значения. Авторами выдвигается гипотеза о важности горизонтальной интеграции молодых учёных в научные сообщества. Оцениваются также роль города как актора, который формирует научные сообщества и стратегии взаимодействия и интеграции молодых учёных с научными сообществами. Особое внимание уделено смыслам научной карьеры и индивидуальной роли научных сообществ в карьере молодых учёных, а также стратегиям их интеграции в научную среду. В качестве новых возможностей, которые возникают для учёных в мире текучей современности, рассмотрены изменения конфигураций стратегий как построения научной карьеры, так и интеграции в научные сообщества на локальном, всероссийском и мировом уровнях. Авторы делают вывод, что на интеграцию и построение стратегий продвижения в научной карьере влияют как сам город, его условия, так и особенности ориентированности локального научного сообщества, которое определяется наличием профильных дисциплин. Успешной стратегией, позволяющей использовать потенциал мира текучей современности, выступает, по мнению авторов, горизонтальная интеграция молодых учёных, которая даёт им возможность максимально реализовать свои ресурсы.

Ключевые слова: социология, наука, молодые учёные, научные сообщества, биографические траектории, текучая современность, построение карьеры в научной сфере, неопределённость

Профессиональные сообщества со своей устоявшейся культурой и принципами, этическими стандартами и нормами – достаточно хорошо изучены в рамках социологии профессий. В особенности это касается так называемых сформированных профессий. К ним исследователи относят, например, медицинские, юридические профессии [2]. Исследователи нередко говорят о том, что профессиональные сообщества представителей медицинской и юридической профессий сформированы наилучшим образом.

Исследовательский интерес представляют как отдельные профессии, так и их группы, имеющие различные атрибуты и специфику, схожие методы и этические нормы. Возникает вопрос: можно ли эти объединения различных профессиональных групп, или мультидисциплинарные объединения, относить к сообществам разных профессий? Возможно ли, используя концептуальный аппарат исследования профессиональных сообществ, изучать особенности мультидисциплинарных профессиональных объединений и при этом называть такие объединения сообществами?

Процесс становления профессиональных сообществ не является новым, так, инженерные сообщества оформились в профессиональные комьюнити в конце XIX – начале XX века [22]. Инженерное сообщество с развитием промышленности и промышленными революциями вырабатывает компоненты, которые обозначают изначально разрозненных и не

объединённых в профессиональном плане людей в единое сообщество профессионалов, в рамках которого появляются свои практики, нормы и ценности [28]. При этом немаловажным элементом в данной ситуации выступает именно практическая деятельность, которая способствует объединению в профессиональные сообщества на основании схожести практик, наличия единого практического опыта [23]. Сообщества учёных на данном этапе ставят перед исследователями множество вопросов, которые заключаются прежде всего в том, существуют ли в рамках таких сообществ серьёзные дисциплинарные разделения, которые создают проблему для дефиниции молодых учёных как единого сообщества, и присутствуют ли различия в рамках отдельных дисциплин, которые также не способствуют объединению учёных в единые профессиональные сообщества.

В данной статье нами рассматриваются объединения молодых учёных из различных городов России, особенности формирования профессиональных сообществ в зависимости от экологии места и специфики социально-экономической ориентированности и направленности профессиональной деятельности учёных в разных локациях. Уделяется особое внимание миру текущей современности, для того чтобы показать специфику того, как нестабильность и изменчивость профессиональной сферы способствуют или не способствуют объединению молодых учёных в сообщества в разных городах Российской Федерации.

Теоретический контекст

На протяжении многих столетий перед социальной мыслью и возникшей позднее социологией стояли вопросы о том, что именно объединяет группы людей в единое целое, какие существуют критерии таких объединений, как объединяются и оформляются сообщества и группы, как структурируются их границы.

Одним из первых, кто предложил концептуализировать понятие «сообщество» в социологии, был Ф. Тённис. В своей концепции о двух формах связи «сообщество/общность» он впервые предложил идею разграничения этих двух понятий, а также различные критерии в разграничениях сообщества и общности (Gemeinschaft, Gesellschaft) [9]. Главным критерием разграничения выступала нарастающая в тот период времени (конец XIX века) урбанизация, рост городов, связанная с промышленной революцией и необходимостью умножения рабочей силы для развития промышленности. Как отмечает Ф. Тённис, сообщества отличаются от обществ наличием более тесных органических связей, реципрокными отношениями, построенными на доверии, а не на рациональном выборе. Общества являются механически собранными группами людей, где ключевым принципом выступают слаженность работы всех элементов и механизмов и рациональные отношения между индивидами [9; 11].

Таким образом, сообщества и общества с точки зрения предложенной Ф. Тённисом идеи, отличаются в первую очередь несхожие типы связей, особенности общения и взаимодействия индивидов друг с другом в различных формациях. Типы связей становятся ключевым элементом разграничений, но именно они и подвергаются критике со стороны других исследователей, отмечающих, что идеи Ф. Тённиса строятся преимущественно вокруг разделения сельского и городского, механического и органического и не рефлексивны к таким типам сообществ, как профессиональные сообщества, которые не имеют привязки к конкретной локации, а их границы могут быть весьма размытыми. Получается, профессиональные сообщества становятся скорее отдельными группами людей, где действуют совершенно иные законы и правила, но при этом есть своя система ценностей и ориентиров, а также своя система знаков и культуры этических, моральных норм [27; 31].

Наибольшую популярность концепт «профессиональные сообщества» приобрёл в середине XX века, когда активно начинает развиваться теория структурного функционализма. В рамках структурного функционализма под сообществом рассматривается не отдельная группа людей или отдельные объединения, а подструктура общества или единое целое с обществом, которое работает и функционирует в этом механизме, создавая в целом прогресс и развитие. Именно в рамках теории структурного функционализма, которая активно приходит в исследования профессий, возникает концепт «профессиональные сообщества». Данные сообщества рассматриваются исследователями как группы людей, обладающих определёнными признаками, по которым можно судить об их общности и которые можно анализировать и рассматривать с точки зрения структуры. К таким признакам относятся: наличие общей идентичности и идентификации всех членов сообщества с профессией и самим сообществом; продолжительное по времени пребывание в сообществе и укоренённость в самом сообществе; нежелание выходить из сообщества; желание развития в рамках этого сообщества; единая система ценностей, норм и моральных кодексов этики; предусмотренная система «наказаний» и исключения из сообщества в случае несоблюдения данной системы и неследования её законам; профессиональная культура, символы, знаки и профессиональный сленг, которым пользуются члены сообщества; обладание властью и статусом; наличие социальных границ сообщества, которые могут быть обусловлены региональными и страновыми границами; отбор будущих членов и особые ритуалы интеграции в сами сообщества [24, с. 194].

Основными функциями, которыми обладают профессиональные сообщества, выступают: социальный контроль, этические нормы и дисциплинарные практики, социализация новых членов через интеграцию в нормы и ценности профессиональных сообществ, общественное признание самих профессиональных сообществ, а также система обучения и переобучения, подготовки новых членов сообщества [12]. Одной из критических перспектив функционалистского рассмотрения и понима-

ния профессионального сообщества выступает определение, практически неотличимое от профессиональных ассоциаций, и приписывание профессиональным сообществам практически всех тех критериев, которыми обладают и профессиональные ассоциации [20; 2; 25]. Таким образом, предметом критики профессионального сообщества с точки зрения функционалистского подхода выступает именно близость профессиональных сообществ к профессиональным ассоциациям, а следовательно, и невнятность самих разграничений, понимание и рассмотрение самой профессиональной группы как относительно небольшой и достаточно жёстко структурированной существующими границами культуры.

Ряд профессиональных сообществ можно также отнести к профессиональным ассоциациям. К такому определению могут относиться профессии с устоявшейся и оформленной профессиональной культурой, а также профессии, имеющие определённую власть и право на экспертность, которая достигается, как правило, за счёт продолжительного обучения. К таким профессиям, например, можно отнести адвокатскую или врачебную профессию. Как отмечает Р. Мертон, именно социальные связи и объединения профессионалов, особая культура и коммуникация выступают истинными признаками профессиональных сообществ и объединений и способствуют развитию коммуникации и взаимодействий внутри них, а также привлечению новых членов [26; 14; 10; 3]. Одним из самых важных критериев, который Мертон относит к профессиональным сообществам, выступает солидарность внутри профессиональных сообществ, объединения на основе солидарности, которые выступают силой притяжения и не позволяют профессиональным сообществам распасться [26].

Как отмечает Р. Мертон, одним из главных критериев любой профессиональной ассоциации выступает её комплектность, то есть интеграция и включение в профессиональную ассоциацию как можно большего числа членов, а следовательно, расширение самой ассоциации, рост её влияния. Именно комплектность и наличие постоянных членов в ассоциации, которое достигается за счёт комплектности, создаёт возможность для развития профессиональной ассоциации, обладает необходимой властью, которая свидетельствует о наличии в ассоциации экспертного знания, особых ритуалов, а также ценностей [26]. При этом с развитием и ростом числа профессий резонным вопросом становится рассмотрение и понимание не исключительно ассоциаций по одной профессии, а также ассоциаций, включающих разные профессиональные группы и сообщества, при этом разделяющие определённую экспертную власть над тем или иным объектом, а также имеющие монополию на знания и подготовку самих членов ассоциации [15].

К таким ассоциациям, или глобальным сообществам, вполне можно отнести и представителей научной профессии. В данном случае ассоциации объединяют не одну или несколько профессий, а целые группы людей, имеющих схожие ценности и ритуалы, профессиональную культуру, особенности развития и монополию на ту или иную

часть знаний. Учёные различных специализаций и дисциплин часто имеют лишь дисциплинарные объединения, при этом отсутствует единая профессиональная организация, и, как правило, само определение «учёный» в большей степени относится к сообществу практики, то есть такому, которое объединено идентичностью и особым пониманием индивидами себя в качестве исследователей одной дисциплины [16]. Важным объединяющим фактором в сообществах учёных выступают именно практики: разделение исследовательского опыта, этических норм и этических стратегий относительно изучения, взгляда на факты и их представления, а также особенной позиции по поводу понимания монополии на ту или иную область знаний, с точки зрения идентичности и отнесения индивидами себя к группе учёных [19].

Таким образом, учёных следует рассматривать не с позиции профессиональной ассоциации, которая так или иначе объединяет внутри себя сообщества одной профессии, а с точки зрения практик и особой идентичности некоего сообщества, имеющего определённые особенности и объединяющего несколько различных взглядов, но при этом напоминающего понятие общества, согласно идее Ф. Тённиса. В данном случае исследователям, занимающимся изучением профессиональных сообществ, следует рассматривать именно объединяющие это сообщество факторы, а также специфику локаций, отличающихся по размеру, которые и могут объединять исследователей разных дисциплин в одно профессиональное сообщество.

В настоящее время происходит трансформация оптики в исследованиях профессионалов: основной фокус смещается в сторону изучения индивидуальных особенностей представителей группы и исследования идентичностей, смыслов и культуры конкретного сообщества или сообществ профессионалов [29; 21]. Для того, чтобы изучить индивидуальные особенности в конструировании профессиональной идентичности, а также принадлежности к той или иной группе и профессии, используются преимущественно социально-антропологический и феноменологический подходы [6; 1]. Использование этих подходов способствует тому, что профессия, как и карьерные стратегии и ориентиры, рассматривается авторами с позиции изучения особенностей повседневности, взаимодействий и коммуникаций специалистов, которые выходят на первый план. Важным в таком фокусе исследований выступает изучение видения самих профессионалов, понимание ими особенностей своей профессии, а также рассмотрение специфики индивидуальной мотивации, которая может влиять как на желание продолжать работать по профессии, так и, наоборот, на желание сменить профессию [8].

Отличительной чертой этого фокуса исследования выступает то, что применение данной оптики позволяет сфокусироваться на изучении смыслов и мнений относительно своей профессиональной деятельности, исследовании особенностей того, как сами профессионалы видят свою профессию и развитие в ней. Специфическими чертами профессиональных сообществ учёных выступает высокая степень профессионализма, авто-

номии и регуляции благодаря наличию у профессионалов экспертных знаний [8]. Важное место занимает право самостоятельного принятия учёными решений и маркирования своей монополии на экспертные знания и регуляцию знаний, которая достигается преимущественно в рамках используемых методов исследования и особых исследовательских процедур [32].

Однако нередко в профессиональную автономию учёных могут вмешиваться внешние акторы, и она, таким образом, может трансформироваться. Одним из таких вмешательств может быть введение новых законодательных норм, а также особая ситуация, связанная с изменениями в экономике и социальной сфере, с трансформациями ролей самих учёных, что автоматически приводит к изменениям в понимании ими своей принадлежности к профессиональному сообществу, маркирования подобной принадлежности в повседневности [30; 17]. Ещё одним важным критерием, который создаёт вмешательства и особые условия для сообществ учёных, выступает социально-экономическое развитие среды, например наличие тех или иных специализаций (направлений подготовки) в университетах, ориентированность экономики и экономические стратегии, которые также создают особые условия для укрепления или распада сообществ учёных, условия для изменения приоритетов и направления сил научных сообществ в разных локациях.

Современные общества, как отмечает классик изучения тектонических сдвигов в сторону нестабильности и флюидности З. Бауман, отличаются изменением прежних, устоявшихся фундаментальных процессов, «цементирующих» общество. Метафора З. Баумана «плавление твёрдых тел» отражает смысл этих изменений, сродни физическому. Так, к примеру, прежние устойчивые и «твёрдые» по структуре общества, которые обычно называют традиционными, начинают постепенно терять твёрдость, двигаясь к мягкости, расплывчатости, флюидности и нечётким границам. Именно метафорой флюидности З. Бауман обозначает новую модерность, или новые социальные реалии современных обществ в целом [13].

Концептом текучей современности (liquid modernity) З. Бауман определяет ключевые особенности современных обществ, обусловленные их флюидностью и непредсказуемостью в контексте принятия решений в рамках коммуникации и в целом взаимоотношений, существующих в обществах. Таким образом, именно мобильность, переменчивость – новая коммуникация; и трансформации, которые существуют в современных обществах, становятся ключевыми характеристиками в рамках смены прежних порядков, структур, границ сообществ и особенностей их развития [13]. Флюидность, которая обозначена мобильностью, в современных обществах становится структурообразующей и превращает привычное «твёрдое тело» современных социальных отношений в нечто, схожее по своим физическим параметрам с плазмой, которая обладает свойствами перетекания, расплывчатости, размывания границ и которая достаточно мобильна, представляет собой пластичную

основу общества, на которую ложится новое и тем самым развивается. Концепт плазмы наиболее удачно определяет и описывает современные общества, создавая, таким образом, понимание текучести и динамичности развития [5]. То есть плазма как характеристика общественных процессов – постоянно динамично развивающаяся субстанция нового мира, и именно в плазме происходит изменение в привычных существующих в мире сетях. Именно физические свойства плазмы как нельзя лучше описывают существующие порядки в современных обществах с их постоянным изменением и свойством перетекания различных процессов, а нередко – свойствами неоформленности различных общественных процессов, их неструктурированности.

Таким образом, плазма – динамичная и пластичная субстанция. В ней развиваются и присутствуют сети, характеристики которых – автономность и постоянные трансформации. Сетевое общество, как отмечает исследователь сетей М. Кастельс, характеризуется и отмечается флюидностью, а при этом автономностью и индивидуализацией процессов общения и коммуникации [18]. Эти процессы, свойственные различным сообществам, сами в таком обществе приобретают свойства плазмы и становятся максимально флюидными, теряя прежние чётко структурированные и очерченные границы. При этом на передний план выходят автономность всех членов сообщества, их независимость, а также развитие самой траектории сообщества по нелинейному и особенному пути. Таким образом, сетевое общество, развивающееся в современном мире, в первую очередь определено флюидностью и нелинейностью, которая способствует развитию сетей и автономии их членов (элементов).

В настоящем исследовании мы рассматриваем сообщества молодых учёных как подвижные сети в обществе плазмы, текучей современности, которые наделены как автономией, так и постоянным механизмом адаптации под новые реалии, процессы и трансформации, существующие в современных обществах. Трансформации происходят в рамках как организационной структуры научных сообществ молодых учёных, существующих в современном мире, так и изменений, связанных с трансформациями и реформами самой науки. Влияют на них также рыночные трансформации, когда само сообщество молодых учёных как сеть становится адаптированным под постоянные искажения, существующие в рамках современных рынков НТИ (Национальная технологическая инициатива – некоммерческая организация, созданная Постановлением председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева для объединения представителей бизнеса и экспертных сообществ для развития в России перспективных технологических рынков и отраслей, которые могут стать основой мировой экономики. – *Прим. авт.*). Сеть научных сообществ молодых учёных, таким образом, становится адаптивной и при этом сохраняет свои связи как с внешними, так и внутренними сообществами учёных. И здесь для нас интересна сама локация, её роль в развитии сетей сообществ молодых учёных в целом. Социальная плазма с присутствующими в ней сетями исследователей – это метафора изменений,

происходящих в современных обществах, возможных трансформаций и реструктуризаций современных обществ, происходящих на фоне глобальных трансформаций и дрейфа в сторону текучей современности с флюидными и нечёткими границами.

В данном исследовании мы рассматриваем то, как меняются и трансформируются сообщества молодых учёных в подобном мире и какие черты этих сообществ, карьер, а также профессионализма исследователей становятся наиболее актуальными в плазматической социальной реальности. Одним из самых значимых изменений, которое происходит в плазматическом обществе, выступает возникновение новых форм сообществ. Как отмечает Э. Гидденс, современное развитие многих обществ характеризуется упадком привычных и «крепких», или оформленных, сообществ и поэтапным переходом к флюидным и нечётким границам сообществ, а самое главное – к пониманию сообщества как индивидуализированного формирования с различными сетями и особенностями коммуникации [4]. Профессиональное сообщество с его привычной оформленностью, таким образом, перестаёт существовать в контексте подобных трансформаций. Но это является не концом профессионального сообщества, а скорее его реструктуризацией, происходящей в плазматическом мире и изменяющей прежние, сильные культурные и социальные связи. Эта трансформация, по нашему мнению, способствует также индивидуализации самих сообществ молодых учёных, возникновению и пониманию профессионального сообщества как я-центричного. В настоящем исследовании мы подробно рассматриваем трансформации, происходящие с профессиональными сообществами, и определяем, как именно пространственный фактор и фактор расплывчатости, флюидности оказывают влияние на сами сообщества и их развитие, трансформируя и изменяя привычные социальные сети, существующие в рамках сообществ молодых учёных в разных городах.

При исследовании профессиональных сообществ молодых учёных компонент локации играет далеко не последнюю роль: он создаёт все необходимые условия в контексте особенностей трансформации профессиональных сообществ. Особая экология места, как и условия конкретных локальностей, создаёт возможности для развития профессиональных сообществ молодых учёных или, наоборот, проблемы, сложности с развитием или даже способствует разрушению профессиональных сообществ в целом.

Одной из лучших иллюстраций в данной ситуации выступают локальные научные и исследовательские сообщества РФ, где патриархальность и уклад выражены намного больше, чем в сообществах крупных городов и городов федерального значения [7].

Далее рассматривается вопрос о том, какие стратегии обозначения себя в качестве научных комьюнити существуют в рамках сообществ молодых учёных в различных городах РФ и как они различаются. На основании собранного нами эмпирического материала мы сравниваем особенности в позиционировании молодых учёных в различных горо-

дах в зависимости от размера самих городов и рассматриваем, как локация влияет на сообщества молодых учёных, как она трансформирует такие сообщества в контекстах текущей современности.

Методика и эмпирическая база исследования

Основной исследовательской методикой выступили биографические интервью с молодыми учёными в возрасте до 35 лет, проживающими в Набережных Челнах, Иннополисе (Республика Татарстан) и Санкт-Петербурге. Всего было собрано 30 биографических интервью. В исследовании приняли участие 28 кандидатов наук и 2 PhD в возрасте до 35 лет. Гендерный состав: 16 мужчин и 14 женщин. Сферы научных интересов: гуманитарные, физико-математические, социальные, технические и медицинские науки. Все респонденты имеют учёную степень и опыт работы по специальности, а также исследовательский опыт и публикации в научных журналах.

Метод анализа интервью – тематическое кодирование. Исходя из феноменологического подхода в исследованиях профессий, в задачи интервьюера входило изучение особенностей повседневности и маркирования в повседневности принадлежности молодых учёных к различным сообществам. Задача интервьюера заключалась в изучении особенностей и специфики повседневных практик молодых учёных, их удовлетворённости работой в контексте текущей современности, а также в исследовании соотношения молодыми учёными себя с региональными научными сообществами.

При обработке текстов интервью нами был использован метод секвенционного анализа в рамках тематического метода. Основным принципом данного метода выступает предположение о том, что социальные структуры оказывают влияние на повседневную жизнь и создают системы смыслов, которые отражены в нарративах людей.

В ходе интервью нами обсуждались конкретные случаи в рамках коммуникации и взаимодействий с сообществами молодых учёных. Мы выделяли в интервью смысловые структуры, которые затем использовали для анализа и генерализации. Так, изначально нами были идентифицированы секвенции – смысловые части транскрипта интервью, которые отражают ключевые исследовательские темы. Затем мы анализировали особенности данных тем для молодых учёных из разных городов.

Спецификой анализа нарративов интервью выступало пристальное внимание к изучению коммуникативных моделей, в рамках которых участники исследования описывали смыслы профессиональных сообществ, а также говорили об особенностях и стратегиях работы молодых учёных в различных городах РФ. Далее мы подробно анализировали возникающие темы, в рамках которых молодые учёные описывали свою принадлежность к профессиональному сообществу, рассматривали особенности семантико-смысловых описаний принадлежности к сообществам, и коммуникативных моделей, и взаимодействий, на основании которых молодые учёные маркировали свою принадлежность к профессиональным сообществам.

Города представляются здесь как площадки для разворачивания профессиональных сообществ молодых учёных. Например, город Набережные Челны – монофункциональный промышленный город, специализирующийся на машиностроении. Преимущественно здесь представлены прикладные исследования, которые представляют ценность для экономики всей страны.

Иннополис (Республика Татарстан) – молодой наукоград, созданный для развития информационных технологий и инновационных высоких технологий. Центральным звеном города являются университет и технопарк. Город ориентирован на прикладные исследования, выполняемые в лабораториях. Городской университет также входит в систему консорциумов НТИ (Национальной технологической инициативы) как центр технологий компонентов робототехники.

Профессиональные практико-ориентированные сообщества молодых учёных. Город – практический центр

Особенностью профессиональных сообществ молодых учёных в моногороде выступает его узкопрофильность и, как следствие, превалирование практико-ориентированных сообществ, представителей одной профессиональной группы. Так, для Набережных Челнов характерной чертой выступает доминирование сообщества, ориентированного на практику и сообщества молодых учёных – представителей технических наук. При этом данное сообщество в городе Набережные Челны имеет достаточные ресурсы для развития и маркирует свою идентичность и принадлежность, связанную в первую очередь с работой в крупном промышленном городе и научно-техническом центре:

«В молодом городе легче получить доступ к необходимым данным, особенно если есть крупное предприятие. Они как бы делают карьеру здесь и сейчас, могут быстро защититься. Но это краткосрочная перспектива, максимум от двух до пяти лет. Через этот промежуток времени их исследования уже устаревают. К тому же сама наука таких городов в основном только прикладная. Задачи решаются точечные. В крупных городах сам масштаб мышления как-то шире, закладывается перспектива на десять, пятнадцать, двадцать лет вперёд» (муж., 27 лет, канд. техн. наук, Казань).

Как отмечают молодые учёные из моногорода, важной в данной ситуации выступает возможность внедрения разработок, применение их на практике наряду с использованием потенциала крупного промышленного предприятия:

«Разработка нового проекта автомобиля – это чаще всего командная работа. Это трудоёмкий процесс. Конечно, каждый выполняет свою часть самостоятельно, в одиночку. Но чаще происходит обсуждение идей. К тому же часто приходят студенты, которые начинают

работать где-то с курса третьего-четвёртого, их подключаешь к процессу. Ну а в университете с ними ведёшь какие-нибудь занятия» (муж., 34 года, канд. техн. наук, Набережные Челны).

Важной проблемой для сообществ молодых учёных в данном случае является то, что связь с локальным научным сообществом, которая поддерживается преимущественно через выполнение различных проектов, довольно неустойчивая. В контексте текущей современности в профессиональной сфере эти сообщества представляли собой скорее фрагментированные действия, обусловленные проблематикой общей нестабильности. Нестабильность и непредсказуемость, существующие в рамках профессионального мира, позволяли представителям научных сообществ молодых учёных заниматься узкопрофильными темами и способствовали тому, что эти темы можно было совмещать с практической работой, например, на заводе и применением своих исследовательских разработок напрямую на практике. Важным в данном случае выступал сам потенциал моногорода, который, с одной стороны, позволял применять на практике сделанные разработки, а с другой стороны, способствовал тому, что молодые учёные могли напрямую обучать студентов и аспирантов, практически постоянно имели возможности для того, чтобы преподавать и рассказывать о своих идеях.

Преподавание само по себе было важным элементом, своего рода маркером принадлежности к исследовательскому сообществу, поскольку позволяло молодым учёным маркировать свою связь с наукой. В контексте понимания исследовательской сферы как сферы преимущественно практической именно преподавание позволяло быть частью научного сообщества и ассоциировалось с научными знаниями, с возможностью маркировать свою идентичность как принадлежность к научной, академической профессии. При этом если о сообществе технических профессионалов – молодых учёных, существующем в моногороде, можно говорить как о сообществе практиков, то сообщество гуманитарных исследователей практически не сформировано и не оформлено в городе. Это создаёт множество сложностей представителям гуманитарных дисциплин для реализации себя как исследователей и как членов исследовательского сообщества:

«Я защитился довольно рано, где-то в двадцать три или двадцать четыре года, работал в университете параллельно. Сейчас я уже второй год учусь в докторантуре зарубежного исследовательского центра. Обучаюсь по гранту» (муж., 30 лет, канд. истор. наук, Набережные Челны).

Отсутствие устоявшегося научного гуманитарного сообщества в городе, продвижения в будущем по карьерной лестнице, а также наличия в городе единомышленников и людей, которые могли бы стать коллективом или частью самого сообщества, выступало причиной того, чтобы переезжать в другие города, а также причиной того, чтобы искать другие гуманитарные сообщества в иных региональных центрах. Также

нередко переход в другой город для молодых учёных-гуманитариев из моногорода был связан с поступлением в докторантуру и, следовательно, поиском сообществ во время поступления и обучения в ней. В ситуации с молодыми учёными-гуманитариями отсутствие локального сообщества в моногороде способствовало тому, что нестабильность мира текущей современности и отсутствие возможностей обсудить свои исследования и получить экспертный совет, помощь в построении карьеры способствовали переезду в целях поиска работы в других вузах, других городах, которые, как правило, имели прочные научные сообщества:

«Школы экономической как таковой тут нет, каждый занимается собственными исследованиями. Нет тут и преемственности. Коллаборация только с коллегами из других городов» (муж., 33 года, канд. экон. наук, Набережные Челны).

В подобном случае важную роль играет необходимость быть ориентированным на сообщества других городов, быть гибким, уметь подстраиваться под научные сообщества других городов и искать компромиссы.

Профессиональные сообщества молодых учёных смежных дисциплин. Город – научный центр

К числу «классических» молодых городов может быть отнесён город Иннополис. Именно этот город был создан как фабрика инновационных идей и изначально рассматривался как город возможностей для работы исследователей и учёных, как город для развития профессионального сообщества, которое имеет чёткие географические границы, структурированные самим городом и университетом, который располагается непосредственно в нём. При этом в городе существует единое сообщество исследователей, которое определено как зарубежными специалистами – участниками этого сообщества, так и специалистами, которые обучаются непосредственно в нём (в данном случае нами рассматривается пример города Иннополиса).

В городе присутствуют как зарубежные специалисты с высоким уровнем развития специализации, так и отечественные исследователи. В Иннополисе отчётливо прослеживается влияние мира текущей современности – непредсказуемость, неоднозначность, стремление к объединению в коллаборации (лаборатории и исследовательские центры), в которых происходит решение научных и технических задач различного уровня в кратчайшие сроки.

Основная стратегия города – научно-исследовательская. Само профессиональное сообщество учёных представлено в городе преимущественно молодыми исследователями, что способствует объединению их и появлению в профессиональных сообществах особой идентичности, связанной с развитием города как будущего научного центра, который переформатирует и изменяет привычное сообщество, создавая глобальное пространство идей, обусловленное границами города. В дан-

ной ситуации город выступает неким полисом научной мысли, в некотором роде по аналогии с советскими наукоградами в Новосибирске и Подмоскowie. Объединение вокруг городов – это и есть научное сообщество, менее локализованное, чем в советских наукоградах, но тем не менее обладающее всеми признаками научного сообщества и особенностями их развития:

«Город маленький. Самый интеллектуальный город, который я когда-либо видела. Хочется творить, всегда стремиться к лучшему, люди заряжают. Львиная доля жителей – это учёные и разработчики. Живёшь одной большой семьёй» (жен., 26 лет, специалист отдела продвижения, Иннополис).

Исследовательское сообщество строится не только в контексте формального обсуждения исследовательских идей, мнений и дискуссий научного характера. Научное сообщество Иннополиса определено в первую очередь тем, что многие из обсуждений носят неформальный характер и могут быть связаны с приходом исследователей домой, с их разговорами на различную тематику, с обсуждением тех или иных особенностей, кулуарными дискуссиями, существующими в городе:

«Работаю в компании и лаборатории. Получаю настоящее удовольствие. А ещё по субботам мы иногда собираемся с руководителем лаборатории и проводим неформальные встречи с готовкой ризотто и шуточными научными дебатами» (муж., 29 лет, науч. сотр., Иннополис).

Именно стратегия интеграции сообщества молодого монопрофильного города позволяла многим молодым учёным в полной мере почувствовать себя частью локального сообщества. В данном случае само локальное сообщество выступало неким посредником между научным сообществом международным и локальным. При этом оно также представляло собой сообщество учёных – представителей технической сферы, и проектное сотрудничество с международным научным сообществом позволяло им очертить сферу своих научных интересов, сферу профессиональной деятельности.

Таким образом, следует отметить, что подобные связи не обладают значительной устойчивостью и, как правило, носят ситуативный характер, также они связаны с работой над конкретными проектами. Но именно проектная стратегия, реализуемая молодыми учёными из города Иннополис, создаёт необходимые условия для того, чтобы быть интегрированными в различные, в том числе прикладные, проекты.

Многопрофильные научные сообщества. Город – объединитель научных школ

Главной особенностью крупного города с точки зрения развития научных сообществ выступает их многообразие и наличие как локальных научных сообществ молодых учёных – центров, которые объединяют

молодых учёных из различных регионов, так и сообществ, ориентированных на международное развитие и международное сотрудничество. При этом в городе федерального значения Санкт-Петербурге преобладают именно локальные научные сообщества и сообщества, которые объединяют молодых исследователей из различных регионов.

В качестве примеров локальных сообществ молодых учёных, объединяющих сообщества региональные, можно выделить профессиональные сообщества молодых учёных в крупных вузах Петербурга, а также сообщества – профессиональные ассоциации. Другими центрами объединения сообществ в городе выступают исследовательские лаборатории как технического, так и гуманитарного профиля. Город федерального значения, таким образом, имеет большую вариативность профессиональных сообществ молодых учёных. Наличие исследовательских центров и особое социально-экономическое положение самого города Санкт-Петербург задают условия для реализации проектов, академической и преподавательской карьеры, а также для реализации карьеры в исследованиях, которая может быть связана и с коммерческим сектором, и государственными бюджетными учреждениями науки. Один из ярких примеров локального профессионального сообщества в Санкт-Петербурге, которое объединяет другие региональные сообщества, – Санкт-Петербургская социологическая школа.

«Исследованиями занимаюсь уже давно. С первого курса ещё. Сейчас работаю над городскими исследованиями. Недавно издали монографию. Думаю ещё над одной областью...» (жен., 33 года, канд. соц. наук. Санкт-Петербург).

Сообщества молодых учёных в городе федерального значения отличают широкие возможности для использования как практического, так и преподавательского потенциала, существующего в городе. Подобные возможности связаны с наличием большого числа вузов в Петербурге, с развитием в этом городе различных, в том числе инновационных, исследовательских школ. Нестабильность и изменчивость мира текущей современности для сообществ молодых учёных из Санкт-Петербурга представлена тем, что создаёт возможности для совмещения работы в исследовательской сфере и бизнесе, а нередко и возможности для перехода из первой сферы во вторую. При этом сама экология города способствует возникновению возможностей для продолжения идентификации молодых учёных с конкретными исследовательскими сообществами. Сообщество молодых учёных в Санкт-Петербурге можно также описывать как сообщество практик, поскольку именно общие практики и идентичность, связанная с отнесением себя к исследовательской сфере, играют ключевую роль в определении принадлежности к исследовательским сообществам.

«Безусловно, встречаются проблемы, связанные, скажем так, с практикой, даже если ты работаешь где-нибудь в больнице; всё равно это практика однотипная и однобокая, поэтому я стараюсь набрать

как можно больше подобных практик для дальнейшего развития, а затем уже что-то делать в исследованиях, развиваться в том числе и в этой сфере» (муж., 32 года, канд. мед. наук, врач-терапевт, преподаватель, Санкт-Петербург).

Исследовательский потенциал города заключён в том, что у молодых учёных появляется возможность интеграции как в практическую, так и в академическую сферу, в преподавание, также возможность совмещения различных стратегий, соотнесения себя с профессиональным исследовательским сообществом, маркирования идентичности и принадлежности к научному профессиональному сообществу:

«В науке, так сказать, денег вообще не заработать, вот поэтому и приходится вертеться кто как может. И я верчусь, никуда отсюда не деться, собственно говоря. Работаю маркетологом в медицинской фирме, и параллельно после защиты я остался у себя в лаборатории научным работником» (муж., 35 лет, врач-терапевт, Санкт-Петербург).

Таким образом, ключевыми характеристиками научных сообществ молодых учёных в городе федерального значения выступают: их сформированность и плюральность (множество различных научных сообществ). Кроме того, именно в городе федерального значения научные сообщества молодых учёных имеют все черты профессиональных ассоциаций и способны на интеграцию новых членов, на развитие. В городе федерального значения нами была выявлена наибольшая устойчивость самих научных сообществ с точки зрения возможных изменений и трансформаций, связанных с нестабильностью, изменчивостью и непредсказуемостью мира текущей современности.

К выводам

Проведённый нами теоретический анализ в соотнесении с результатами полевого исследования показал, что, несмотря на неустойчивость и сложности, существующие в мире текущей современности, факторами, оказывающими наибольшее влияние на формирование научных сообществ молодых учёных, выступают: среда, локация, в рамках которой эти сообщества формируются. Следует отметить, что различные типы научных сообществ молодых учёных, которые рассматриваются в нашем исследовании, различаются в зависимости от локальностей, в которых они находятся.

Так, в городе – промышленном центре со стратегией «город – промышленный центр» наиболее характерным типом сообществ молодых учёных выступают сообщества-практики, в рамках которых развивается принадлежность к одному направлению, работа над конкретными техническими проектами. Интеграция в научные сообщества молодых учёных в первую очередь связана с крупными техническими профессиональными сообществами и развитием прикладной науки, включён-

ной в производства, в процесс разработки новых высоких технологий. Прежде всего ситуация там характеризуется, как можно видеть на примере Набережных Челнов, неотрывностью самого научного сообщества от производства.

Для стратегии «город – практический центр» характерно почти полное отсутствие возможностей для создания молодыми учёными-гуманитариями своих сообществ. Для учёных-гуманитариев часто наиболее удачной стратегией – интеграцией в локальные и международные сообщества выступает переезд в другие города, поиск в других городах соответствующих профессиональных сообществ, а также возможностей для реализации своих исследовательских стратегий.

Другим альтернативным способом развития научных сообществ молодых учёных выступает пример города Иннополис (Республика Татарстан), реализация стратегии «город – научный центр». В рамках данной стратегии важным выступает тот факт, что сам город становится научным сообществом и само научное сообщество (техническое) реализуется в рамках города как локального научного центра. Важными для реализации и строительства научного сообщества в таком случае выступают особые символы, атрибуты и включение в мировое сообщество молодых учёных через интегрированность в локальное сообщество города. Центром выступает сама локация и университет – исследовательский центр, который и объединяет в себе исследовательские сообщества городов. Такая роль в случае Иннополиса отводится именно научным сообществам города и возможностям для интеграции их в мировое научное сообщество. Символами и маркерами самого сообщества в Иннополисе выступают именно неформальное общение, взаимодействие, общение преподавателей и студентов и общая коммуникация, которая связывает сообщество.

Для сообществ города федерального значения Санкт-Петербурга ключевой характеристикой выступает объединение региональных научных сообществ и создание на этой базе одного межрегионального сообщества, нередко разделённого по дисциплинам, имеющего различные дисциплинарные ответвления и стратегию «город – объединитель научных школ». Для молодых учёных из Санкт-Петербурга существует множество возможностей для сочетания различных типов сообществ, а также развития и выбора исследовательских, преподавательских и практических карьер. В данной ситуации наилучшим концептом для описания научных сообществ выступает понимание сообществ как профессиональных ассоциаций, объединяющих молодых учёных различных карьерных траекторий. Наилучшей метафорой, описывающей развитие науки в городе федерального значения, выступает понимание науки и научных сообществ как граждан мира с развитием полноценного научного сотрудничества. Текущая современность, существующая в профессиональном мире, при этом создаёт возможности для того, чтобы молодые учёные из ассоциаций, существующих в городе федерального значения, могли опробовать различные направления, векторы в развитии и расширении своих профессиональных возможностей.

Подводя итог, следует отметить, что специфика городского развития в каждом конкретном случае, как и ориентированность на тот или иной тип науки, смещение в сторону прикладных или теоретических исследований, их вариативности влияют на формирование самих сообществ и особенности развития молодых учёных в них. При этом важным, как показало наше исследование, выступает не только маркирование молодыми учёными своей принадлежности к тому или иному профессиональному сообществу и индивидуальное принятие символов и культуры тех или иных сообществ, но и идентификация себя с сообществами локальными (объединяющими жителей), существующими в городах. Все эти особенности позволяют молодым учёным чувствовать себя частью профессии и ощущать необходимые для профессионального сообщества атрибуты и смыслы профессии, к которым относится и особый язык, и профессиональная культура, и право профессиональной монополии на обладание экспертными знаниями, и власть на принятие решений в соответствующей области.

Таким образом, именно через различные сообщества молодые учёные выстраивают связь с профессией, происходит формирование устойчивых связей в профессиональном сообществе, а также маркирование принадлежности к профессии. Контекст текущей современности, исходя из проблем неопределённости, задаёт для молодых учёных возможности и ограничения в развитии, которые связаны с условиями, существующими на конкретных территориях.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н. Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 99–108.
2. Бочаров Т. Ю. Адвокатская профессия как сообщество практики // Социология власти. 2016. Т. 28. № 3. С. 80–114.
3. Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи: социологическое исследование профессии / Под ред. В. Волкова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. 272 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
5. Игнатенкова Г. Бивласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевую теорию перестать бояться и полюбить Фуко // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. № 2 (141). С. 105–125. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-105-123
6. Николаев В. Г. Социология занятий и профессий Эверетта Хьюза: Забытый интеллектуальный ресурс // Антропология профессий: Границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2012. С. 59–74.

7. Сабурова Л. А. Региональное академическое сообщество в условиях реформирования: основные трансформации и восприятие перемен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4(146). С. 211–228. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.11

8. Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6(338). С. 76–82.

9. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.

10. Титаев К. Д., Шклярчук М. С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма, 2016. 192 с.

11. Aldous J., Durkheim E., Tonnies F. An exchange between Durkheim and Tonnies on the nature of social relations, with an introduction by Joan Aldous // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. Iss. 6. P. 1191–1200.

12. Bagiyan A. Y. et al. Forming professional identity in popular science IT discourse: discursive markers and their functional diapason // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. Iss. 6. P. 263–270. DOI: 10.18510/hssr.2019.7647

13. Bauman Z. Liquid modernity. John Wiley & Sons, 2013. 240 p.

14. Becker H. S. (ed.). Boys in white: Student culture in medical school. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 456 p.

15. Bocqueraz C. The development of professional associations: the experience of French accountants from the 1880s to the 1940s // Accounting, Business & Financial History. 2001. Vol. 11. Iss. 1. P. 7–27. DOI: 10.1080/09585200010015004

16. Buysse V., Sparkman K. L., Wesley P. W. Communities of practice: Connecting what we know with what we do // Exceptional children. 2003. Vol. 69. Iss. 3. P. 263–277.

17. 17. Carvalho T., Videira P. Losing autonomy? Restructuring higher education institutions governance and relations between teaching and non-teaching staff // Studies in Higher Education. 2019. Vol. 44. Issue 4. P. 762–773. DOI: 10.1080/03075079.2017.1401059

18. Castells M. A network theory of power // International journal of communication. 2011. Vol. 5. P. 773–787.

19. Duguid P. “The art of knowing”: Social and tacit dimensions of knowledge and the limits of the community of practice. Brill Sense. 2012. P. 147–162.

20. Freidson E. Theory of professionalism: Method and substance // International review of sociology. 1999. Vol. 9. Iss. 1. P. 117–129.

21. Gibson D. M., Dollarhide C. T., Moss J. M. Professional identity development: A grounded theory of transformational tasks of new counselors // Counselor Education and Supervision. 2010. Vol. 50. Iss. 1. P. 21–38. DOI: 10.1002/J.1556-6978.2010.TB00106.X

22. Gispen K. New profession, old order: Engineers and German society, 1815–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 368 p.
23. Glaze-Crampes A. L. Leveraging communities of practice as professional learning communities in science, technology, engineering, math (STEM) education // Education Sciences. 2020. Vol. 10. Iss. 8. P. 190. DOI: 10.3390/educsci10080190
24. Goode W. J. Community within a community: The professions // American sociological review. 1957. Vol. 22. Iss. 2. P. 194–200.
25. Martimianakis M. A., Maniate J. M., Hodges B. D. Sociological interpretations of professionalism // Medical education. 2009. Vol. 43. Iss. 9. P. 829–837. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2009.03408.x
26. Merton R. K. The functions of the professional association // The American journal of nursing. 1958. P. 50–54.
27. Parker D. B., Barrett R. J. Symbolism of community II: The boundary between community mental health professional and community // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2006. Vol. 40. Iss. 4. P. 318–324. DOI: 1440-1614.2006.01797.x
28. Perrucci R., Gerstl J. E. Profession without community: Engineers in American society. New York: Random House, 1969. P. 194.
29. Pratt M. G., Rockmann K. W., Kaufmann J. B. Constructing professional identity: The role of work and identity learning cycles in the customization of identity among medical residents // Academy of management journal. 2006. Vol. 49. Iss. 2. P. 235–262. DOI: 0.5465/AMJ.2006.20786060
30. Salvatore D., Numerato D., Fattore G. Physicians' professional autonomy and their organizational identification with their hospital // BMC Health Services Research. 2018. Vol. 18. Iss. 1. P. 1–11. DOI: 10.1186/s12913-018-3582-z
31. Shipunova O. D., Berezovskaya I. P. Organization technology of professional interactions in the engineering environments // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. Vol. 9. Iss. 10. P. 2020–2028.
32. Tsui A. S. Editor's introduction – Autonomy of inquiry: Shaping the future of emerging scientific communities // Management and Organization Review. 2009. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–14. DOI: 10.1111/j.1740-8784.2009.00143.x

Получено редакцией: 3.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.799

EDN: TNMCLH

Professional Communities of Young Scientists in the Face of the Uncertainty of the Modern World. Case of Russian Research Centers (According to a Qualitative Study)

Elena N. Rassolova

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: enrassolova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3637-5544

Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6403-6083

For citation: Rassolova E. N., Galkin K. A. Professional communities of young scientists in the face of the uncertainty of the modern world. Case of Russian research centers (according to a qualitative study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 114–136. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.799; EDN: TNMCLH

Abstract. The article discusses the key characteristics of the integration of young scientists into scientific communities in the context of “fluid” modernity. The authors consider the professional communities of young scientists as mobile networks in the society of plasma, fluid modernity, that are endowed with both autonomy and a constant mechanism for adapting to new realities, processes and transformations that exist in modern societies. Fluid modernity in the professional sphere is understood by the authors as a time of opportunity, including opportunities for young scientists to take initiatives, as well as a world of total uncertainty, where swiftness and changeability, constant search and change of various strategies become prerequisites for successful career building and career growth. The empirical basis of the analysis is the result of a qualitative study conducted with the participation of the authors. In the course of the study, 30 biographical interviews with young scientists in a city of regional significance, a young science city, and a large city of federal significance were recorded and analysed. The authors put forward a hypothesis about the importance of horizontal integration of young scientists into scientific communities. The role of the city as an actor that forms scientific communities and strategies for the interaction and integration of young scientists with scientific communities is also assessed. Particular attention is paid to the meaning of a scientific career and the individual role of scientific communities in the career of young scientists, as well as strategies for their integration into the scientific environment. As new opportunities that arise for scientists in the world of fluid modernity, there are considered changes in the configuration of strategies for both building a scientific career and integrating into scientific communities at the local, all-Russian and global levels. The authors conclude that both the city itself, its conditions and the orientation of the local scientific community, that is determined by the presence of specialised disciplines, influence the integration and construction of strategies for advancement in a scientific career. According to the authors, a successful strategy that allows using the potential of the world of fluid modernity is the horizontal integration of young scientists, that gives them the opportunity to maximise their resources.

Keywords: sociology, science, young scientists, scientific communities, biographical trajectories, fluid modernity, building a career in the scientific field, uncertainty

References

1. Abramov R. N. Sociology of Professions and Occupations in Russia: A Review of the Current Situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 1: 99–108 (in Russ.).
2. Bocharov T. Advocates’ Profession as a Community of Practice. *Sotsiologia vlasti*, 2016: 28(3): 80–114 (in Russ.).
3. Volkov V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., Titaev K., Volkov V. Rossijskie sud’i: sociologicheskoe issledovanie professii [Russian Judges: a Sociological Study of the Profession]. Moscow, Norma, 2015: 272 (in Russ.).
4. Giddens E. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii [The organization of society. An essay on the theory of structuration]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskij proekt, 2005: 528 (in Russ.).

5. Ignatenkova G. Bio-power and plasma: how covid made an actor-network theorist stop being afraid and fall in love with Foucault. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*, 2021: 31 (4): 141 (in Russ.). DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-105-123
6. Nikolaev V. G. Sociologiya zanyatij i professij Everetta H'yuza: Zabytyj intellektual'nyj resurs [Everett Hughes' Sociology of Occupations and Professions: an Outstanding Intellectual Resource]. *Antropologiya professij: Granitsy zanyatosti v epokhu nestabil'nosti* [Antropologiya professij: granicy zanyatosti v epokhu nestabil'nosti]. Ed. by Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Moscow, Variant, CSPGI, 2012: 59–74 (in Russ.).
7. Saburova L. A. Regional academic community under reforms: basic transformations and perceptions. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018: 4(146): 211–228 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.11
8. Sokolov M. M. Studying local academic communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 6(338): 76–82 (in Russ.).
9. Toennies F. Obschchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. Transl. from Germ. by D. V. Sklyadneva. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002: 451 (in Russ.).
10. Titaev K., Shklyaruk M. Rossijskij sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnost' [Russian Criminal Investigators: a Calling, a Profession, and an Everydayness]. Moscow, Norma, 2016: 192 (in Russ.).
11. Aldous J., Durkheim E., Tonnies F. An exchange between Durkheim and Tonnies on the nature of social relations, with an introduction by Joan Aldous. *American Journal of Sociology*, 1972: 77(6): 1191–1200.
12. Bagiyani A. Y. et al. Forming professional identity in popular science IT discourse: discursive markers and their functional diapason. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 2019: 7 (6): 263–270. DOI: 10.18510/hssr.2019.7647
13. Bauman Z. Liquid modernity. John Wiley & Sons, 2013: 240.
14. Becker H. S. (ed.). Boys in white: Student culture in medical school. Chicago: University of Chicago Press, 2002: 456.
15. Bocqueraz C. The development of professional associations: the experience of French accountants from the 1880s to the 1940s. *Accounting, Business & Financial History*, 2001: 11(1): 7–27. DOI: 10.1080/09585200010015004
16. Buysse V., Sparkman K. L., Wesley P. W. Communities of practice: Connecting what we know with what we do. *Exceptional children*. 2003: 69(3): 263–277.
17. Carvalho T., Videira P. Losing autonomy? Restructuring higher education institutions governance and relations between teaching and non-teaching staff. *Studies in Higher Education*, 2019: 44 (4): 762–773. DOI: [10.1080/03075079.2017.1401059](https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1401059)
18. Castells M. A network theory of power. *International journal of communication*, 2011: 5: 773–787.
19. Duguid P. “The art of knowing”: Social and tacit dimensions of knowledge and the limits of the community of practice. Brill Sense, 2012: 147–162.
20. Freidson E. Theory of professionalism: Method and substance. *International review of sociology*, 1999: 9(1): 117–129.
21. Gibson D. M., Dollarhide C. T., Moss J. M. Professional identity development: A grounded theory of transformational tasks of new counselors. *Counselor Education and Supervision*, 2010: 50 (1): 21–38. DOI: 10.1002/J.1556-6978.2010.TB00106.X
22. Gispert K. New profession, old order: Engineers and German society, 1815–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002: 368.
23. Glaze-Crampes A. L. Leveraging communities of practice as professional learning communities in science, technology, engineering, math (STEM) education. *Education Sciences*, 2020: 10 (8): 190. DOI: 10.3390/educsci10080190
24. Goode W. J. Community within a community: The professions. *American sociological review*, 1957: 22 (2): 194–200.
25. Martimianakis M. A., Maniate J. M., Hodges B. D. Sociological interpretations of professionalism. *Medical education*, 2009: 43 (9): 829–837. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2009.03408.x

26. Merton R. K. The functions of the professional association. *The American journal of nursing*, 1958: 50–54.
27. Parker D. B., Barrett R. J. Symbolism of community II: The boundary between community mental health professional and community. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2006: 40 (4): 318–324. DOI: 1440-1614.2006.01797.x
28. . Perrucci R., Gerstl J. E. Profession without community: Engineers in American society New York, Random House, 1969: 194.
29. Pratt M. G., Rockmann K. W., Kaufmann J. B. Constructing professional identity: The role of work and identity learning cycles in the customization of identity among medical residents. *Academy of management journal*, 2006: 49 (2): 235–262. DOI: [0.5465/AMJ.2006.20786060](https://doi.org/10.5465/AMJ.2006.20786060)
30. Salvatore D., Numerato D., Fattore G. Physicians' professional autonomy and their organizational identification with their hospital. *BMC Health Services Research*, 2018: 18 (1): 1–11. DOI: [10.1186/s12913-018-3582-z](https://doi.org/10.1186/s12913-018-3582-z)
31. Shipunova O. D., Berezovskaya I. P. Organization technology of professional interactions in the engineering environments. *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 2019: 9 (10): 2020–2028.
32. Tsui A. S. Editor's introduction – Autonomy of inquiry: Shaping the future of emerging scientific communities. *Management and Organization Review*, 2009: 5 (1): 1–14. DOI: [10.1111/j.1740-8784.2009.00143.x](https://doi.org/10.1111/j.1740-8784.2009.00143.x)

The article was submitted on: May 3, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Rassolova, Junior researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS

Konstantin A. Galkin, Candidate of Sociological Sciences, Senior researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797

EDN: RLJOOB

Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии

Ссылка для цитирования: Денисова Г. С., Полонская И. Н., Сусименко Е. В. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

For citation: Denisova G. S., Polonskaya I. N., Susimenko E. V. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

Денисова Галина Сергеевна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

dgsrostov2013@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 76864

Полонская Ирина Нисоновна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

nisonelle@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 809257

Сусименко Елена Владимировна¹

¹Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия

e.susimenko@npi-tu.ru

AuthorID РИНЦ: 445931

Аннотация. В последние годы в мировом социологическом сообществе активизировалась дискуссия о неудовлетворённости учёных современным состоянием социологии. В этой ситуации предлагаются разные способы повышения её научного уровня в целом.

Один из них был предложен Б. Латуром в рамках акторно-сетевой теории (АСТ), теоретические представления которой получили дальнейшее развитие в работах его единомышленников. Представители российской социологической науки активно включились в разностороннее исследование вклада, внесённого АСТ в развитие социологии. В данной статье рассматриваются базовые положения акторно-сетевой теории, касающиеся предметной специфики социологического знания, кардинального отличия определения понимания предмета социологии АСТ от определений, даваемых традиционными социологическими направлениями и парадигмами, а также следствия этого инновационного понимания для формирования методологических принципов изучения социальной реальности. Авторы останавливаются также на рассмотрении наиболее фундаментальной и дискуссионной методологической новации АСТ – «поворота к вещам» и внесения представления о гетерогенности агентов в понимание социальных процессов. Особое внимание в статье уделяется анализу значения инновационного для социологии термина «актант», заимствованного АСТ из семиотической теории нарратива и инкорпорированного в социологию и онтологию сети ассоциаций гетерогенных актантов. Касаясь разногласий между акторно-сетевой теорией и социологическим мейнстримом современности, авторы останавливаются на критике теоретиками АСТ социологической «метафизики социальных сил», понимаемой как способ теоретической легитимации социального неравенства. Цель статьи – прояснить единство и взаимосвязь ключевых инновационных позиций АСТ в социологической методологии и посредством этого обосновать значимость и эвристический потенциал новаций, предложенных акторно-сетевой теорией для повышения научного уровня социологии в исследовании социальной реальности. В результате авторы показывают методологический поворот АСТ, который позволяет преодолеть разрыв социологической теории и социальной и политической практики, что даёт возможность построения нового отношения социологии к реальности, возвращения её к решению не только научных, но и социально-практических задач.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория (АСТ), социальное, социология ассоциаций, сетевые взаимодействия, актор, актант, гетерогенность, акторы-не-люди, фигурация

Постановка проблемы

В последние годы началось и продолжается до сих пор знакомство российской читательской аудитории с идеями теоретиков социологии, объединившихся на почве концепции, получившей название Actor-Network Theory, ANT (в русском переводе «акторно-сетевая теория», сокращённо АСТ). Работы исследователей, принадлежащих к этому направлению, в особенности его лидеров Бруно Латура, Джона Ло, Мишеля Каллона, привлекли внимание небывало радикальным разрывом с социологическим мейнстримом современности, а также обоснованием этого разрыва отходом современной социологической науки от базовых задач и принципов, заложенных основателями и классиками социологии. К настоящему времени на русском языке вышло уже достаточно много работ представителей АСТ, активно идут освоение и анализ методологической парадигмы, предложенной акторно-сетевой теорией. Несмотря на

то, что сами основатели акторно-сетевой теории в процессе теоретической эволюции стали переосмысливать её и даже в некоторых аспектах от неё дистанцироваться, изучение переворота в социологии, ассоциированного с АСТ, продолжается и сохраняет научно-теоретическую актуальность.

Это связано прежде всего с внутритеоретическим развитием и экспансией самой АСТ: исследователи констатируют, что «за несколько десятилетий своего существования АСТ превратилась из отдельного подхода к исследованию науки и технологий в трансдисциплинарное семейство теорий, объединённых набором базовых свойств, частичных связей и общих отсылок» [10, с. 5].

Одним из факторов, определивших актуальность научного осмысления идей АСТ, является, по всей видимости, назревшая в социологической науке потребность в новом нетривиальном взгляде, в котором было бы отрефлексировано неоднозначное состояние сегодняшней социологии, оцениваемое не только теоретиками АСТ, но и многими другими мыслителями как методологический кризис, но принимаемое большинством исследователей как современная норма [14]. Это неоднозначное состояние находит выражение, по мнению Б. Латура, в сохранении ряда неопределённостей в социологическом знании, факт наличия которых, при всей очевидности, игнорируется и не рассматривается как реальная проблема современной социологии [5]. Эти неопределённости, на которые указывает Латур, касаются прежде всего понимания природы агентности, статуса объектов в социологическом познании, а также сохраняющихся в современных социологических теориях серьёзных противоречий, таких, например, как противоречие структуры и действия.

Помимо этого, есть и другие проявления методологического неблагополучия, среди которых далеко не последнее место занимает плюралистичность социологической науки, её расщеплённость на множество школ и направлений, во многих вопросах существенно противоречащих друг другу, однако воспринимаемая опять-таки как современная норма: «Главная проблема заключается в том, что в современной социологии не удаётся обосновать и создать единого основания научного знания. Отсутствуют даже попытки создать такой фундамент, обречённо предлагается по факту признать теоретический и методологический плюрализм социологии» [9, с. 406].

Наличие таких особенностей современной социологии, которые уже давно стали привычными и сами по себе определяют вектор развития науки, объективно способствует формированию запроса на переосмысление ситуации, в которой оказалось социологическое знание [14; 15; 16]. И этот запрос остаётся открытым и сейчас, что придаёт АСТ актуальное звучание и поддерживает к ней интерес учёного сообщества, несмотря на пересмотр некоторых её положений самим Латуром. Что же касается российской социологии, она продолжает осваивать теоретико-методологические новации АСТ и ощущает их актуальность. Это проявляется как в продолжающихся переводах и публикации важнейших работ теоретиков АСТ [5; 3; 4; 6; 7], так и в собственных рефлексиях российских исследователей.

Обзор научной литературы по теме исследования

Значительный вклад в освоение идей АСТ в России, в частности в исследование её ключевых новаций, включения в социологию представлений о пространственности, «поворота к вещам» в социологии, в понимание научных и философских корней акторно-сетевой теории, внесли работы В. С. Вахштайна. Так, Вахштайн показал органическую укоренённость поставленных АСТ проблем в западноевропейской философской мысли и исконно присущей ей проблематике [2]. В. М. Розин исследует методологический потенциал акторно-сетевой теории, рассматривая основную работу Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» [5] как прежде всего методологическую – и по отношению к социологии, и по отношению к методологии мышления, анализируя роль базовых понятий АСТ для построения ею новой онтологии [12; 14]; помимо этого, он анализирует специфику изучения социального действия в условиях возросших в современном мире уровней неопределённости и сложности [13]. Значение и научный потенциал «поворота к вещам» и расширения понимания агентности как теоретической базы новой открытой онтологии анализируются в работах А. Двиартама и К. Розен [23], К. Бюгер и Я. Штокбрюггер [19], Р. Ниммо [31].

К. Б. Дженсен исследует взаимосвязь между акторно-сетевой теорией и концепцией ризомы в онтологии Ж. Делёза [24]; К. Лесаун [28] рассматривает теоретическую эволюцию АСТ от радикальной критики большинства существующих социологических школ до социальной теории, основывающейся на новом онтологическом подходе; Роберто Доминго Толедо [32] ставит вопрос о возможности использования методологии, разработанной Латуром, в критическом исследовании современных социальных институтов. Д. Мифсад показывает, что АСТ представляет собой прежде всего теорию, исследующую механизмы реализации власти и гегемонии [29]. А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко анализируют динамику развития акторно- сетевого подхода и возможности его эмпирического приложения к задачам социологических исследований [10]. В целом необходимо отметить специальный номер журнала «Логос», посвящённый акторно-сетевой теории и творчеству Б. Латура [8]. Продуктивный сравнительный анализ онтологических представлений акторно-сетевой теории и традиционного для социологии системного подхода осуществляет Ч. Ква [26]. Дж. Мёрдок исследует пространственные аспекты онтологии акторно- сетевого подхода, выделяя типы социальных пространств в соответствии с характером сетевых взаимодействий [30]. Л. Ю. Бронзино даёт общий анализ идей АСТ в контексте критического обзора текстов Б. Латура [1]. Г. Байокки, Д. Грейзборд и М. Родригес-Муниц дают общий анализ и высокую оценку вклада АСТ в развитие современной социологии [18]. Общий критический анализ акторно-сетевой теории в части понятия «актант» и особенностей АСТ как второго

эмпиризма дают Т. М. Краруп и А. Блок [25]. Т. Блейк рассматривает теоретическую эволюцию идей Б. Латура как вектор развития новой плюралистической онтологии [18].

Обзор исследовательской литературы, посвящённой методологическим характеристикам акторно-сетевой теории, свидетельствует о том, что АСТ остаётся объектом интенсивной теоретической рефлексии, не теряющей актуальности в силу нерешённости поставленных этой теорией в новом современном ракурсе важнейших проблем современной теоретической социологии. Но большинство современных исследований концентрируются на отдельных наиболее революционных элементах акторно-сетевой методологии, в то время как сохраняется дефицит работ, посвящённых концептуальной логике методологических новаций АСТ в целом. Цель настоящей статьи – выявить единство и взаимосвязь ключевых инновационных позиций АСТ в социологической методологии и обосновать потенциал методологических новаций данной теории для повышения научного уровня социологии.

Основные постулаты АСТ в применении к современности

Специфика подхода к определению социального

Смысловой нерв акторно-сетевой теории и её главное принципиальное разногласие с социологическим мейнстримом образует интерпретация понятия «социальное», референтом которого является сам предмет изучения социологии. Сама идея социологии как знания об обществе, строящегося по модели экспериментальных (естественных) наук, настоятельно требует выделения для неё предметной области, не пересекающейся с областями других научных дисциплин. В классический (начиная с Дюркгейма) период исторического развития социологии сложилось представление о «социальном» как специфической сфере исследования, в которую входят закладываемые обществом ценности и смыслы, лежащие в основание социальных практик, позволяющие интерпретировать окружающую реальность, а также объективированные составляющие социальной реальности – структуры, группы, классы и страты, институты. Современный социологический мейнстрим обозначается теоретиками АСТ термином «социология социального», отражающим тот факт, что её предметной сферой является так понимаемое «социальное».

Главным образом под «социологией социального» имеется в виду социологический конструктивизм, базовым методологическим принципом которого является идея конструирования социальной реальности посредством формирования в коллективном сознании смыслов и социальных представлений, но в более широком понимании понятие «социология социального» в АСТ относится почти ко всем сегодняшним социологическим школам и направлениям. Исключения составляют этнометодология и несколько других концепций. Основным критерием отнесения к «социологии социального», согласно АСТ, является понима-

ние социального как специфической сферы реальности наряду с другими сферами – экономикой, правом и т. д. или как контекста, в котором осуществляются все виды взаимодействий. Из такого понимания предмета социологии следует, что существуют специфические социальные факторы, которые можно интерпретировать как причины явлений и процессов, имеющих место за пределами сферы социального.

Этим определяется и позиция социолога, в задачи которого входит профессиональная теоретическая рефлексия, дающая объективное знание социальной реальности, в отличие от индивидуальных акторов, вовлечённых в социальные практики, но не поднимающихся до рефлексии. Такая позиция, определяющаяся монополией на социальную рефлексивность, обеспечивает потребность общества в социологах, способных осуществлять научную экспертизу его состояния, посредством которой возможно изучать социальные факторы, влияющие на поведение акторов.

Таким образом, мейнстрим современной социологии использует методологическую модель, нацеливающую на изучение специфических каузальных факторов, или, в терминологии Б. Латура, «социальных сил». Эти силы рассматриваются как финальные причины самых разных явлений. Постулируя и по-своему аргументируя наличие и влияние таких сил, социология фактически именно их и делает своим предметом, тем самым возвращая в науку, созданную как эмпирическое знание, элемент метафизических объяснительных схем (т. е. ровно то, что подвергал критике основоположник социологии Огюст Конт). И поскольку разработка подобных схем требует сложной профессиональной подготовки, индивидуальные акторы, не обладающие ею, нуждаются в социологах, владеющих нужными навыками, для анализа процессов социальной жизни.

Все эти принципиальные методологические моменты, присущие «социологии социального», по мысли теоретиков АСТ, в своей основе имеют давние мыслительные стереотипы, которые в настоящее время превратились в препятствие для развития науки. Это и схематичные представления о каузальности, и традиционное понятие общества, которым продолжает активно оперировать социология, и дихотомичность мышления, рождающая неразрешимые в рамках этого типа теорий противоречия.

В. Вахштайн показал, в частности, что истоки традиционного для современной социологии понимания термина «социальное» восходят, в конечном счёте, к декартовскому дуализму мыслительной и протяжённой субстанций – психической или духовной (*res cogitans*) и материальной, имеющей протяжённость в пространстве (*res extensa*) [2]. Из дуалистической парадигмы картезианства вытекает потребность классифицировать научные дисциплины по предмету на изучающие «духовное, психическое» и те, которые исследуют «материальное, пространственное». В этой модели классификации наук, сложившейся задолго до конституирования социологии как самостоятельной научной дисциплины, естественно, места ей не остаётся и её невозможно туда адек-

ватно вписать, так как «либо её предмет относится к физическому миру и находится среди “протяжённых вещей”, либо он локализован в мире *res cogitans* и мало чем отличается от предмета психологии» [2, с. 97]. Таким образом, социология обречена заниматься поиском своей предметной области, не редуцируемой к материальному или психическому.

Радикальное изменение, внесённое АСТ в понимание специфики социологии, состоит в лишении её собственной предметной сферы и в наполнении новым смыслом самого понятия «социальное». Социология, по определению Б. Латура, должна заниматься отслеживанием определённого типа связей (ассоциаций), возникающих и исчезающих мимолётно, но оставляющих «следы», по которым их можно опознавать и реконструировать: «Можно сохранить приверженность изначальным интуициям социальных наук, определив социологию не как “науку о социальном”, а как прослеживание связей. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает не вещь среди других вещей, а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [5]. В понимании АСТ такие связи и оставленные ими следы и образуют «социальное», причём эти связи возникают повсюду, где есть взаимодействия, и социология, лишаясь строго очерченной предметной сферы, которую имеют другие науки, остаётся на выигрышной позиции, поскольку её «предмет» есть везде. Характеризуя парадигмальный переворот, произведённый им в социологии, Латур подчёркивает, что необходимо «выработать новое представление о социальном. Оно должно быть гораздо шире, чем то, что обычно именуют этим словом, но строго ограниченным прослеживанием новых связей и построением их сборок. Вот почему я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустройства связей и пересборки» [5, с. 16].

Столь радикально меняя предметную область социологии, АСТ апеллирует к классикам наиболее раннего периода её истории, прежде всего к Г. Тарду, противопоставляя его той линии развития науки, которая начинается с Э. Дюркгейма, и той, родоначальниками которой были социологи-неокантианцы. Если линия, связанная с Дюркгеймом, ориентирует исследователей на требование воспринимать социальные феномены как объективный факт и с этой позиции их изучать, тем самым фиксируя внимание на том, что можно в социальной реальности интерпретировать как чистую объективность, – на структурах, институтах и их функциях, то линия неокантианцев и их преемников, стремясь возвратиться в социологию субъекта, его мышление и волю, в то же время привела к тому, что предметная область социологической науки, согласно Латуру, превратилась в замкнутую сферу «смыслов», посредством искусственно сконструированной дихотомии отделённую от материального, «вещного» мира. В представлении АСТ внутренняя идейная преемственность социологии как науки оказалась разорванной, в силу чего современная социология не только отказалась от реше-

ния изначально возлагавшихся на неё задач, но и оказалась не в состоянии их решать, поскольку превратилась в нечто вроде имитирующего эффективную работу бесполезного механизма.

Теоретики АСТ утверждают, что возвращение социологии к возложенным на неё основателями науки задачам возможно лишь в том случае, если она не только переопределит предметную сферу, но и изменит базовые методологические установки, сменит теоретическую оптику, соответственно отрефлексирует и изменив собственные представления о самой себе, своём значении и роли, став подлинно эмпирической наукой вне любых рамочных концепций. А это требует от социологии также изменения самопозиционирования по отношению к изучаемым ею акторам. Таким образом, изменение трактовки понятия «социальное» является первым шагом совершённого АСТ методологического переворота в социологии, но в то же время – его необходимой теоретической предпосылкой.

Такой переворот, как справедливо полагают исследователи, означает не только смену методологической установки социологической науки, но и – глубже – изменение методологии мышления вообще [14].

«Поворот к вещам» и смена теоретической оптики

Изменившийся взгляд на социальное уводит социологию в совершенно иную по отношению к её наличному состоянию сторону. Во-первых, в социологию вносится такой уровень процессуальности и релятивизма, которого она раньше не знала. Признавая значимость динамики социальных изменений, она никогда не отказывалась от социальной статики, структур, страт и других макросоциальных конструкций. Несмотря на то, что в современной теоретической социологии неоднократно и разносторонне отрефлексирована текучесть и изменчивость социального, в ней акцентируется главным образом двойственность структуры и процесса. В акторно-сетевой теории главенствуют абсолютный релятивизм и процессуальность. При этом помимо того, что социологу доступны даже не сами связи, а оставленные ими следы, акторно-сетевая теория расширяет диапазон интересующих её связей, включая в него не только традиционные для социологии гомогенные связи между людьми, но и гетерогенные, ситуационно объединяющие людей с объектами, лишёнными традиционно понимаемой сознательной индивидуальности и интенциональности. Объекты приобретают агентность, и тем самым разрушается методологический стереотип современного социологического мейнстрима – дихотомическое представление о непересекающихся предметных областях естественных и социальных наук [11].

Этим, по мысли теоретиков АСТ, социология возвращает себе статус сугубо эмпирической науки, возможности которой ограничены только движением по следам событий, но зато речь идёт обо всех без исключения событиях: утратив суверенную предметную сферу, социология приобретает право проникать повсюду, где есть цепочки гетерогенных взаимодействий, а они есть везде.

Таким образом, деструкция дисциплинарного суверенитета социологии тесно связана со вторым важнейшим методологическим отличием АСТ – «поворотом к вещам». Для современного социологического мейнстрима, как уже говорилось, предметом социологии является область особых смыслов, продуцируемых разумом и конституирующих социальные действия и отношения, репрезентированная как отдельная от «материального» интеллектуальная территория. Выросшая на этом основании социологическая традиция оставляет агентность исключительно за людьми.

Альтернативное понимание социального, развиваемое акторно-сетевой теорией, дало ей возможность вывести социальное познание из сферы смыслов и «вернуться к вещам». Это привело к очень непривычному для современной ментальности, взращённой на сложившейся традиции дихотомического, стереотипизированного мышления, включению объектов в мир социальных связей и отношений в качестве обладателей полноценной агентности. Как подчёркивают исследователи, понимание агентности в АСТ отличается от её трактовки в других социологических парадигмах и подразумевает некоторый сдвиг социологической оптики с традиционного представления о системе в сторону идеи сети [23]. Вектор требуемого сдвига при этом обозначает отход от представлений о социальной (и природной) системе как саморегулирующейся целостности к представлению их в виде сетей гетерогенных ассоциаций. Так, под социальной системой предлагается понимать простую целостность, обладающую способностью к саморегуляции и находящуюся на более высоком уровне организации, чем её элементы, взятые по отдельности, причём саморегуляция любой системы направлена на удержание и сохранение равновесия [26]. Акторно-сетевая оптика, в отличие от системного подхода, постулирующего систему как замкнутую целостность или совокупность элементов, предлагает представление, скорее напоминающее ризому: это сеть, образуемая многочисленными разветвлёнными ассоциациями в ходе свободных и случайных сочетаний элементов. Сеть не замкнута и может неограниченно расширяться в любых направлениях [23].

В концепции сети ассоциаций прослеживается логика постструктурализма, оказавшего значительное влияние на становление АСТ. Эта логика ориентирует на представление о плоском, ризоматичном социальном ландшафте. Каждый элемент сети находится в изменяющихся и скоротечных ассоциациях с другими гетерогенными элементами, и эти ассоциации трансформируют его характеристики. Таким образом, на место социальной системы в традиционной социологической оптике помещается другая целостность, не имеющая фиксированных границ и способная к неограниченному расширению.

Значение концепта ризомы, введённого в философию Ж. Делёзом, для формирования акторно-сетевой теории ещё предстоит осмыслить. Как отмечает К. Б. Дженсен, до сих пор остаётся не вполне выявленной связь между понятием ризомы у Делёза и идеями АСТ. Однако, подчёркивает

он, возможно, было бы уместным называть акторно-сетевую теорию «актантно-ризомной онтологией», несмотря на то, что сами основатели теории редко используют этот термин [24].

Прежде всего, согласно Дженсену, точки пересечения между Делёзом и Латуром обнаруживаются в понимании агентности. Речь идёт о различии и повторении главных онтологических понятий философии Делёза [24]. Для Латура критерием того, что имело место действие, является произошедшее в связи с ним изменение, создание различия. Это существенно отличается от представления о социальной системе, замкнутой, внутренне гармонизирующейся и тяготеющей к поддержанию стабильности. У системы ресурс возможного изменения достаточно ограничен.

Уходя от представлений о системах как стабильных, закрытых и внутренне сбалансированных социальных целостностях, АСТ уходит и от сразу двух ставших в силу привычки естественными понятий – Общества и Природы. Эти понятия, определяемые Латуром как масштабные «резервуары», в которые традиционная социология дихотомично «раскладывает» то, что связано с материальным, и то, что можно отнести к «социальному», в парадигме АСТ не имеют объективных референтов, поскольку даже не сконструированы социологами, как пишет Л. Ю. Бронзино [1], а являются давними философско-мировоззренческими конструкциями, перешедшими в социологию социального в силу инерции теоретического мышления и поддерживающими дихотомичность и ригидность современного социального знания.

Разделение «резервуаров» не только закрепляет, согласно АСТ, искусственную эксклюзию акторов-не-людей из сферы внимания социологии, но и способствует неосознанному отождествлению социального и политического. «Общество» мыслится как некое вместилище социального, объективно существующее и имеющее границы, в то время как в понимании акторно-сетевой теории оно – лишь тень политического, конструируемые границы которого совпадают с территориальными границами государства. Деконструкция «резервуаров» направлена и на устранение этого отождествления, в результате чего на месте «общества» остаются коллективные взаимодействия, цепочки ассоциаций.

Предложенное АСТ понимание агентности как распределяемой между людьми и «не-людьми» вызвало жёсткую критику [22, с. 301]. Прежде всего это была негативная реакция на саму идею симметрии двух категорий акторов относительно потенциала агентности. Отвечая на эту критику, М. Каллон ссылается на то, что симметричность агентности в понимании АСТ – не метафизическая априорная установка, а методологический выбор, облегчающий изучение различных модальностей агентности. В качестве методологической установки представление о симметричном распределении агентности между людьми и не-людьми даёт возможность снять дуализм структуры и действия, рассматриваемый акторно-сетевой теорией как одно из главных неразрешённых противоречий современной социологии. Распределение агентности и принимаемые

ею формы определяются подвижной конфигурацией сетей и образующих их ассоциаций, тем самым «субъектные» и «объектные» моменты взаимодействия показываются в тесном динамическом единстве [21].

Но дело не только в осознании теоретиками акторно-сетевой теории методологической необходимости разрушения «резервуаров» и ассоциируемой с ними мыслительной инерции. С точки зрения АСТ большинство современных направлений социологического мейнстрима теоретически закрепляют и легитимизируют социальное неравенство и связанные с ним «неровности» общественного ландшафта, прежде всего – репрессивный характер власти. По определению одного из крупнейших теоретиков акторно- сетевого подхода Дж. Ло, отношения власти и доминирования, как и структурирование социального ландшафта, процессуальны и продуцируются изменчивыми акторно-сетевыми взаимодействиями, а не устойчивыми характеристиками, заданными социальной системой [27]. Теоретическая легитимация «неровностей» (неравенств) осуществляется с этой точки зрения посредством концептуализации их в собирательной парадигме «социологии социального» – как неизбежных проявлений «сущности социального», объективных характеристик социальных систем, продуктов действия различных «социальных сил», превышающих силы и понимание индивидов, а также естественного различия индивидуальных «социальных способностей» [5]. В интерпретации Латура многообразием таких объяснений и определяется плюралистичность современной социологии, однако все столь разные концепции объединяет одно: они базируются на произвольном отрыве сферы социального от мира вещей и отчуждении «социологами социального» реальных ресурсов действия, кроющихся в вещах, в пользу искусственно создаваемых имагинативных «социальных сил».

Включение объектов в число акторов даёт акторно-сетевой теории возможность не только реинтегрировать вещи в мир человеческих действий и взаимодействий, но и самим вещам вернуть отчуждённый у них «социологией социального» потенциал влияния на результат действий. Объединяя эту категорию акторов под термином «не-люди» («non-humans»), акторно-сетевая теория, с одной стороны, акцентирует их особость в сравнении с традиционно принятыми участниками взаимодействий, с другой же – подчёркивает принципиальную равнозначность обеих категорий акторов.

Исследователи отмечают, что в АСТ потенциально обладает агентностью всё что угодно и способность участвовать в действии ничем не различается у людей, животных, технических приспособлений и любых других акторов-не-людей. Не существует никаких имманентных характеристик, конституирующих действие, ни рефлексивность, ни интенциональность, ни какие-либо ещё характеристики не имеют отношения к агентности. В таком понимании агентностью обладает всё, что способно оказывать влияние и вносить какие-либо изменения в мир [19]. Согласно Латуре, как мы говорили выше, действие есть там, где происходят изменения. Если нет изменений, то нет и действия [5].

Развивая такое понимание агентности, АСТ устраняет традиционную дихотомию «мира смыслов (идей)» и «мира вещей», некогда перекочевавшую в социологию из философии, и их воссоединение, по замыслу авторов теории, возвращает реалистичность, а следовательно, и продуктивность социологическому знанию.

Таким образом, переход в новую социологическую оптику совершенно меняет качество обзора социального пространства. Б. Латур пишет: «Для социологов связей новым является не множество объектов, мобилизуемых в ходе всякого действия по мере его проявления, – никто никогда и не отрицал, что их тысячи; ново здесь то, что объекты вдруг предстали на свет не только как полноценные акторы, но и как то, что объясняет тот контрастный ландшафт, с которого мы начинали, – ландшафт нависающих над всем социальных сил, чудовищных асимметрий, репрессивного проявления власти. Социологи ассоциаций хотят начать с удивления, а не как большинство их коллег, с мнения, что этот вопрос очевидным образом закрыт и объекты не делают ничего, – по крайней мере, ничего сопоставимого или даже просто соединимого с человеческим социальным действием, – и что если они и могут иногда “выражать” властные отношения, “символизировать” социальные иерархии, “усиливать” социальное неравенство, “переносить” социальную власть, “объективировать” неравенство и “овеществлять” гендерные отношения, они не могут находиться у истока социальной активности» [5, с. 28].

При этом в понимании АСТ человек и актор из категории *non-humans* настолько сливаются в осуществлении действия, что могут рассматриваться как своего рода гибриды: как отмечает В. Вахштайн, Латур констатирует, что современный мир пришёл к состоянию общей гибридности, и такие социотехнические гибриды, как «человек-автомобиль», «человек-телефон», «человек-оружие», «человек-компьютер», стали доминирующей формой жизни. Гомогенизация становится всё более доминирующей тенденцией реальности, что находит проявление в развитии возможностей генной инженерии и протезирования [2].

В то же время АСТ рассматривает как полноценных участников сетевых взаимодействий и ту категорию *non-humans*, которую составляют живые существа – животные, микроорганизмы, даже моллюски [20].

В целом, согласно Латуру, в современном мире всё в большей степени происходит размывание грани, разделяющей наделённого осознанным целеполаганием и рефлексией субъекта-сознание и предметы, технические приспособления, которые, встраиваясь всё больше в повседневные практики, становятся продолжением деятельности сознания, интегрируясь в субъект действия.

Это базовое методологическое положение акторно-сетевой теории имеет социально-практические импликации. Смена исследовательской оптики, связанная с включением *non-humans* в цепочки ассоциаций, образуемых социальными взаимодействиями, даёт возможность намного более широкой пространственной перспективы видения, включающей в себя и чёткое видение неоправданности и искусственности всех видов социаль-

ного неравенства. Одной из задач, которые, по мнению теоретиков АСТ, должна выполнять социология в соответствии с замыслом её создателей, является задача «сглаживания социального ландшафта», смягчение социального неравенства, в том числе и деления на «центры» и «периферию» глобального общества. Так, например, «паноптикум» сменяется «олигоптикумами», в которых не один центр наблюдения, а множество [5].

Концепция актанта

Важная методологическая новация в социологии, внесённая АСТ, состоит во введении понятия «актант», заимствованного из литературоведения, теории нарративов. Исследователи отмечают значительное концептуальное и терминологическое влияние на АСТ семиотики и теории литературы, как и идей постструктурализма [19].

Объясняя причины такого заимствования («АСТ пользуется техническим термином “актант”, почерпнутым из литературоведения» [5]), Латура ссылается на значительно большую свободу семиотических и литературоведческих исследований, работающих с художественным вымыслом. Этот момент связан с использованием другого понятия из теории нарративов – фигурации, а в целом оба понятия используются для решения задачи определения источника действия. Теоретики АСТ полагают, что мейнстрим современной социологии не раскрывает подлинную природу агентности и способствует «захватыванию» действия у его подлинного субъекта. Приписывая статус источника действия различным воображаемым, т. е. бездоказательно постулируемым «социальным силам (факторам)», социология прячет за этими искусственно конструируемыми субъектами его реальный источник. Социальные силы такого рода – объекты и образы фигурации, т. е. фигуры, которые кладутся в основу различных «социальных объяснений». При этом объяснения выглядят различающимися, но эта разница остаётся чисто фигуративной. Иными словами, речь может идти об одном и том же процессе и источнике действия, однако концептуализирующие их объяснения выглядят совершенно разными.

Деконструируя фигуративные представления о действии социальных факторов (сил), теоретики АСТ обращаются к понятию «актант». Это техническое, по объяснению Латура, понятие, тем не менее, играет важнейшую роль в социологии ассоциаций. Термин «актант» имеет своим референтом условно совокупный подлинный субъект действия, представляющийся в облике разных фигураций, и значение его в том, что он позволяет выйти из-под обаяния несуществующих, согласно АСТ, фигуративных сил, рассматриваемых как носителей агентности.

Термин «актант», в отличие от более традиционного для социологии термина «актор», относимого к индивиду, группе или институту как условно изолированным, самостоятельным субъектам действия, обозначает носителя агентности, участвующего в действии и конституированного, в соответствии с определением Джона Ло, сетью гетерогенных

компонентов, находящихся во взаимодействии [27]. При этом, подчёркивают исследователи, актант действует не сам по себе. Агентность в понимании АСТ реализует себя посредством сетевого действия и ассоциаций. Конфигурирование актанта происходит в специфических сетевых взаимодействиях, причём таких, которые порождают результат. Сеть формирует конфигурацию актанта и делает его конкретным актором [19].

Именно конфигурирование актанта сетью превращает его в носителя распределённого действия. В формулировке Латура всё, что вносит изменение в наличное положение дел, создавая различие, есть актор, а если он ещё не получил фигурации – актант [5].

В таком применении термина «актант» нивелируется различие между человеческими акторами и «не-людьми». Актанты, объединённые на период взаимодействия, являются в ходе существования ассоциаций носителями разных ролей и сопряжённых с ними значений, имеющих место только в конкретных сетевых взаимодействиях [19; 23].

Ризоматичность сетей ассоциаций находит проявление в том, что актанты и сами сети обладают сопоставимой агентностью и активностью, при этом изменчивы, динамичны и ускользают от исследовательской фиксации [23]. При этом, как подчёркивают исследователи, Латур постоянно акцентирует «технический» характер термина, невозможность и некорректность прямого отождествления актанта с индивидуальным актором, семиотический характер задания и трактовки этого понятия, которое используется не только в рамках семиотического подхода к социальным процессам, но и как методологическое и даже онтологическое [10].

Текущие взаимодействия, в которые включены актанты, подвержены их преобразующему воздействию, которое, однако, имеет текучий и изменчивый характер. Сети актантов формируют определённую подвижную специфику социального ландшафта, традиционными социологическими аналогами которой являются социальный порядок или структура [23]. Согласно Дж. Мёрдоку, степень ригидности\изменчивости социального пространства зависит от наличного соотношения уровней контроля и автономии в способах организации актантами сетей. Мёрдок выделяет в этой связи два типа социальных пространств: «пространство предписания» («spaces of prescription») и «пространство переговоров» («spaces of negotiation») [30].

Такая концептуализация социального действия и его акторов выводит представителей АСТ на уровень обладающей принципиальной новизной онтологической концепции. Их притязания обусловлены ощущением не только инновационности предлагаемой ими оптики, но и незамкнутости, незавершённости современной онтологии.

Стремясь максимально соответствовать изначальному проекту социологии, теоретики АСТ репрезентируют её как концепцию, имеющую потенциал для теоретической ревизии современной социологии и в то же время для её освобождения от примата рамочных теорий над эмпирическими исследованиями. Определяя в этом отношении свою концепцию как «второй эмпиризм», теоретики АСТ имеют в виду именно

отказ от теоретической надстройки, подход к социальной реальности не как к некоей специфической сфере или контексту, а как к дискретной совокупности единичных взаимодействий [11].

Однако при всём том акторно-сетевая теория не отрицает глубинной и продуктивной связи между социологией, с одной стороны, и метафизикой и даже онтологией – с другой.

Как подчёркивают исследователи, эмпирические общие установки АСТ и критика методологической метафизичности, сохраняющейся в теориях социологического мейнстрима, не означают отказа от метафизики как типа содержательной интерпретации событий и явлений. Напротив, акторно-сетевая теория уделяет особое внимание метафизикам (именно во множественном числе) как способам объяснения событий, выстраиваемым самими акторами. Призыв следовать за акторами, не предлагать им своё объяснение, а фиксировать их собственные, занимает важное место в АСТ, поскольку такой подход рассматривается как соответствие требованию эмпиричности. В парадигме АСТ социолог не предлагает своих собственных объяснений и не корректирует «метафизики» респондентов. Возможных метафизик как объяснительных моделей множество, и опасность для исследователя составляют в видении АСТ не они, а, напротив, пренебрежение ими и придание какой-то одной версии метафизического объяснения универсального, доминирующего характера. Множественные метафизики, предлагаемые респондентами социологических исследований для объяснения собственных действий, представляют собой картины мира, сложившиеся в их мышлении.

Но типологические особенности мышления социолога, примыкающего к мейнстриму, согласно АСТ, находят проявление в стремлении дать доминирующее над представлениями респондентов каузальное объяснение, привлекающее те или иные социальные факторы, и вытеснить объяснения респондентов как не отвечающие критериям научности.

Такая тенденция проистекает из обусловленной стереотипным мышлением уверенности социологии социального в завершённости и окончательности онтологических представлений современности. Притязание на доминирующее объяснение действительности представляет собой, по сути, попытку рассматривать современное социальное знание как завершённое и универсальное [11].

Акторно-сетевая теория делает акцент, напротив, на незавершённости, неполноте онтологии, лежащей в основании современного знания. Представление о незавершённости, укоренённое в релятивизме АСТ, является доминантой её концептуального пафоса.

К выводам

Несмотря на то что авторы, стоявшие у истоков акторно-сетевой теории, в настоящее время заняты пересмотром своих позиций, предложенный ею методологический поворот оказал значительное влияние на

социологическую мысль. Новизна нашего исследования состоит в выявлении единства наиболее важных инновационных теоретических позиций, характеризующих АСТ как целостную концепцию, направленную на разрешение методологического кризиса в современной теоретической социологии.

Влияние методологических инноваций АСТ связано с осознанием и демонстрацией ограниченности и дихотомической схематичности концептов и теоретических представлений, которыми оперирует современная социологическая традиция; с попыткой заново поставить проблемы, восходящие к раннему периоду становления социологической науки, от которых она в настоящее время стремится дистанцироваться. Разработанный акторно-сетевой теорией понятийный аппарат имеет большой методологический потенциал, поскольку обеспечивает смену теоретической оптики в социологии, новый нетривиальный взгляд на природу агентности и новое понимание социальной реальности.

Большое значение имеет также потенциал АСТ в отношении релятивизации теоретического мышления в области социальных наук, обновления его методологии. Акторно-сетевая теория предложила отказ от стереотипов мышления, искусственных абстракций, новую модель исследовательской деятельности социолога и даже новый исследовательский этос в социологии.

Кроме того, акторно-сетевая теория преодолевает разрыв социологической теории и социальной и политической практики, что даёт возможность построения нового отношения социологии к реальности, возвращения её к решению не только научных, но и социально-практических задач.

Наконец, большой заслугой АСТ в области методологии мышления является размыкание интеллектуального универсума в открытость и незавершённость онтологии, превращение науки в «строительную площадку», внесение дискуссионного, полемического духа в познание окружающего мира.

Перспективы развития рассматриваемой в настоящей статье тематики, касающейся методологической инновационности АСТ, связаны с выявленными в ходе проведённого анализа особенностями предлагаемой ею новой парадигмы социологии и теоретической оптики, а также с необходимостью разработки конкретных путей использования методологии АСТ в эмпирических социологических исследованиях.

Библиографический список

1. Бронзино Л. Ю. Еще раз об акторно-сетевой теории, или трудности перевода / Рец. на кн.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014. 382 с. // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 170–175. DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.246

2. Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
3. Латур Б. Надежды конструктивизма / Пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб: ЕУ в СПб., 2006. 240 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014. 382 с.
6. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
7. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой; науч. ред. С. Гавриленко. М.: Институт Гайдара, 2015. 352 с.
8. Логос. Философско-литературный журнал. 2017. № 1. URL: <https://logosjournal.ru/archive/2017/386973/> (дата обращения: 19.12.2021).
9. Никифоров Я. А. Кризис социологической теории: есть ли выход? // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 4. С. 406–408. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408
10. Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершённая сборка // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 1 (116). С. 1–40. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
11. Полонская И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
12. Розин В. М. Методологические условия построения онтологии человека // Философские науки. 2015. № 3. С. 130–133.
13. Розин В. М. Социальное действие и знание в условиях сложности и частичной неопределённости // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 46–54. DOI: 10.31857/S004287440007161-2
14. Розин В. М. Основные идеи построения методологической концепции социальности // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 96–109. DOI: 10.5840/eps20205719
15. Романовский Н. В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
16. Смирнов П. И. Возможно ли возрождение и обновление позитивизма в теоретической социологии? // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 14–23.

17. Baiocchi G., Graizbord D. and Rodríguez-Muñiz M. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation // *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 323–341. DOI: 10.1007/s11133-013-9261-9

18. Blake T. On the existence of Bruno Latour's modes: from pluralist ontology to ontological pluralism. 2014. URL: [https://www.academia.edu/7453695/ON THE EXISTENCE OF BRUNO LATOURS MODES](https://www.academia.edu/7453695/ON_THE_EXISTENCE_OF_BRUNO_LATOURS_MODES) (дата обращения: 19.12.2021).

19. Bueger Ch. and Stockbruegger J. Actor-Network Theory: Objects and Actants, Networks and Narratives // McCarthy D. R. (ed.) *Technology and World Politics: An Introduction*. Abingdon: Routledge, 2016. P. 42–59.

20. Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle // Callon M., Law J. and Rip A. (ed.) *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. London: Palgrave Macmillan, 1986. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2 (дата обращения: 24.11.2021).

21. Callon M. Actor Network Theory. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 62–66.

22. Collins H. and Yearley S. Epistemological Chicken // Pickering A. (ed.) *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326.

23. Dwiartama A. and Rosin C. Exploring agency beyond humans: the compatibility of Actor-Network Theory (ANT) and resilience thinking // *Ecology and Society*. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 28. URL: https://www.researchgate.net/publication/272158075_Exploring_agency_beyond_humans_The_compatibility_of_Actor-Network_Theory_ANT_and_resilience_thinking (дата обращения: 23.12.2021).

24. Jensen C. B. Is actant-rhizome ontology a more appropriate term for ANT? *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*, Routledge, 2019. 14 p.

25. Krarup T. and Blok A. Unfolding the Social: Quasi-Actants, Virtual Theory, and the New Empiricism of Bruno Latour // *The Sociological Review*. 2011. Vol. 59. No. 1. P. 42–63. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2010.01991.x

26. Kwa C. Romantic and baroque conceptions of complex wholes in the sciences // Law J., Mol A., Smith B. and Weintraub E. (ed.) *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. New York: Duke University Press, 2002. P. 23–53. DOI: 10.1515/9780822383550-002

27. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity // *Systems. Practice*. 1992. Vol. 5. No. 4. P. 379–393. DOI: 10.1007/BF01059830

28. Lezaun J. Actor-Network Theory // Benzecry C., Krause M., Reed I. (ed.) *Social Theory Now*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. P. 305–337.

29. Mifsud D. Actor-Network Theory (ANT): An Assemblage of Perceptions, Understandings, and Critiques of this 'Sensibility' and how its Relatively Under-Utilized Conceptual Framework in Education Studies can aid Researchers in the Exploration of Networks and Power Relations // International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.4018/ijantti.2014010101

30. Murdoch J. The spaces of actor-network theory // Geoforum. 1998. Vol. 29. No. 4. P. 357–374.

31. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: Social research in a more-than-human world // Methodological Innovations Online. 2011. Vol. 6. No. 3. P. 108–119. DOI: 10.4256/MIO.2011.010

32. Toledo R. D. Latour as Philosopher: On the Advantages and Disadvantages of Critique for Innovative Science and Sociology. PhD dissertation. Stony Brook University, 2013.

Получено редакцией 3.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет

Полонская Ирина Нисоновна, доктор философских наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет

Сусименко Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки» Института фундаментального инженерного образования, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797

EDN: RLJOOB

Actor-Network Theory: Innovative Aspects of Sociological Methodology

Galina S. Denisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: dgsrostov2013@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3671-9602

Irina N. Polonskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: nisonelle@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6953-4068

Elena V. Susimenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: e.susimenko@npi-tu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7627-2051

For citation: Denisova G. S., Polonskaya I. N., Susimenko E. V. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

Abstract. In recent years, a discussion about the dissatisfaction of scientists with the current state of sociology has intensified in the world sociological community. In this situation, various ways of raising the scientific level of sociology as a whole are proposed. One of them was proposed by B. Latour in the framework of the actor-network theory (ANT), the theoretical concepts of which were further developed in the works of his like-minded colleagues. Representatives of the Russian sociology are actively involved in a versatile study of the contribution made by the ANT to the development of sociology. The article studies the basic provisions of the actor-network theory concerning the subject specifics of sociological knowledge, the fundamental difference between the definition of understanding the subject of ANT sociology and the definitions given by traditional sociological trends and paradigms, as well as the consequences of this innovative understanding for the formation of methodological principles for studying social reality. The authors also dwell on the consideration of the most fundamental and controversial methodological innovation of ANT – the “turn to things” and the introduction of the concept of heterogeneity of agents into the understanding of social processes.

Particular attention in the article is paid to the analysis of the meaning of the term “actant”, innovative for sociology, borrowed by the ANT from the semiotic theory of narrative and incorporated into sociology and ontology of the network of associations of heterogeneous actants. Concerning the disagreements between the actor-network theory and the sociological mainstream of our time, the authors dwell on the criticism by ANT theorists of the sociological “metaphysics of social forces”, understood as a way of theoretical legitimation of social inequality. The purpose of the article is to clarify the unity and interconnection of the key innovative positions of ANT in sociological methodology, and through this, to substantiate the significance and heuristic potential of the innovations proposed by the actor-network theory for raising the scientific level of sociology in the study of social reality. As a result, the authors demonstrate the methodological turn of ANT, that makes possible overcoming the gap between sociological theory and social and political practice, thus opening the way for building a new attitude of sociology to reality, returning it to solving not only scientific, but also social and practical problems.

Keywords: actor-network theory (ANT), social, sociology of associations, network interactions, actor, actant, heterogeneity, non-human actors, figuration

References

1. Bronzino L. Yu. Yeshcho raz ob aktorno-setevoy teorii ili trudnosti perevoda [Once again about the actor-network theory, or Lost in Translation]. Ed. by S. Gavrilenko. A review on the book: Latour B. *Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow, ID NIU VSHE, 2014. 382 p. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014: 4: 170–175 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.246
2. Vakhstein V. S. Vozvrashchenie material'nogo. “Prostranstva”, “seti”, “potoki” v aktorno-setevoy teorii [The return of the material. “Spaces”, “networks”, “streams” in the actor-network theory]. *Sotsiologicheskoye obozrenie*, 2005: 4: 1: 94–115 (in Russ.).
3. Latour B. Nadezhdy konstruktivizma [Promises of Constructivism]. Transl. from Eng. by O. Stolyarova. *Sotsiologiya veshchei*. Ed. by V. S. Vakhstein. Moscow, Territoriya budushchego, 2006: 365–389 (in Russ.).
4. Latour B. Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii [We Have Never Been Modern. Essays in Symmetrical Anthropology]. Transl. from French by D. Ya. Kalugin. Ed. by O. V. Kharkhordin. St. Petersburg, EU v SPb., 2006: 240 (in Russ.).
5. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory]. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Ed. by S. Gavrilenko. Moscow, ID NIU VSHE, 2014: 382 (in Russ.).
6. Law J. Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoye obozrenie*, 2006: 5: 1: 30–43 (in Russ.).
7. Law J. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka [After Method: Mess in Social Science Research]. Transl. from Eng. by S. Gavrilenko, A. Pisarev, and P. Khanova. Ed. by S. Gavrilenko. Moscow, Institut Gaidara, 2015: 352 (in Russ.).
8. Logos. *Filosofsko-literaturniy zhurnal*, 2017: 1. Accessed 19.12.2021. URL: <https://logosjournal.ru/archive/2017/386973/> (in Russ.).

9. Nikiforov Y. A. Crisis of Sociological Theory: Is There a Way out? *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2016: 16: 4: 406–408 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408
10. Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. Actor-network theory: unfinished assembly. *Filosofsko-literaturniy zhurnal "Logos"*, 2017: 27: 1: 116: 1–40 (in Russ.). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
11. Polonskaya I. N. Al'ternativnaya sotsiologiya B. Latour(a): k kharakteristike metodologii [Alternative sociology of B. Latour: to the characteristics of the methodology]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012: 6: 72–75 (in Russ.).
12. Rozin V. M. Methodological Conditions of Human Ontology. *Filosofskie nauki*, 2015: 3: 130–133 (in Russ.).
13. Rozin V. M. Social action and knowledge in conditions of complexity and partial uncertainty. *Voprosy filosofii*, 2019: 10: 46–54 (in Russ.). DOI: 10.31857/S004287440007161-2
14. Rozin V. M. The main ideas for constructing a methodological concept of sociality. *Epistemologiya and filosofiya nauki*, 2020: 57: 1: 96–109 (in Russ.). DOI: 10.5840/eps20205719
15. Romanovsky N. V. Crisis discourse (in) modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 4: 3–12 (in Russ.).
16. Smirnov P. I. Is the Revival and Renewal of Positivism Possible in Theoretical Sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 3: 14–23 (in Russ.).
17. Baiocchi G., Graizbord D. and Rodriguez-Muciz M. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation. *Qualitative Sociology*, 2013: 36: 4: 323–341. DOI: 10.1007/s11133-013-9261-9
18. Blake T. On the existence of Bruno Latour's modes: from pluralist ontology to ontological pluralism. 2014. Accessed 19.12.2021. URL: <https://www.academia.edu/7453695/ON>
19. Bueger Ch. and Stockbruegger J. Actor-Network Theory: Objects and Actants, Networks and Narratives. In McCarthy, D. R. (ed.) *Technology and World Politics: An Introduction*. Abingdon, Routledge, 2016: 42–59.
20. Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. In Callon M., Law J., Rip A. (ed.) *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. London, Palgrave Macmillan, 1986. DOI: h10.1007/978-1-349-07408-2_2
21. Callon M. Actor Network Theory. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd., 2001: 62–66.
22. Collins H. and Yearley S. Epistemological Chicken. In Pickering A. (ed.) *Science as Practice and Culture*. Chicago, University of Chicago Press, 1992: 301–326.
23. Dwiartama A. and Rosin C. Exploring agency beyond humans: the compatibility of Actor-Network Theory (ANT) and resilience thinking. *Ecology and Society*, 2014: 19: 3: 28. Accessed 23.12.2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/272158075_Exploring_agency_beyond_humans_The_compatibility_of_Actor-Network_Theory_ANT_and_resilience_thinking
24. Jensen C. B. Is actant-rhizome ontology a more appropriate term for ANT? *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*, Routledge, 2019: 14.
25. Krarup T. and Blok A. Unfolding the Social: Quasi-Actants, Virtual Theory, and the New Empiricism of Bruno Latour. *The Sociological Review*, 2011: 59: 1: 42–63. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2010.01991.x
26. Kwa C. Romantic and baroque conceptions of complex wholes in the sciences. In Law J., Mol A., Smith B. and Weintraub E. (ed.) *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. New York, Duke University Press, 2002: 23–53. DOI: 10.1515/9780822383550-002
27. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems. Practice*, 1992: 5: 4: 379–393. DOI: 10.1007/BF01059830
28. Lezaun J. Actor-Network Theory. In Benzecry C., Krause M., Reed I. (ed.) *Social Theory Now*. Chicago, University of Chicago Press, 2017: 305–337.
29. Mifsud D. Actor-Network Theory (ANT): An Assemblage of Perceptions, Understandings, and Critiques of this 'Sensibility' and how its Relatively Under-Utilized Conceptual Framework in Education Studies can aid Researchers in the Exploration of Networks and Power Relations. *International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation*, 2014: 6: 1: 1–16. DOI: 10.4018/ijantti.2014010101

30. Murdoch J. The spaces of actor-network theory. *Geoforum*, 1998: 29: 4: 357–374.
31. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: Social research in a more-than-human world. *Methodological Innovations Online*, 2011: 6: 3: 108–119. DOI: 10.4256/MIO.2011.010
32. Toledo R. D. Latour as Philosopher: On the Advantages and Disadvantages of Critique for Innovative Science and Sociology. PhD dissertation. Stony Brook University, 2013.

The article was submitted on: May 3, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Denisova, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Institute of History and International Relations,
Southern Federal University

Irina N. Polonskaya, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Institute of History and International Relations,
Southern Federal University

Elena V. Susimenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages of the Institute of Basic Engineering
Education, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

САМООЦЕНКА И ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800

EDN: QINHEL

Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность

Ссылка для цитирования: *Мареева С. В.* Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

For citation: Mareeva S. V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

Мареева Светлана Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 526217

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности социального статуса современной молодёжи в её объективном и субъективном измерении. Объективные социальные статусы молодёжи охарактеризованы через положение её представителей в ключевых иерархиях по уровню образования, профессиональным позициям и уровню дохода. Показано, что уровень образования российской молодёжи за последние двадцать лет заметно вырос; социально-профессиональная структура молодёжной группы также претерпела определённые изменения, отразившиеся в снижении в её составе доли неработающих, а также рабочих различного уровня квалификации. Пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов, и это же характерно для моделей доходной стратификации этих групп. В целом, говоря о пространстве объективных статусов молодёжи в современном российском обществе, можно констатировать, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла – наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом (что отражается, в частности, в схожей доле среднего класса в составе этих групп). Что касается субъективных статусов, то молодые россияне, как и граждане в целом, склонны помещать себя на средние позиции в обществе. Однако то положение, которое они считают для себя «справедливым», как и желаемое ими положение, оказываются гораздо выше текущего, что также может приводить к накоплению недовольства, поскольку отражает заведомо нереалистичные ожидания относительно социальной мобильности. И хотя в отношении среднесрочного будущего молодые россияне достаточно позитивны, их ожидания от ближайших 2–3 лет более сдержанны. Негативным индикатором служит тот факт, что

молодёжь разделяет со взрослыми россиянами ощущение несправедливости устройства российского общества, причём эти представления мало связаны с их объективными статусами. Ключевыми элементами справедливого общества молодые россияне видят при этом принципы, связанные с инструментализацией принципа равенства возможностей.

Ключевые слова: социология, молодёжь, социальный статус, средний класс, субъективный социальный статус, справедливость, равенство возможностей

Постановка проблемы

Как показывают исследования, несоответствие запросов в отношении своего социального статуса повседневной реальности выступает одним из факторов накопления социальной напряжённости и социально-экономического недовольства [21]. Подобные психоэмоциональные состояния могут ещё в большей степени интенсифицироваться, если каналы социальной мобильности, существующие в обществе, представляются недоступными или нелегитимными, что приводит и к снижению толерантности к характеризующим общество неравенствам [19; 14]. Более того, в обществах с высоким уровнем неравенства, к которым можно отнести и Россию [3; 5], особенно ярко проявляется проблема социальной тревоги – чем сильнее расслоение общества, тем сильнее выражена среди населения тревожность, связанная со своим социальным статусом и относительным положением в социальной структуре [22].

Проблемы соотношения реального и желаемого статуса россиян, а также их представления о справедливости общественного устройства и о факторах мобильности уже оказывались в фокусе внимания российских учёных [9; 13]. Однако в особой степени эти вопросы актуальны для представителей молодёжи, поскольку они находятся на старте самостоятельного жизненного пути, и недостаточно широкие жизненные перспективы могут восприниматься ими особенно остро. Представления о возможностях повышения своего социального статуса, то есть о доступных каналах социальной мобильности, способны оказывать влияние на решения, принимаемые ими относительно инвестиций в свой человеческий капитал, и в целом на будущие жизненные траектории.

Именно поэтому в фокусе анализа данной статьи – оценки объективных социальных статусов представителей молодёжи в современном российском обществе и их динамика, а также отражение их в субъективном восприятии и оценки, которые они дают возможностям повышения своего статуса.

Эмпирической базой исследования выступили данные общероссийского социологического исследования, собранного в ходе реализации совместного проекта ФНИСЦ РАН и РИСИ «Молодёжь и Россия

будущего»¹. Для оценки динамики использовались также массивы более ранних общероссийских репрезентативных исследований ИС ФНИСЦ РАН, в которых были выделены аналогичные подвыборки молодёжи. Это позволило проследить происходящие изменения в одних и тех же возрастных группах с учётом их взросления, а также сравнить объективные и субъективные статусы молодёжи образца разных лет.

Объективные социальные статусы представителей молодёжи

Объективный социальный статус отражается в нескольких ключевых измерениях, относящихся к разным социальным иерархиям. Прежде всего, это профессиональный статус, уровень образования и индивидуальный доход. Как выглядит пространство социальных статусов молодых россиян в этих ракурсах сегодня, и какие изменения произошли за два последних десятилетия с теми объективными структурными позициями, которые они занимают в обществе?

Первое, к чему следует обратиться, – это **уровень полученного образования**. Ожидается, что среди молодёжи уровень образования в целом ниже, чем среди старшего поколения, так как часть её представителей ещё продолжает его получать. Однако уровень образования нарастает по мере взросления молодёжи: так, в группе 30–35-летних высшее образование имеют 39,3% – это выше, чем, например, среди россиян 55–65 лет. Одновременно с этим, со временем среди молодёжи сокращается доля лиц, получивших среднее специальное и особенно общее среднее образование или ниже его (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

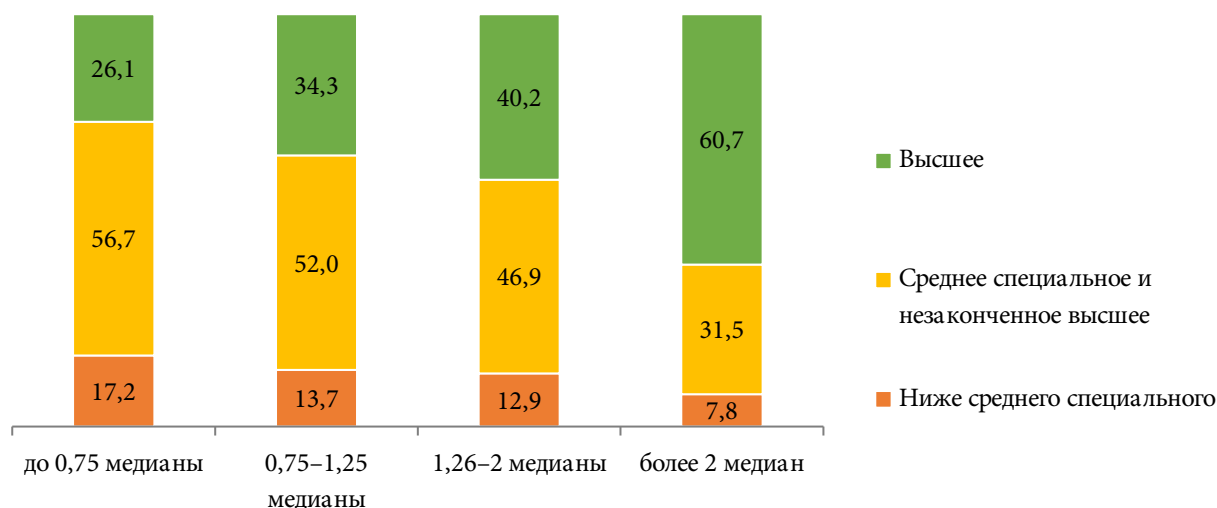
Динамика уровня законченного образования среди россиян 18–35 лет,
2000–2021 гг., %
*Dynamics of the level of completed education among Russians aged 18–35,
2000–2021, %*

Уровень образования	2000	2010	2021
Два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук	1,7	1,8	2,2
Высшее, включая незаконченное	26,2	31,5	37,6
Среднее специальное	45,1	41,9	40,3
Общее среднее и ниже	27,0	24,8	19,9

¹ Полевой этап исследования был проведён в июне 2021 г. и охватил 6000 респондентов в возрасте 14–65 лет. Объём выборочной совокупности целевого опроса молодёжи 14–35 лет составил 4000 респондентов, опроса группы респондентов в возрасте 36–65 лет – 2000 респондентов. Выборка опроса предполагала квоты по возрасту (в разбивке на семь возрастных интервалов), типу поселения, уровню образования, роду профессиональной деятельности, а также полу. Опрос проводился в 43 субъектах РФ, включая два мегаполиса.

Если обратиться к группе молодёжи 14–35 лет, не являющейся ни студентами, ни школьниками, хорошо прослеживается дифференциация уровня их образования в зависимости от типа поселения. Высшее образование является сегодня в России прерогативой жителей крупных городов. В них таковое имеют 42,3% молодёжи (Москва и Санкт-Петербург не отличаются в этом отношении от центров субъектов РФ), в прочих городах – 34,4%, а в сельской местности доля обладателей вузовских дипломов снижается до 29,9%. Обратная зависимость наблюдается для тех, кто получил образование ниже среднего специального: их доля возрастает с 9,5% в крупных городах до 14,9% в прочих городах и 19,0% в сельской местности.

Ещё ярче проявляется зависимость образования и уровня доходов в домохозяйствах. В этом отношении нельзя говорить про причинно-следственную связь, поскольку, с одной стороны, более высокие доходы домохозяйства могут служить предпосылкой для получения его молодыми членами более высокого уровня образования вследствие отсутствия необходимости раннего выхода на рынок труда, наличия возможностей для получения платного образования и пр., а с другой – более высокий уровень образования может способствовать повышению среднедушевых доходов в домохозяйствах вследствие того, что индивидуальный доход молодых россиян заметно возрастает среди имеющих высшее образование (так, среди тех, кто уже не учится, но при этом не получил высшее образование, доходы находятся около уровня медианы индивидуальных доходов по типу поселения, в то время как среди получивших высшее образование они оказываются в среднем в полтора раза выше). В любом случае взаимосвязь уровня образования и доходов домохозяйства очевидна (см. рис. 1).

Среднедушевые доходы домохозяйств от носителя медианы по типу поселения

Рис. 1. Уровень образования россиян 18–35 лет (за исключением студентов и школьников) из домохозяйств с разным уровнем доходов, 2021 г., %
Figure 1. Level of education of Russians aged 18–35 (excluding students and schoolchildren) from households with different income levels, 2021, %

Видно, что высшее образование становится социальной нормой для той части молодёжи, уровень ежемесячных среднедушевых доходов в домохозяйствах которой превышает 2 их медианных значения по типу поселения – среди выходцев из таких семей его обладателями являются более 60%. В домохозяйствах с более низкими уровнями доходов наиболее распространённым для молодёжи является среднее специальное образование.

Таким образом, материальное положение семьи и место проживания выступают важными факторами получения молодёжью высшего образования. Это важно как с точки зрения разработки образовательной политики, которая должна быть направлена на выравнивание возможностей в этой сфере, так и с точки зрения субъективных представлений молодёжи, для которой принцип равенства возможностей устойчиво имеет безусловную ценность, о чем мы ещё скажем ниже.

Данные проведённого исследования позволили оценить не только образовательный статус молодых россиян «в моменте», но и их образовательную межпоколенную мобильность – через доли различающихся уровнем собственного образования выходцев из семей с разным образовательным уровнем родителей. Корреляционный анализ показал, что связь собственного образования с уровнем образования отца оказывается сильнее, чем с образованием матери, хотя обе эти взаимосвязи являются значимыми. Если исключить студентов и школьников, которые в силу возраста ещё не завершили своё образование, то для остальных представителей молодёжи чётко прослеживается повышение уровня собственного законченного образования при повышении уровня образования родителей. Выходцы из семей, где ни один из родителей не получил хотя бы среднее специальное образование, в трети случаев также остановились на образовании ниже этого уровня (что почти в 2,5 раза выше, чем в среднем по молодёжи). В то же время они более чем в половине случаев получили все же среднее специальное образование, а каждый десятый – даже высшее, что позволяет говорить в отношении этой группы о восходящей образовательной мобильности. В семьях, где хотя бы один из родителей имел среднее специальное или незаконченное высшее образование, большинство молодых россиян получили такой же его уровень (60,8%), демонстрируя процессы социального воспроизводства этой группы. Ещё четверть её представителей, получившие высшее образование, характеризуются восходящей образовательной мобильностью. Наконец, среди выходцев из семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, большую долю составляют те, кто и сам получил образование этого уровня. При этом около 40% представителей данной группы демонстрируют нисходящую образовательную мобильность (см. рис. 2).

В целом данные показывают, что говорить об образовательной мобильности можно применительно к выходцам из наименее образованных семей, в то время как в семьях со средним и высоким уровнем образования родителей доминирует социальное воспроизводство.

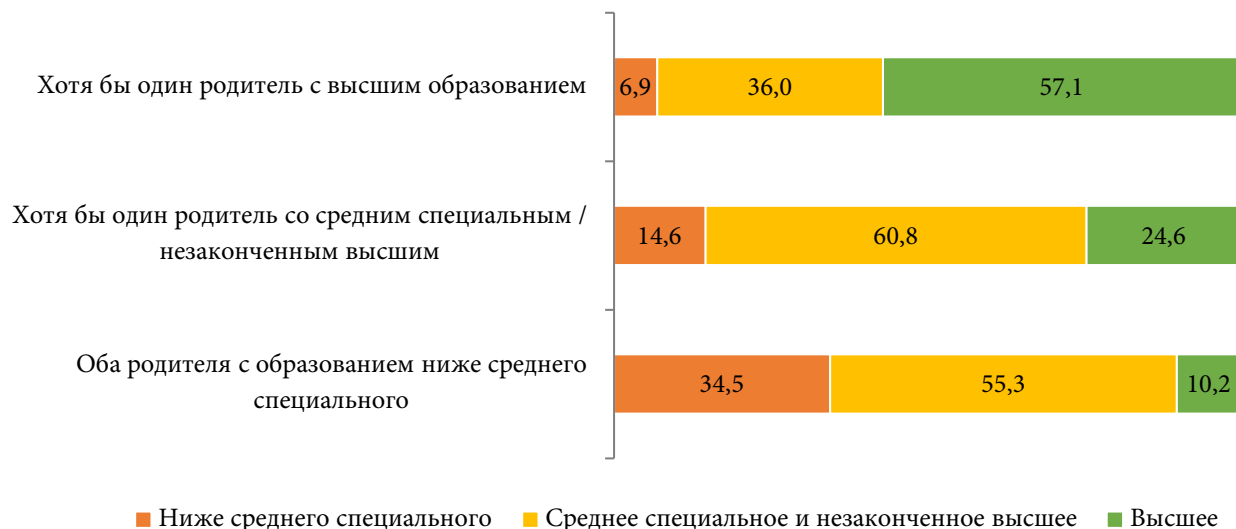

Рис. 2. Уровень образования россиян 18–35 лет (за исключением студентов и школьников) из семей с разным образовательным уровнем родителей, 2021 г., %

Figure 2. Level of education of Russians aged 18–35 (excluding students and schoolchildren) from families with different educational levels of parents, 2021, %

Второй ключевой индикатор объективного социального статуса – это **профессиональные позиции**. Согласно данным исследования, среди молодёжи 18–35 лет не работает только каждый десятый. Среди остальных наиболее массовой группой выступают специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, а также рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг. При этом за последние два десятилетия социально-профессиональная структура российской молодёжи заметно изменилась (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Укрупнённый социально-профессиональный портрет россиян 18–35 лет, 2000/2021 гг., %

Enlarged socio-professional portrait of Russians aged 18–35, 2000/2021, %

Профессиональный статус	2000	2021
Предприниматель, самозанятый	4,6	5,8
Руководитель высшего, среднего или низшего звена или специалист на должности, предполагающей высшее образование	21,0	28,4
Служащий на должностях, не требующих высшего образования, или рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг	13,0	32,8
Рабочий	43,1	21,8
Не работают / другое	18,4	11,2

Параллельно с ростом общего образовательного уровня меняется и конфигурация тех позиций, которые молодёжи предлагает рынок труда. По сравнению с ситуацией двадцатилетней давности, среди моло-

дых россиян снизилась доля рабочих различного уровня квалификации за счёт роста численности занимающих позиции специалистов с высшим образованием и руководителей и ещё в большей степени – за счёт служащих без высшего образования и работников торговли и сферы услуг. Это говорит о процессе общего повышения профессионального статуса молодых россиян. Предыдущие исследования показали, однако, что работников торговли и сферы услуг можно охарактеризовать как «новый рабочий класс»: по уровню социальной защищённости, устойчивости положения, степени соблюдения социальных гарантий и т. п. они оказываются ближе к рабочим, чем к специалистам с высшим образованием [11]. При этом пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует ярких отличий от аналогичного для россиян средних и старших возрастов: наибольший разрыв между ними оказывается в доле неработающих (11,2% среди молодёжи против 17,5% среди россиян средних и старших возрастов). Обращает на себя внимание и сокращение доли неработающих молодых россиян: если в 2000 г. не работал почти каждый пятый в возрасте 18–35 лет, то через 10 лет этот показатель сократился до почти каждого десятого и сохраняется на этом уровне и сегодня.

Наконец, третий индикатор объективного социального статуса – это *индивидуальный доход*. При подобном анализе необходимо учитывать проблему пространственной неоднородности России. Различия в медианных значениях индивидуальных доходов молодёжи, проживающей в разных типах поселений, достаточно велики. Если в Москве и Санкт-Петербурге медианный доход, судя по данным исследования, составляет 38 000 рублей в месяц, то в сёлах – только 22 000 рублей. Однако в разных типах поселений различаются и стоимость жизни, и характер распределения доходов, поэтому один и тот же абсолютный показатель может свидетельствовать о разных объективных статусных позициях в доходной иерархии в зависимости от того, где именно проживает тот или иной молодой человек. Поэтому в целях дальнейшего анализа обратимся к соотношению индивидуальных доходов с их медианными значениями по типам поселений, что позволит определить занимаемое положение по уровню дохода по отношению к типичному для данного типа поселения и охарактеризовать сравнительное положение в общей доходной иерархии, которое эти доходы обеспечивают [6].

Доходная стратификация группы молодёжи, имеющей индивидуальные доходы, построенная на основании соотношения доходов её членов с медианными значениями по типам поселений, повторяет по конфигурации модель доходной стратификации россиян старших возрастов. Самой массовой в ней выступает группа с доходами, отклоняющимися в ту или иную сторону от медианы не более чем на четверть (38,4%). Около четверти молодёжи имеют доходы от 1,25 до 2 медиан – тот их уровень, который можно считать соответствующим доходам,

типичным для российского среднего класса. Соотношение полярных доходных групп таково, что численность низкодоходных слоёв в четыре раза превышает численность высокодоходных (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Доходная стратификация относительно медианных значений индивидуального дохода по типам поселений среди россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %

Income stratification relative to the median values of individual income by type of settlement among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %

Доходная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
До 0,75 медиан включительно	30,6	28,3
От 0,75 до 1,25 медианы	38,9	38,4
От 1,25 до 2 медиан	23,0	24,5
От 2 медиан и выше	7,5	8,8

Если проследить, как изменилась доходная структура молодёжной группы за последние 10 лет, то видно, что в средних слоях произошло некоторое перераспределение: в 2010 г. удельный вес группы с доходами более 1,25 медианы был выше, а группы с доходами от 0,75 до 1,25 медианы – ниже, чем в 2021 г. Условно говоря, среди молодёжи имело место перераспределение из верхнего среднего в нижний средний слой, однако на общей конфигурации модели доходной стратификации это сказалось не сильно. По мере взросления одного и того же поколения молодёжи происходящие в её принадлежности к тем или иным доходным группам изменения также оказываются не слишком значительными. Так, в 2010 г. к благополучной части населения (с доходами более 1,25 медианы по типу населённого пункта) относились 33,2% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет; среди этой же, но значительно повзрослевшей группы аналогичная доля составила в 2021 г. 31,5% (см. табл. 4). Таким образом, по мере взросления молодёжи общая модель её статусов в доходной иерархии не меняется, а соотношение благополучных и неблагополучных по доходам групп остаётся достаточно стабильным.

Таблица 4 (Table 4)

Динамика доходной стратификации относительно медианных значений индивидуального дохода по типам поселений среди россиян 18–35 лет в 2010 и 2021 гг., а также в одном и том же поколении с учётом его взросления, 2010/2021 гг., %

Dynamics of income stratification relative to the median values of individual income by types of settlements among Russians aged 18–35 in 2010 and 2021, as well as in the same generation, taking into account its maturation, 2010/2021, %

Доходная группа	Молодёжь 18–35 лет		Молодёжь 18–30 лет, 2010	Россияне 29–41 лет, 2021
	2010	2021		
До 0,75 медианы	31,2	30,6	33,2	30,4
От 0,75 до 1,25 медианы	33,3	38,9	33,6	38,1
От 1,25 медианы	35,5	30,5	33,2	31,5

Для понимания специфики объективных статусов молодёжи важно посмотреть также, как они соотносятся между собой и накладываются друг на друга. Именно те индикаторы социального статуса, которые были рассмотрены выше (образование, профессиональная позиция и доход), зачастую лежат в основе выделения среднего класса в его социологическом понимании. Существуют разные подходы к определению и набора индикаторов, и тех пороговых значений, которые являются необходимыми и достаточными для того, чтобы отнести индивида к среднему классу [2; 8; 12]. В последние годы относительно консенсусным в среде российских исследователей начинает выступать подход, согласно которому для попадания в состав среднего класса необходимо выполнение следующих условий:

- уровень дохода выше 1,25 медианного по типу поселения,
- наличие высшего или незаконченного высшего образования,
- профессиональные позиции работников нефизического труда, за исключением работников сферы торговли и услуг (в силу их близости к рабочему классу).

Условие одновременного соответствия этим трём критериям позволяет очертить границы социальной группы, которая обладает определённым уровнем человеческого капитала, получает на него доходы на рынке труда, занимая соответствующие профессиональные позиции, и при этом обладает таким уровнем дохода, который позволяет поддерживать собственный уровень человеческого капитала и обеспечивать его межпоколенческое воспроизводство за счёт инвестиций в человеческий капитал детей.

Велика ли доля среднего класса среди молодёжи и как она меняется со временем? С учётом того, что среди критериев есть показатели индивидуального дохода и социально-профессионального статуса, в дальнейшем анализе будет рассмотрена только работающая молодёжь от 18 до 35 лет; для корректного сравнения будет использована подгруппа работающих россиян от 36 до 65 лет.

Эмпирические данные свидетельствуют, что доля работающего населения, соответствующего одновременно трём этим критериям, близка среди молодёжи и россиян средних и старших возрастов. К составу среднего класса можно отнести 17,7% молодёжи и 21,0% россиян 36–65 лет. Группа, для представителей которой характерно соответствие двум из трёх признаков (назовём её периферией среднего класса, так как часть её представителей теоретически могут пополнить его состав), составляет 23,6% среди молодёжи и 21,2% среди взрослых россиян. Наконец, наиболее многочисленной в составе молодёжи (как, впрочем, и среди остальных россиян) является группа, представители которой не могут рассматриваться в качестве социальной базы для расширения среднего класса, поскольку обладают не более чем одним признаком из трёх. Таковых среди молодых россиян около 60% (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

**Доли среднего класса и других групп,
выделенных в соответствии с многокритериальным подходом,
среди работающих россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %**
*Shares of the middle class and other groups identified in accordance
with the multi-criteria approach among working Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %*

Социальная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
Средний класс (соответствие всем трём признакам)	17,7	21,0
Периферия среднего класса (соответствие двум признакам из трёх)	23,6	21,2
Остальное население	58,7	57,8

Таким образом, социальная структура работающей молодёжи и россиян среднего и старшего возрастов очень близка, и средний класс, учитывая периферийную его часть, составляет у них около 40%. Ниже мы ещё обратимся к субъективному восприятию молодыми россиянами своего статуса и их запросам в этом отношении, однако, забегая вперёд, важно отметить, что запросы эти достаточно высоки и без изменения качества рабочих мест, доступных для молодёжи, а также зарплат на них вряд ли могут быть реализованы.

Произошли ли в этом отношении какие-либо изменения за последние два десятилетия? Стоит оговориться, что за этот период изменились и отдача на человеческий капитал разного качества (хотя их эмпирические оценки при этом различаются – см. [1]), и требования к его качеству в рамках тех или иных профессиональных групп (иными словами, пороговые значения для попадания в средний класс на рубеже веков могли быть иными, чем сегодня). Помимо этого, в массивах данных не полностью совпадают индикаторы, необходимые для выделения среднего класса¹, поэтому полученные результаты следует воспринимать скорее как иллюстрацию общих тенденций, чем как точную оценку масштабов их действия. Эти тенденции свидетельствуют о постепенном расширении доступных для молодёжи структурных позиций, обеспечивающих им тот относительно благополучный «социальный стандарт», который свойственен среднему классу (см. рис. 3).

Итак, данные показывают, что за последние два десятилетия доля молодёжи, которую можно отнести к среднему классу, возросла. Однако фиксируемый рост не привёл к качественным изменениям в соотношении разных социальных групп: как и раньше, средний класс составляет меньшинство, численность его периферии оказывается больше, чем собственно ядро среднего класса, но даже вместе они составляют менее половины населения (в 2000 г. – треть, в 2021 г. – около 40%). Таким образом, расширение привлекательных социальных позиций, обеспечивающих более высокий уровень и качество жизни, большую устойчивость на рынке труда, возмож-

¹ Так, для 2000 г. мы используем среднедушевой доход домохозяйства, а не индивидуальный доход. Отличается для этого года и кодировка социально-профессиональных групп, что могло привести к небольшому завышению доли населения, соответствующего на тот момент критерию профессионального статуса для отнесения к среднему классу.

ности карьерного роста и реализации жизненных целей (все эти характеристики среднего класса как типичные именно для него были неоднократно подтверждены в научных исследованиях – см., например, [10]), происходит, но достаточно медленно. Важно также отметить, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла. Наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом.

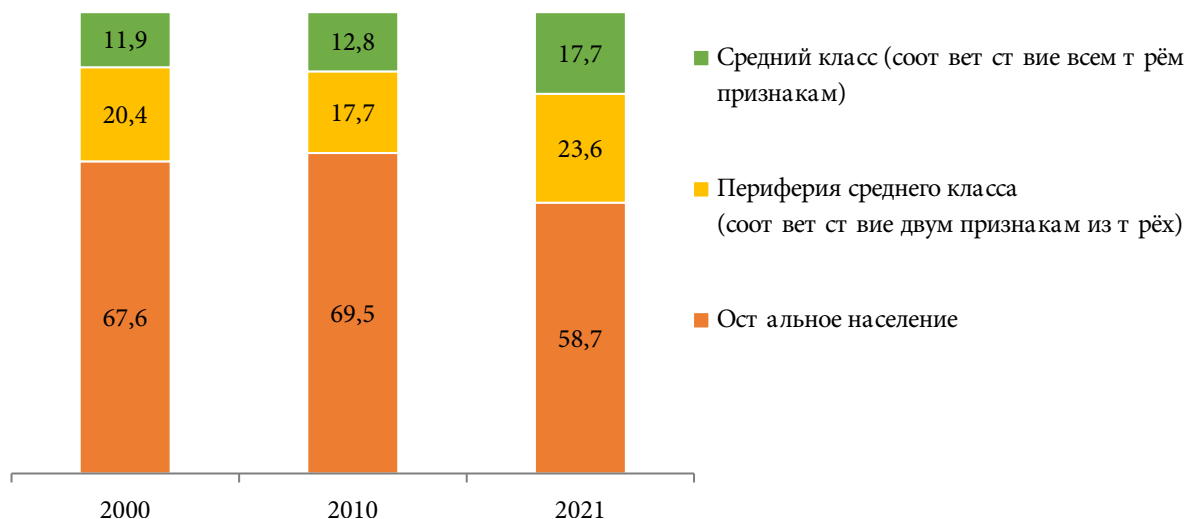

Рис. 3. Динамика доли среднего класса и других групп, выделенных в соответствии с многокритериальным подходом, среди работающих россиян 18–35 лет, 2000–2021 гг., %

Figure 3. Dynamics of the share of the middle class and other groups identified in accordance with the multi-criteria approach among working Russians aged 18–35, 2000–2021, %

Если говорить о барьерах, препятствующих попаданию российской молодёжи в состав среднего класса, то в 2021 г. наиболее «жёстким» критерием оказался уровень дохода (ему соответствовала треть работающей молодёжи, в то время как критерию образования – около 40%, а критерию профессионального статуса – более половины). В этом отношении ситуация в последние два десятилетия изменилась: в 2010 г., как и в 2000 г., основным блокирующим признаком вхождения в средний класс выступал уровень образования. Более того, в 2000 г. при определении среднего класса критерий профессиональной позиции оказывался даже жёстче, чем критерий дохода, – в силу более низкого медианного уровня доходов и меньшего их разброса среди молодёжи. В наши дни эти барьеры изменили свою сравнительную значимость по отношению друг к другу.

Таким образом, в российском обществе наблюдается постепенное расширение структурных позиций, отличающихся высоким уровнем образования и соответствующим профессиональным статусом. Однако от расширения пространства этих позиций, доступных для молодёжи, отстаёт рост доходов, которые они позволяют получать. Это приводит к тому, что доход выступает сегодня наиболее жёстким барьером для попадания работающей молодёжи в состав среднего класса. Это ставит

ряд вопросов к социально-экономической политике государства в отношении «нормирования» заработных плат и приведения их в большее соответствие с требуемым уровнем образования и квалификации.

В срезе различных профессиональных групп шансы на попадание в средний класс руководителей любых уровней и предпринимателей (но не самозанятых) наиболее велики и превышают 50%. Среди молодых специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, в состав среднего класса попадает менее половины – прежде всего, в силу недостаточности уровня доходов, которые они получают. Это может стимулировать накопление социально-экономического недовольства у молодых представителей данной профессиональной группы.

Субъективные социальные статусы молодых россиян и их запросы в этом отношении

Выше были рассмотрены некоторые особенности объективных статусов молодёжи и их динамика. Однако субъективные оценки социально-экономических явлений могут достаточно сильно отличаться от их объективного состояния [15; 16] и при этом оказывать на формирование социальной напряжённости и протестных настроений даже большее влияние [20]. В связи с этим важно проанализировать не только объективные структурные позиции, которые занимает сегодня российская молодёжь, но и восприятие ими этих позиций – то есть субъективные социальные статусы.

Инструментарий исследования позволял использовать для решения данной задачи ряд индикаторов, связанных с субъективной оценкой нынешнего статуса, статуса, положенного «по справедливости», а также желаемой позиции в обществе. Предыдущие исследования уже выявили некоторые особенности самооценок россиянами своего статуса. В частности, было показано, что люди соотносят себя не с обществом в целом, но с представителями близких позиций из схожих доходных, образовательных, профессиональных групп [13]. Это приводит к доминированию средних оценок в общей модели субъективной стратификации – то есть модели, построенной на основании субъективных оценок социального статуса. Данные свидетельствуют, что это характерно и для современной российской молодёжи. Так, на «социальной лестнице» из 10 ступеней, где 1 – самое низкое положение, а 10 – наиболее высокое, её представители чаще всего определяют себя на 5 или 6 позицию. Среднее значение оказывается равным 5,7, а медианной выступает 6-я ступень. В срезе разных молодёжных возрастных групп различий в этом отношении не наблюдается, и для среднего и старшего поколений также свойственны близкие оценки своего положения. Что касается прочих факторов дифференциации этих оценок, то на три верхние позиции сравнительно чаще ставят себя те, кто имеет доходы более 2-х медиан по типу поселения, высшее образование, а также те, кто имел высокообразованных родителей (хотя во всех этих группах также доминируют средние оценки своего положения).

Однако интерес представляет не только общая конфигурация модели субъективной стратификации, но и соответствие или же несоответствие запросов в отношении своего социального статуса реальному, которое может являться одним из источников социально-экономической напряжённости. В связи с этим важно оценить, как сегодня выглядят представления молодых россиян о том месте в обществе, которое в их понимании положено им по справедливости, а также о том, которое они хотели бы занимать.

Данные показывают, что запросы российской молодёжи в отношении своего статуса довольно высоки. Так, среднее значение их «справедливой» позиции оказывается равным 7,5, медианное – 8, а для желаемого ими места в обществе эти значения ещё выше и составляют 8,2 и 9,0 соответственно. Эти результаты свидетельствуют о заведомо завышенных ожиданиях молодых россиян (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Самооценка своего социального положения в настоящее время,
«положенного по справедливости»
и желаемого социального статуса россиянами 18–35 лет, 2021 г., %
*Self-assessment by Russians aged 18–35 of their current social status,
“fairly deserved” and desired social status, 2021, %*

Самооценка общественного положения	Положение сейчас	Положенное по справедливости	Желаемое положение
Наиболее высокое	1,9	15,2	33,7
9	3,0	14,4	17,5
8	9,4	24,8	21,9
7	15,6	18,0	12,3
6	24,3	11,4	4,4
5	23,3	9,7	3,8
4	13,2	3,5	1,6
3	6,8	1,7	1,8
2	1,7	0,8	1,2
Наиболее низкое	0,9	0,5	1,6
Среднее значение	5,7	7,5	8,2
Медиана	6,0	8,0	9,0

Положение, которое молодые россияне должны были бы, по их представлениям, занимать «по справедливости», отличается от их нынешнего положения на 2 ступени, а разрыв желаемого положения с нынешним ещё больше – 3 ступени (медианные значения). Чем ниже место в обществе, на которое помещают себя молодые россияне, тем выше соответствующие разрывы, что может означать накапливающееся недовольство молодёжи из нижних социальных слоёв несоответствием желаемого и действительного, хотя это недовольство связано не только с объективными барьерами для мобильности, но и с собственными завышенными ожиданиями молодых россиян.

Говоря об ожидаемой ими мобильности в будущем, современная российская молодёжь видит свои среднесрочные перспективы «в радужном свете»¹. По сравнению с тем положением, которое они занимают сейчас, 60,6% молодых россиян рассчитывают повысить его через 10 лет. Для 21,0% ожидаемое повышение составляет одну ступень, для остальных оно больше. Сохранения нынешнего положения ожидает в десятилетней перспективе каждый пятый россиянин 18–35 лет. Понижение собственного интегрального статуса предполагает аналогичная доля представителей молодёжи.

Показательно, что даже такие позитивные ожидания не в полной мере отвечают запросам россиян: их «справедливые» и тем более желаемые позиции в обществе оказываются выше тех, которые они предполагают занять к 2031 г. Иными словами, даже позитивные ожидания восходящей мобильности в следующие 10 лет не соответствуют той мобильности, которую молодые россияне должны были бы пройти в соответствии с их представлениями о справедливости.

Отметим, что ожидания молодёжи от будущего не являются лишь продуктом их возраста – хотя они и выше, но не демонстрируют качественных отличий от представлений остальных россиян, для которых также характерны мечты о «светлом будущем», но в среднесрочной, а не краткосрочной перспективе (см. табл. 7). Ожидания относительно мобильности в краткосрочной перспективе имеют иную конфигурацию. Говоря о ближайших 2–3 годах, молодёжь чаще всего не ожидает никаких изменений в своей жизни (46,3%), хотя 44,7% все же предполагают её улучшение, а каждый десятый – ухудшение.

Таблица 7 (Table 7)

Субъективная ожидаемая мобильность и мобильность «по справедливости»
среди россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %
*Subjective expected mobility and mobility “by fairness”
among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %*

Социальная группа	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
Ожидаемая мобильность через 10 лет		
Восходящая	60,6	53,8
Отсутствие мобильности	19,1	27,8
Нисходящая	20,3	18,4
Мобильность «по справедливости» (разница нынешнего статуса и статуса, положенного «по справедливости»)		
Восходящая	75,7	71,9
Отсутствие мобильности	16,4	21,3
Нисходящая	7,9	6,8

¹ Теоретически это могло бы способствовать повышению толерантности молодёжи к неравенствам [17], но на практике ожидаемая мобильность практически не оказывает влияния на восприятие ими неравенства.

Представления молодёжи о социальной справедливости и факторах жизненного успеха

Наконец, обратимся к вопросу о том, как при сложившихся объективных особенностях социальных статусов и их субъективного восприятия молодые россияне оценивают справедливость ситуации в российском обществе в целом и какие факторы считают ключевыми для социальной мобильности. В предыдущих исследованиях неоднократно отмечалось, что именно социальная справедливость является в представлениях россиян ключевым элементом желаемого будущего России [4; 7]; не отличается в этом смысле и молодёжь. При этом, как мы показали выше, справедливое для себя положение в социальной структуре общества она оценивает в массе своей гораздо выше своего нынешнего положения, причём для большинства её представителей подобные запросы вряд ли реализуются. В этих условиях особенно важно выявить специфику понимания молодыми россиянами тех факторов, которые, на их взгляд, обеспечивают продвижение к успеху в современном российском обществе. От того, насколько справедливыми или несправедливыми представляются им таковые, находятся они под контролем самого человека или являются следствием внешних, предписанных условий [18], зависит и степень социальной напряжённости в молодёжной среде.

Первое, что нужно отметить, – тот факт, что практически две трети молодых россиян в возрасте 18–35 лет считают устройство жизни в России несправедливым (65,9%, в том числе 18,4% полагают, что оно безусловно несправедливо). Эта доля лишь немногим ниже, чем среди взрослых россиян (69,8%). Разочарование в устройстве российского общества в этом отношении нарастает по мере взросления, хотя отличия между разными подгруппами молодёжи при этом не столь велики: даже среди самых молодых россиян в возрасте 14–17 лет более половины (57,7%) говорят о его несправедливости, в то время как в старшей подгруппе молодёжи аналогичная доля достигает 67,6%. Таким образом, ощущение несправедливости не дифференцирует между собой разные возрастные группы.

Некоторое влияние на эти представления оказывает объективный социальный статус, но и он не приводит к качественным различиям. Так, среди молодёжи, которую можно отнести к среднему классу, 60,3% также заявляют о несправедливости сложившегося в России положения дел (при 68,4% среди работающих россиян 18–35 лет, кто имеет лишь один признак принадлежности к среднему классу из трёх или не имеет таковых вовсе).

Представления молодёжи о справедливости в большей степени оказываются дифференцированы не по объективным, а по субъективным основаниям. В частности, более выражена связь представлений о справедливости и субъективной оценки своего положения в обществе. Так, если среди тех, кто поместил себя на три нижние позиции, более трёх четвертей уверены в несправедливости его устройства (75,7%),

то на трёх верхних позициях эта доля снижается до 55,7%; несколько уменьшается и интенсивность этого чувства (от трети полностью в этом уверенных до 12,0% соответственно).

При этом, однако, само понимание справедливости может быть различным в тех или иных группах. Дифференцирована ли в этом отношении российская молодёжь и отличается ли её представление о ключевых компонентах социальной справедливости от россиян из среднего и старшего поколений? Данные показывают, что общее представление о социальной справедливости свидетельствует скорее о солидарности между россиянами разных возрастов, чем о ценностном расколе между ними, хотя определённые различия в этом отношении всё-таки имеют место (см. табл. 8).

Так, и для молодёжи, и для россиян 36–65 лет наиболее значимым оказывается равенство всех перед законом – именно его отмечают в качестве ключевого элемента справедливого общества более 60% и младшей, и старшей возрастной группы. Далее по значимости для молодёжи следует принцип равенства возможностей, в том числе для детей с разными «стартовыми условиями». Третьим ключевым принципом справедливого общественного устройства выступает равный доступ к услугам, обеспечивающим накопление и поддержание человеческого капитала, – к медицинскому обслуживанию и образованию. Для старшего поколения тройку лидеров составляют эти же принципы, хотя равенство в доступе к здравоохранению и образованию оказывается для них более важным, чем равенство возможностей детей.

Для молодых россиян в бóльшей степени актуализирована проблема равного доступа к хорошим рабочим местам по сравнению со средним и старшим поколениями. При этом равенство уровня жизни и отсутствие в обществе бедных и богатых, наоборот, отмечается представителями молодёжи реже, чем россиянами 36–65 лет (32,8% и 37,1% соответственно). Таким образом, социальная справедливость связана для молодёжи в первую очередь с принципом равенства возможностей и институциональным устройством общества, обеспечивающим реализацию данного принципа на практике.

С учётом вышесказанного неудивительно, что в дилемме «равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни» – «равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей» 62,8% молодёжи выбирают первое. Эта убеждённость преобладает и у россиян 36–65 лет (56,9%), то есть по мере взросления россиян приоритет равенства возможностей не утрачивает для них своей значимости. В связи с этим несоблюдение на практике тех принципов, которые связаны с обеспечением равенства возможностей и которые молодёжь считает основополагающими для социальной справедливости, чревато накоплением социального недовольства.

Таблица 8 (Table 8)

Представления о социальной справедливости россиян 18–35 лет и 36–65 лет,
2021 г., %¹ (допускалось до трёх ответов)
*Social justice perceptions of Russians aged 18–35 and 36–65,
2021, % (up to three answers were allowed)*

В чём состоит социальная справедливость	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
В равенстве всех перед законом, чтобы нельзя было уходить от ответственности за разного рода преступления и даже ДТП только потому, что ты «начальство», богат или знаменит	60,7	61,9
В том, чтобы каждый мог достичь всего, на что он способен, а дети из разных по благосостоянию семей имели равные возможности для успеха в жизни	45,9	43,6
В равенстве доступа к необходимой медицинской помощи и качественному образованию, где бы ты ни жил и сколько бы денег у тебя ни было	41,4	46,0
В том, чтобы положение каждого члена общества зависело от его труда – его эффективности, тяжести, требующейся для него квалификацией и т. д.	35,0	34,4
В том, чтобы уровень жизни всех был примерно одинаковым, не было ни очень богатых, ни очень бедных	32,1	37,1
В равенстве доступа к хорошим рабочим местам, прекращении трудоустройства «по благу»	32,5	27,6

С другой стороны, нельзя не отметить постепенный переход со временем части сторонников равенства возможностей в лагерь сторонников равенства доходов. Данная тенденция наблюдается для всего населения, и молодёжь в этом смысле лишь отражает общий вектор. Так, в 2000 г. приоритет равенству возможностей отдавали три четверти россиян 18–35 лет, к 2011 г. их доля снизилась до двух третей (65,9%), а к 2021 г. – до чуть более 60%. Тем не менее представление о главенстве принципа равенства возможностей всё же продолжает преобладать среди россиян всех возрастов.

Важным элементом социальной справедливости, понимаемой через равенство возможностей, является и возможность улучшать своё положение, то есть социальная мобильность. Поэтому значимым видится анализ представлений молодых россиян о тех факторах, которые позволяют продвигаться вверх по «социальной лестнице» и добиваться успеха. Представления молодёжи об этих факторах представлены в табл. 9.

Как показывают данные, ключевыми в восприятии молодых россиян факторами достижения благополучия в современном российском обществе являются человеческий капитал (в тех его аспектах, которые связаны с образованием и полученной профессией, готовностью к труду, а также «мягкими» навыками самообучения и коммуникации; здоровье при этом отходит для молодёжи на второй план) и социальный капитал – наличие нужных связей. Ещё четверть молодых людей отмечает

¹ Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%.

среди факторов успеха материальные возможности родителей (обуславливающие стартовое неравенство возможностей), а также склонность к предпринимательству. Таким образом, в представлениях молодых россиян наиболее значимые в современном российском обществе факторы успеха неоднородны: некоторые из них зависят от самого человека и имеют легитимный характер, а другие связаны с особенностями семьи и окружения. При этом, рассуждая о факторах жизненного успеха, так или иначе связанных с образованием, молодёжь обращается в первую очередь к тем из них, которые описывают их собственный образовательный статус, в то время как образование родителей оказывается в их глазах незначимым. С точки зрения различных вариантов семейной поддержки в представлениях молодёжи гораздо важнее оказывается материальное положение родителей.

Таблица 9 (Table 9)

Представления о факторах жизненного успеха россиян 18–35 лет и 36–65 лет, 2021 г., %¹

Perceptions about the factors of success in life among Russians aged 18–35 and 36–65, 2021, %

От чего зависит жизненный успех	Молодёжь 18–35 лет	Россияне 36–65 лет
От уровня образования, знаний, навыков	43,3	43,5
От наличия нужных связей, знакомых, которые могут помочь «пробиться»	41,1	41,7
От готовности упорно трудиться, ответственности, надёжности	36,7	35,9
От выбранной профессии, специальности	35,0	34,5
От готовности развиваться, учиться, расти над собой	30,3	27,2
От умения строить отношения, коммуницировать	27,7	25,3
От «предпринимательской жилки»	25,9	21,2
От материальных возможностей родителей	24,2	26,6
От здоровья	21,0	24,3
От везения	19,4	21,1
От места проживания	17,6	18,9
От наличия диплома престижного вуза	17,6	17,1
От поддержки государством молодёжи, молодых семей, семей с детьми	17,2	16,3
От наличия надёжных друзей, которые могут поддержать в трудный момент	15,8	16,6
От успешного замужества (женитьбы)	9,8	9,7
От готовности пренебречь нормами морали	8,7	8,8
От образования родителей	5,4	4,8

¹ Фоном выделены факторы, ранговые позиции которых у молодёжи и россиян 36–65 лет различны.

В общей картине факторов успеха позитивным, с нашей точки зрения, индикатором выступает то, что готовность пренебречь нормами морали практически не воспринимается современной молодёжью как важный фактор успеха – его отмечают лишь 8,7%. Это позволяет утверждать, что расхожее предположение о резком снижении значимости морали в новых поколениях преувеличено, а молодёжь не слишком сильно отличается в этом отношении от старшего поколения. При этом само понимание моральных норм и их границ в младших и старших возрастных группах, безусловно, может различаться.

Сопоставление представлений молодёжи и россиян старших возрастов о факторах успеха позволяет сделать вывод о том, что их отличия не носят качественного характера, хотя место некоторых из них в общей иерархии факторов жизненного успеха у россиян 14–35 и 36–65 лет различается. Так, для россиян средних и младших возрастов большую роль играют материальные возможности родителей и здоровье человека, а для молодёжи – личностные особенности. Всё это свидетельствует о том, что представления об устройстве российского общества, принципах социальной справедливости и их воплощении на практике являются для населения страны консенсусными и входят в общую нормативно-ценностную модель, которую в полной мере разделяет и молодёжь.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что ощущающая свою нестабильность в краткосрочном периоде молодёжь остро воспринимает черты социальной несправедливости и неравенств, характеризующие современное российское общество, что является фактором накопления социально-экономического недовольства, могущего привести к росту протестных настроений.

Основные выводы

Объективные социальные статусы молодёжи можно охарактеризовать через положение её представителей в ключевых иерархиях по уровню образования, профессиональным позициям и уровню дохода. Уровень образования российской молодёжи в сравнении с началом XXI века заметно вырос, однако объективными барьерами для получения высшего образования выступают материальное положение домохозяйства, проживание в сельской местности и небольших городах, а также низкий уровень образования родителей.

Социально-профессиональная структура молодёжной группы за последние двадцать лет претерпела изменения, отразившиеся в снижении в её составе доли неработающих и рабочих за счёт роста численности служащих без высшего образования, работников торговли и сферы услуг, а также специалистов с высшим образованием или руководителей. Можно говорить об общем повышении профессиональных статусов молодых россиян, однако нужно понимать, что по многим аспектам занятости работники торговли и сферы услуг оказываются ближе к рабочим,

нежели к специалистам с высшим образованием, и рост их доли означает переход части молодёжи из «старого» рабочего класса в «новый», не расширяющий при этом их жизненные возможности. Пространство социально-профессиональных статусов молодёжи не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов.

Модель доходной стратификации, построенная на основании соотношения индивидуальных доходов с медианными значениями по типам поселений, также оказывается схожей для молодёжи и для россиян старших возрастов. Наиболее массовым выступает в ней медианный слой. По мере взросления молодёжи общая модель её статусов в доходной иерархии не меняется, соотношение благополучных и неблагополучных групп по доходам остаётся достаточно стабильным, составляя около 1/3 к 2/3.

Интегральные объективные статусы с учётом положения во всех трёх ключевых иерархиях можно проиллюстрировать с помощью оценки доли среднего класса среди молодых россиян. В состав среднего класса, выделенного по критериям образования, профессиональной позиции и дохода, попадает 17,7% работающей молодёжи, что близко к аналогичному показателю по взрослому населению. За последние два десятилетия доля представителей среднего класса среди молодёжи несколько возросла, что свидетельствует о постепенном расширении доступных для неё структурных позиций, обеспечивающих тот достаточно высокий «социальный стандарт», который является желаемым для россиян в целом. Однако и сегодня средний класс составляет среди молодёжи меньшинство, а доля тех, кто заведомо уже не сможет войти в его состав, превышает половину. Важно, что среди молодых специалистов, занятых на должностях, предполагающих высшее образование, в состав среднего класса попадают менее половины – в силу недостаточности уровня их доходов. Это может являться причиной накопления у них недовольства существующим положением дел.

В целом, говоря о пространстве объективных статусов молодёжи в современном российском обществе, можно констатировать, что молодёжь не оказывается в этом отношении в ущемлённом положении в силу специфики этапа жизненного цикла – наоборот, уже в молодёжной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом.

Что касается субъективных статусов, то молодые россияне в большинстве склонны помещать себя на средние позиции в обществе, как и граждане страны в целом. Однако то положение, которое они считают для себя «справедливым», как и желаемое ими положение, оказываются гораздо выше нынешнего, что отражает заведомо нереалистичные ожидания респондентов относительно социальной мобильности. При этом, говоря о будущем, молодые россияне достаточно оптимистичны – большинство их планирует повысить свой статус в течение следующих десяти лет. Однако ожидания от ближайших 2–3 лет более сдержанны, и в этом

отношении молодёжь также повторяет особенности всего российского населения, которое склонно верить в собственное «светлое будущее», но только в отдалённой перспективе.

Тревожным представляется тот факт, что ощущение несправедливости устройства современного российского общества является доминирующим во всех без исключения возрастных группах, в том числе и среди самых молодых россиян, причём эти представления мало связаны с их объективными статусами. В понимании справедливости население страны также в целом солидарно, хотя среди молодёжи большую сравнительную важность имеют все принципы, связанные с инструментализацией равенства возможностей. Ключевыми элементами справедливого общества молодые россияне видят равенство перед законом, равенство возможностей для детей из разных слоёв общества, равенство доступа к медицинскому обслуживанию и образованию. Отсутствие или слабая реализация этих принципов на практике будет служить одним из ключевых источников генерирования недовольства и социальной напряжённости среди молодёжи. Последнее особенно опасно, учитывая резко возросшие политические риски в контексте обострившейся в последние месяцы международной обстановки.

Как показало наше исследование, ключевые факторы достижения благополучия в современном российском обществе в восприятии молодых россиян неоднородны и включают в себя как зависящие от самого человека и имеющие меритократический характер (например, разное качество человеческого капитала) факторы, так и иные – например, социальный капитал, материальные возможности семьи. В этом отношении молодёжь также не отличается качественно от старшего поколения, разделяя схожие с ним представления о факторах успеха, а не предлагая альтернативную модель их видения. Эти представления ещё раз подчёркивают необходимость движения российского общества в сторону большего равенства возможностей – принципа, на который молодёжь предъявляет особенно высокий спрос.

Библиографический список

1. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68
2. Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тындик А. О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 3. № 27. С. 109–138.
3. Мареева С. В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

4. Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119
5. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности [Электронный ресурс]: аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://www.hse.ru/data/2022/03/14/1808800660/02_Mareeva_Inequality_in_Russia_NCMU_Site_03-2022.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
6. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7
7. Петухов В. В. Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 25–43. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
8. Пишняк А. И. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 57–84. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84
9. Римский В. Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27–36.
10. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.
11. Тихонова Н. Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086
12. Тихонова Н. Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 34–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56
13. Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 11–43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
14. Cojocar A. Fairness and inequality tolerance: evidence from the Life in Transition survey // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 590–608. DOI: 10.1016/j.jce.2014.01.003
15. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // Economics & Politics. 2018. Vol. 30(1). P. 27–54. DOI: 10.1111/eapo.12103
16. Hauser O. P., Norton M. I. (Mis) perceptions of inequality // Current Opinion in Psychology. 2017. Vol. 18. P. 21–25. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.07.024

17. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87(4). P. 544–566.
18. Krijnen J. M., Ülkümen G., Bogard J. E., Fox C. R. Lay theories of financial well-being predict political and policy message preferences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. Vol. 122(2). P. 310–336. DOI: 10.1037/pspp0000392
19. Larsen C. How three narratives of modernity justify economic inequality // *Acta Sociologica*. 2016. Vol. 59. No. P. 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
20. Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality // *Social Justice Research*. 2013. Vol. 26. P. 471–491. DOI: 10.1007/s11211-013-0198-7
21. Schneider S. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35. No. 3. P. 409–430. DOI: 10.1093/esr/jcz003
22. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London: Allen Lane, 2009. 330 p.

Получено редакцией: 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800

EDN: QINHEL

The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: s.mareeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Mareeva S. V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL

Abstract. This article examines the features of the social status of modern youth in its objective and subjective dimensions. The objective social statuses of young people are characterised by the position of their representatives in the key hierarchies in terms of education level, professional positions and income level. It is shown that the level of education of the Russian youth has increased noticeably over the past twenty years; the socio-professional structure of the youth group also underwent certain changes, reflected in a decrease in the proportion of the unemployed, as well as workers of various skill levels, in its composition. The space of socio-professional statuses of young people does not demonstrate significant differences compared to Russians of middle and older ages, and this is also typical for models of income stratification of these groups. In general, speaking about the space of the objective statuses of young people in modern Russian society, it can be stated that young people are not in a disadvantaged position in this respect due to the specifics of this stage of the life cycle – on the contrary, already in the youth group one can observe the existing configuration of the social structure, that is also characteristic of Russians of working age as a whole (that is reflected, in particular, in a similar share of the middle class in these groups). With regard to subjective

statuses, young Russians, like citizens in general, tend to place themselves in middle positions in society. However, the position they consider “fair” for themselves, as well as their desired position, turn out to be much higher than the current one, that can also lead to the accumulation of discontent, since it reflects obviously unrealistic expectations regarding social mobility. And although young Russians are quite positive about the medium-term future, their expectations for the next 2–3 years are more restrained. A negative indicator is the fact that young people share with adult Russians a sense of the unfairness of the structure of Russian society, and these perceptions have little to do with their objective statuses. At the same time, young Russians see principles related to the instrumentalisation of the principle of equal opportunities as key elements of a just society.

Keywords: sociology, youth, social status, middle class, subjective social status, justice, equality of opportunity

References

1. Kapeliushnikov R. I. Returns to education in Russia: Nowhere below? *Voprosy ekonomiki*, 2021: 8: 37–68 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68
2. Maleva T. M., Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. Middle classes at different stages of life course. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*, 2015: 27(3): 109–138 (in Russ.).
3. Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11(3): 78–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664
4. Mareeva S. V. Social justice and inequalities in views of Russians. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 2015: 7(2): 109–119 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119
5. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality in Russia on the background of other countries: income, wealth, opportunities. Analytical report. HSE University. Moscow, NIU VSHE, 2021. Assessed 10.04.2022. URL: https://www.hse.ru/data/2022/03/14/1808800660/02_Mareeva_Inequality_in_Russia_NCMU_Site_03-2022.pdf (in Russ.).
6. Model' dohodnoj stratifikacii rossijskogo obshhestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya [Income stratification model of the Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Ed. by N. Tikhonova. Moscow, Nestor Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.317544469-1419-7
7. Petukhov V. V. Ideological and political preferences of the Russians: changing of the discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2020: 8(4): 25–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
8. Pishnyak A. I. The population dynamics and mobility of the middle class in Russia, 2000–2017. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, 2020: 29(4): 57–84 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84
9. Rimskij V. L. Justice in contemporary Russia: dreams and use in social practices. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, 2013: 5: 27–36 (in Russ.).
10. Srednij klass v sovremennoj Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [The middle class in modern Russia. The experience of long-term research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2016: 368 (in Russ.).
11. Tikhonova N. E. Consequences of the 2020–2021 crisis for different professional groups in Russian society. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2021: 27(2): 46–67 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086
12. Tikhonova N. E. Various theoretical approaches to the Russian middle class: thresholds and internal structure. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, 2020: 29(4): 34–56 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56
13. Tikhonova N. E. Life success and social status factors in the minds of Russian. *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9(4): 11–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
14. Cojocar A. Fairness and inequality tolerance: evidence from the Life in Transition survey. *Journal of Comparative Economics*, 2014: 42 (3): 590–608. DOI: 10.1016/j.jce.2014.01.003
15. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 2018: 30(1): 27–54. DOI: 10.1111/ecpo.12103
16. Hauser O. P., Norton M. I. (Mis) perceptions of inequality. *Current Opinion in Psychology*, 2017: 18: 21–25. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.07.024
17. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *The Quarterly Journal of Economics*, 1973: 87(4): 544–566.

18. Krijnen J. M., Ülkümen G., Bogard J. E., Fox C. R. Lay theories of financial well-being predict political and policy message preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2022: 122(2): 310–336. DOI: 10.1037/pspp0000392
19. Larsen C. How three narratives of modernity justify economic inequality. *Acta Sociologica*, 2016: 59(2): 93–111. DOI: 10.1177/0001699315622801
20. Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality. *Social Justice research*, 2013: 26: 471–491. DOI: 10.1007/s11211-013-0198-7
21. Schneider S. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe. *European Sociological Review*, 2019: 35(3): 409–430. DOI: 10.1093/esr/jcz003
22. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London, Allen Lane, 2009: 330.

The article was submitted on: April 26, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Mareeva, Candidate of Sociological Sciences, Leading researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

САМООЦЕНКА И ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801

EDN: RVBQNP

Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым

Ссылка для цитирования: Чигрин В. А., Зоткин А. А., Городецкая Е. Г., Узунов В. В. Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

For citation: Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

Чигрин Виктор Александрович¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

sociochigrin@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 781656

Зоткин Андрей Алексеевич¹

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

and.zotkin@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 945103

Городецкая Елена Георгиевна¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

socio.evpatoria@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 1004599

Узунов Владимир Владимирович¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

vladimir.uzunov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 863513

Аннотация. В статье актуализированы вопросы информационной безопасности в условиях трансформаций медиапространства в регионах России (на примере Республики Крым). Внимание сконцентрировано на предпочтениях молодёжи относительно источников получения и использования получаемой информации. Определены основные контуры предпочтений в выборе источника информации. Показана специфика выбора информационных источников, характерных для молодёжи в Республике Крым. Помимо Интернета, для региональной молодёжи важным источником информации являются непосредственные социальные контакты и личное общение. В перечне интернет-источников преимущество имеют социально-сетевые информационные ресурсы. Доказано, что информационные предпочтения молодёжи и старших поколений не всегда совпадают. С этой целью приведены результаты социологических исследований, проведенных в 2018–2020 гг. в Республике Крым (до и во время пандемии коронавируса). Исследования показали, что именно дистанционное обучение и самоизоляция представляют собой факторы, которые расшатывают сложившуюся систему социальных отношений, социальной подчиненности и социального контроля. Особенное внимание уделено изучению проявления интереса молодёжи к информационным источникам экстремистского содержания. Выявлена половозрастная структура интересантов интернет-источников экстремистского содержания. Несмотря на то, что выявленные «группы риска» относительно невелики, для них существенно повышается вероятность участия в разного рода неформальных организациях, в том числе радикального характера. Проблема усугубляется скрытностью, размытостью существования таких групп, которые функционируют в информационном пространстве как гибкие и комбинаторные социальные образования, способные к быстрому структурному перестроению и возобновлению. Как показали результаты исследований, тенденция «ухода» молодёжи в виртуальное пространство усилилась фактором социальной изоляции и введением форм дистанционного обучения, способствовавшие размыванию жёстких социальных связей и заменой их «мягкими» (в соответствии с терминологией теории сетевого анализа). Показано, что государство и общество в интересах обеспечения внутренней стабильности и безопасности, безусловно, должны со всей серьёзностью принимать во внимание процессы трансформации медиапространства, куда переносится значительная доля активности современной молодёжи.

Ключевые слова: информационное пространство, Интернет, социальные сети, молодёжь, информационная безопасность, группы риска, пандемия коронавируса

В первой четверти XXI столетия, когда термин «информационное общество» стал обретать всё более реальные очертания и получать самое разнообразное, подчас противоположное, наполнение, следует констатировать, что именно состояние информационного пространства, или, как говорят политтехнологи, информационного поля, становится основой, формирующей ряд социальных практик. Как показывают многочисленные социологические исследования, эти практики могут носить как социально ориентированный характер, способствуя социальному прогрессу и воплощая в жизнь его высшие ценности, так и принимать асоциальные формы, в зависимости от характера, объёма, степени воздействия и типа источников информации. Возможно, именно поэтому на всех уровнях всё чаще поднимается вопрос о необходимости обеспечения информационной безопасности. Причём эта безопасность может касаться как общества в целом, так и каждого из его членов.

Информационная безопасность является одним из важнейших приоритетов государства в условиях современности, когда на глобальном уровне борьба ведётся не только и не столько путём военного противостояния, сколько методами информационного влияния. При ведении информационных войн главные атаки ведутся на общественное мнение и установки наиболее активных социальных групп, среди которых наиболее подверженной разного рода «неформальным» влияниям является молодёжь с её неокрепшими мировоззренческими и ценностными ориентациями.

Следует отметить, что проблема предупреждения экстремизма в молодёжной среде не нова для постсоветского пространства в целом и России в частности. Об этом свидетельствуют публикации, посвященные этой проблеме [7; 8; 2]. Тем не менее можем констатировать, что риски не снижаются. Их проявления были воплощены в трагических событиях в Керчи, Казани, Перми.

Вот только одна выдержка из крымского сетевого издания за июнь 2020 г.: «Двум подросткам, обвиняемым в подготовке террористического акта в учебных заведениях Керчи, продлена мера пресечения – содержание под стражей – до 18 июня, решение вынес Киевский райсуд Симферополя по ходатайству следствия, пишет издание “Аргументы недели” со ссылкой на ТАСС. Мальчики – 2004 и 2004 годов рождения были задержаны Федеральной службой безопасности 18 февраля этого года. По данным спецслужбы, подростки – сторонники экстремистской идеологии, последователи Владислава Рослякова, который убил людей в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 года.

Для совершения преступлений они составили планы вооружённых нападений, нашли в интернете инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств и схемы нужных им зданий. Параллельно подростки администрировали в соцсетях и мессенджерах “группы смерти”, в которых склоняли участников к совершению аналогичных преступлений»¹.

В этом контексте представляется целесообразным обратить внимание на необходимость активизации социологического мониторинга предпочтений молодёжи в информационном пространстве. Их анализ поможет раскрыть проблему сфер и направления информационного влияния, определить центры, референтные группы, лидеров, воздействующих на общественное мнение молодёжи. Наиболее эффективными инструментами в решении этих задач представляются именно мониторинговые социологические исследования, которые способны давать не только оперативную информацию о быстро меняющейся ситуации в медиапространстве, но и возможности прослеживать динамику и силу воздействия тех или иных факторов на протяжении определённого периода времени.

¹ Керченских последователей Рослякова оставили в СИЗО до середины июня // Безформата: сайт. URL: <https://sevastopol.bezformata.com/listnews/kerchenskih-posledovatelej-roslyakova/83297216/> (дата обращения: 21.02.2021).

Начальным вопросом в ключе указанной проблематики представляется определение структуры предпочтений различных групп регионального социума в информационном пространстве. Наши исследования, проводимые в Республике Крым и в Севастополе с 2014 по 2021 г., показывают, что если старшие поколения предпочитают традиционные источники информации – телевидение и даже газеты, то приоритеты молодёжи полуострова стали изменяться возрастающими темпами. Это порождает своеобразную «информационную вилку», которая создаёт прецедент несоответствия приоритетов в плане источников информации, и, как следствие, несоответствия оценок поступающей информации. Поэтому в данной работе мы концентрируем внимание на результатах опросов крымской молодёжи. В 2018 году, накануне выборов Президента РФ при участии авторов был проведён опрос студентов КФУ им. В. И. Вернадского (N = 1400). Отметим, что в опросе приняли участие студенты из Симферополя, Севастополя и Евпатории. Мы учитывали, что потребители информации отбирают для себя как наиболее приемлемые с точки зрения полноты восприятия носители (каналы) информации, так и информационные потоки определённой направленности (политическая, экономическая, культурная, спортивная и т. д.). Поэтому респондентам было предложено в первую очередь выбрать наиболее приемлемые для них информационные потоки, из которых они узнают о событиях в окружающем мире, выбирают наиболее интересные для них темы обсуждения. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 (Table 1)

Из каких источников Вы обычно узнаете о событиях
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What sources do you usually learn about events from?
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Социальные сети (по значимости): ВКонтакте (43,6%), Инстаграм (12,7%), РБК, Одноклассники, Яндекс новости, Телеграм, Твиттер, Пикабу, Adme	66,6
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	63,5
Общероссийские телеканалы (по значимости): Россия 24, Первый канал, Россия, НТВ, Рен ТВ	41,6
Интернет (иноязычные сайты): Ютуб, Гугл, The New York Times (16% респондентов названий сайтов не указали)	34,1
Случайные разговоры в общественных местах, слухи	24,2
Крымские телеканалы (по значимости): Крым 24, 1 Крым, Миллет, ИТВ, ИКС	15,5
Общественная организация, в которой состоите	8,8
Сайт КФУ	8,8
Газеты (по значимости): Крымская правда, Репортёр, Взгляд	6,7

Как следует из таблицы, в иерархии источников информации первенствуют социальные сети. Понятно, что с «глобальной паутиной» мы ничего поделать не сможем, но мы должны отметить опасные тенденции, которым подвержено совокупно почти 90% наших студентов.

Учёные во всем мире утверждают, что «большие данные», предлагаемые Интернетом и приобретающие формы экспансии, способны изменить наш образ жизни, труда и мышления, а жизнь даёт этому утверждению всё больше примеров некритического отношения части молодёжи к такого рода информационной экспансии.

Таким образом, во-первых, мы упираемся в информационный тупик. «Старые» факты, носящие традиционный характер, всё чаще подвергаются сомнению. Начинают пересматриваться понятия природы принятия решений, понятия ценности и справедливости. Мировоззрение, сотканное из понимания причин, теперь оспаривается доминированием корреляций.

Во-вторых, опасность заключается в том, что интернет-структуры следят за всеми, кто обращается к их информации. Затем респонденты «сбиваются» в группы, с которыми работают либо через Интернет, либо «живьём».

Приведённые выводы подтверждает и расширяет опрос, который был проведён методом простой случайной выборки в декабре 2020 г.¹ Сразу отметим, что в предпочтениях крымской молодёжи находят своё отражение как тенденции, характерные для общероссийского уровня (здесь мы опирались на данные многолетних социологических мониторингов молодёжи, изложенных в работах М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги [1], В. В. Радаева [5; 6]), так и специфические черты крымского социального и медийного пространства.

Как можно видеть из табл. 2, абсолютным приоритетом в информационных предпочтениях молодёжи пользуется Интернет (97,7%), что, безусловно, соответствует общим глобальным трендам, включая и местный тренд, зафиксированный в 2018 году. Привлекает внимание, что немаловажное значение для молодёжи в качестве источника информации имеет личное общение (69,7%). Можно предположить, что это характерно именно для регионального пространства, где непосредственные социальные коммуникации сохраняют относительно большую устойчивость, чем в мегаполисах и иных крупных социальных образованиях, в которых медиа-опосредованный характер социальных связей и отношений становится преимущественным. Но хотим подчеркнуть, что предпочтительным для наших респондентов является общение внутрипоколенное, т. е. общение со сверстниками, имеющими такой же несовершенный социальный опыт.

¹ Объём выборки составил 1200 респондентов в возрасте 18–35 лет по всем регионам Крыма (включая г. Севастополь). Выборка репрезентирует молодёжь Крыма по основным социально-демографическим показателям. Ошибка выборки ≈ 2,8%. Руководитель проекта – А. А. Зоткин, главный научный консультант проекта – В. А. Чигрин, организаторы опроса – Крымский филиал ФНИСЦ РАН и Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Таблица 2 (Table 2)

Предпочтения респондентами источников информации
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
Respondents' preferences for information sources
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%*
Телевидение	26,7
Интернет	97,7
Личное общение	69,7
Книги	45,8
Газеты и журналы	8,3
Радио	7,6

*Процент ответов более 100%.

Неожиданным результатом этого исследования стало выявление высокого уровня предпочтения получения информации из книг (45,8%). При этом мы допускаем, что предпочтения книг в качестве источника информации могут расходиться с повседневными практиками чтения. Необходимо учитывать, что период самоизоляции на фоне пандемии коронавируса хотя и ослабел, но не закончился. Примечательно, что телевидение как источник информации для молодёжи имеет довольно низкие позиции (26,7%), а печатная пресса (8,3%) и радио (7,6%) – едва ли не рудиментарный характер.

Интересы молодёжи к новостям распределяются следующим образом (табл. 3). Наибольший интерес вызывают международные новости (71,6%). Второе место по уровню приоритетности имеют общероссийские новости (54,3%). Данная структура имела бы логичное продолжение по локализации новостей. Тем не менее мы можем наблюдать, что интерес к местной новостной повестке (48,1%) выше, чем к региональной (39,3%). С одной стороны, это может свидетельствовать о тенденциях культурно-информационной глобализации молодёжи, которая не замыкается в своих интересах на локальных уровнях информационной повестки. С другой стороны, данное наблюдение фиксирует необходимость срочного решения задачи повышения эффективности региональных субъектов медиапространства.

Предпочтения в новостной тематике по сферам интересов можно распределить следующим образом: высший уровень (кино – 61,9%, наука и образование – 53,6%); высокий уровень (культура – 48,3%, происшествия – 47%, политика – 44,3%). Треть респондентов интересуется новостями технологий, моды, спорта и селебрити (знаменитостей). Более четверти опрошенных интересуются новостями экономики (29,3%) и игровой индустрии (27%). На фоне указанных сфер интересов религиозная тематика (12,5%) имеет крайне низкие позиции. И тех, кто вообще не интересуется происходящим вне его внутреннего мира, всего лишь 4,9%.

Таблица 3 (Table 3)

Какие новости Вас интересуют
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What kind of news are you interested in?
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Международные	71,6
Общероссийские	54,3
Местные (новости города/села)	48,1
Региональные	39,3
Не интересуюсь новостями	11,1
Затрудняюсь ответить	5,6

Конкретизация вопроса относительно источников получения информации и фокусировке на интернет-пространстве (табл. 4) показали, что наиболее популярным новостным источником в Интернете являются социальные сети (74,8%). Значительной долей внимания пользуются и новостные ленты (58,6%).

Таблица 4 (Table 4)

Какие источники в Интернете Вы используете для получения новостей
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What Internet sources do you use to get news? (multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Социальные сети	74,8
Новостные ленты	58,6
Сайты средств массовой информации	38,1
Блоги	36,5
Сайты новостных агентств	22,9
Официальные сайты органов государственной власти	17,9
Подкасты	17,7
Интернет-телевидение	17,1
Ничего из перечисленного не использую	4,5
Другое	0,6

Отметим, что так же, как и социальные сети, они относятся к оперативным и быстро обновляемым источникам новостей, что актуально для современной молодёжи, обладающей качествами высокой мобильности в условиях динамичного информационного пространства. Возможно, интерес к новостным лентам, предлагающим крайне сжатое изложение материала, продиктован элементами клипового мышления части молодёжи, которое, увы, быстро расползается даже в отечественном образовательном пространстве.

Средние позиции в этом перечне занимают сайты средств массовой информации (38,1%) и блогосфера (36,5%). В то же время официальные сайты органов государственной власти и интернет-телевидение заметно уступают вышеназванным источникам. Крайне низко оцениваются также сайты некоторых крымских вузов, к которым обращается 8,9% респондентов, отмечая, что заходят на эти сайты крайне редко, поскольку они «носят формальный характер и неинтересны».

Однако детализация исследования информационных предпочтений крымской молодёжи позволяет видеть специфику, характерную именно для этого социального и медиапространства, что отражено в табл. 5.

Таблица 5 (Table 5)

Для получения информации о ситуации в Крыму Вы используете следующие информационные ресурсы? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

Do you use the following information resources to obtain information about the situation in Crimea? (multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Читаю информацию на страницах в социальных сетях республиканской и местной власти	33,3
Смотрю общероссийские телеканалы, в том числе через Интернет	29,3
Смотрю, читаю, слушаю информацию на страницах сообществ в социальных сетях, посвящённых Крыму	28,5
Читаю информацию на официальных сайтах республиканской и местной власти	23,9
Смотрю крымские телеканалы, в том числе через Интернет	23,6
Читаю информацию на сайтах и на страницах в социальных сетях крымских информационных агентств	22,4
Смотрю, читаю, слушаю информацию на тематических сайтах и блогах, посвящённых Крыму	15,0
Затрудняюсь ответить	11,4
Крымские новости меня не интересуют	10,2
Читаю крымские газеты и журналы, в том числе через Интернет	6,0
Слушаю крымские радиостанции, в том числе через Интернет	4,7
Другое	0,7

По результатам опроса, молодые крымчане для получения информации о ситуации в Крыму, прежде всего, используют соцсети. Так, например, треть респондентов источником информации о ситуации в Крыму назвали страницы в социальных сетях республиканской и местной власти (33,3%) и страницы сетевых сообществ, которые посвящены Крыму (28,5%). Заметим, что в Крыму довольно велика доля сообществ, отражающих текущую ситуацию в критическом ключе. Также важным источником информации являются общероссийские телеканалы (29,3%).

С отрывом от уже названных источников идут официальные сайты органов власти (23,9%), крымские региональные телеканалы (23,6%) и тематические сайты и блоги, посвящённые Крыму (15%). Чтение

крымской прессы (6%) и прослушивание крымских радиостанций (4,7%) предпочитает крайне малая часть респондентов. Кстати, последнее фиксируется и в других регионах России, а также в государствах, возникших на постсоветском пространстве, в частности в Беларуси, Украине и странах Прибалтики.

Следует отметить, что для этих альтернатив мы специально ввели уточнение («в том числе через Интернет»), что, как оказалось, не влияет на уровень их популярности у молодёжной аудитории. Это, в свою очередь, позволяет оценивать результаты, в том числе отображённые и в табл. 1 и 2, как вполне соответствующие объективным тенденциям и сигнализирующие о необходимости модернизации указанных источников информации.

Изложенные выше наблюдения позволяют говорить о слабой развитости блогосферы в крымском медиапространстве, которая, будучи пока свободной, рано или поздно будет кем-то и чем-то занята.

В марте 2020 года Крымским филиалом ФНИСЦ РАН проводилось ещё одно полевое исследование [8], масштабы которого (N = 2500) позволяют утверждать его репрезентативность. В этом исследовании задавались вопросы подросткам и молодёжи об их интересе к сайтам экстремистских направлений, внесенным законодательством и нормативными документами РФ в соответствующие документы (реестры). Результаты можно видеть в табл. 6.

Таблица 6 (Table 6)

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Каково твоё отношение к этим сайтам?» (по полу, возрасту), %
Distribution of respondents' answers to the question:
“What is your attitude towards these sites?” (by sex, age, %)

	Муж.	Жен.	16–17	18–21	22–24
Я был на этих сайтах и ничего плохого не увидел, захожу туда часто	2,6	2,3	2,2	2,7	2,0
Смотрел вскользь, а ничего, «прикольно», хотя я этим не увлекаюсь	4,1	1,9	2,8	2,3	2,0
Меня такие сайты не интересуют вообще, предпочитаю ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Телеграм и др.	80,9	89,1	86,3	87,0	90,0
Затрудняюсь ответить	12,4	6,8	8,7	8,1	6,0

Если более глубоко рассмотреть полученные данные, то можно увидеть, что напрямую на подобные сайты заходят лишь 4,7% респондентов, но нами были установлены так называемые «группы риска». Так, юноши чаще интересуются подобными сайтами, чем девушки, а наиболее опасный возраст молодёжи, интересующейся экстремистскими сайтами, колеблется между 16 и 21 годами. В 22 года молодёжь интересуется такими сайтами все меньше, а к 25 годам перестаёт проявлять к ним интерес вообще.

Кроме того, интернет-влияние оказывается на подростков и молодёжь не только через явно экстремистские сайты, но и через «раскрученные» сайты вроде бы мирной направленности. Следует отметить, что

степень влияния подобных ресурсов на подростков и молодёжь носит индивидуальный характер и в гораздо большей степени демонстративна, чем реальна.

Мы проверили, как влияют все эти сайты на возможность участия подростков и молодёжи в различных неформальных группах и организациях, в том числе и экстремистской и террористической направленности. Полученные данные, представленные в табл. 7, по нашему мнению, вызывают тревогу.

Таблица 7 (Table 7)

Влияние сайтов на возможность участия в неформальных организациях, %
Influence of sites on the possibility of participation in informal organisations (%)

Как влияют сайты на возможность участия подростков и молодёжи в различных неформальных группах и организациях	Я охотно принял бы в ней участие	Посмотрел бы, чем они занимаются, но участия скорее бы не принял	Трудно сказать, я над таким вообще не задумывался	К деятельности подобных групп отношусь негативно, но мешать бы им не стал	Я противник всякого рода тайных сообществ и нашёл бы кому об этом рассказать
Я был на этих сайтах и ничего плохого не увидел, захожу туда часто	29,0	25,8	25,8	6,5	12,9
Смотрел вскользь, а ничего, «прикольно», хотя я этим не увлекаюсь	11,8	29,4	26,5	23,5	8,8
Меня такие сайты не интересуют вообще, предпочитаю ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Телеграм и др.	1,7	15,0	36,3	18,3	28,6
Затрудняюсь ответить	2,6	18,4	36,8	10,5	31,6

Представленная таблица двумерных распределений наглядно свидетельствует о том, что 29% респондентов из вероятной «группы риска», стабильно посещая экстремистские сайты, демонстрируют потенциальную готовность к участию в различных тайных экстремистских группах. В усреднённом же виде сторонников вступления в эти группы и организации насчитывается лишь 2,5%, хотя предрасположение к ознакомлению с деятельностью этих групп имеют примерно половина из 14,6% респондентов.

Преувеличенная подростковая и молодёжная солидарность, стремление «поддержать друга» часто играют плохую роль в предупреждении возникновения и функционирования экстремистских групп, предупреждении группового или одиночного терроризма, хотя многие понимают, что подобная деятельность может вызвать гибель невинных людей. Отметим, что

мотивы групп риска расширились в процессе самоизоляции в период пандемии коронавируса, особенно жёсткой в 2020 году. При этом следует помнить, что молодёжь концентрируется не только в вузах. К. В. Подъячев и И. А. Халий справедливо отметили, что в современных условиях вне зоны внимания остаётся наименее благополучная часть молодёжной когорты – учащиеся колледжей, училищ и техникумов [4, с. 272]. Это необходимо иметь в виду, особенно в периоды повышения социальных рисков, к которым относятся и эпидемиологические угрозы, и принимаемые меры безопасности, сопутствующие им, нарушающие привычный образ жизни людей.

В процессе обсуждения вопросов анкеты мы вынуждены были доказывать необходимость ряда вопросов, связанных с дистанционным обучением и самоизоляцией обучающейся молодёжи. Действительно, прямая взаимосвязь между этими массовыми явлениями с подростково-молодёжным экстремизмом внешне не просматривается, но на самом деле, в отличие от наших оппонентов, мы ясно понимали, что именно дистанционное обучение и самоизоляция представляют собой факторы, которые расшатывают сложившуюся систему социальных отношений, социальной подчинённости и социального контроля.

Каковы же, по мнению самих респондентов, причины вступления подростков и молодёжи в подобные группы? Обратимся к данным, представленным в табл. 8.

Теперь проанализируем их позиции по убывающей, осуществив кластерный анализ причин, составляющих категории риска.

Первое место – в числе причин, подталкивающих к участию в экстремистских группах, респонденты называют депрессию, отсутствие уверенности в реализации жизненных планов. Более всего подвержены этим чувствам девушки. По возрастам депрессионный пик приходится на 22–24 года, когда заканчивается учёба в колледже или вузе, а устойчивого профессионального и социального статуса нет. В этой ситуации, скорее, возможны единичные акты девиаций в социальном поведении.

Второе место – безразличие к возможным причинам проявления экстремистских или террористических тенденций. Практически безразличны к ним и юноши, и девушки, а также все основные подростковые и молодёжные категории, за исключением самых старших, которым нужно задумываться о будущем уже не виртуально, а предметно.

Третье место занимает тема поднятия интереса к себе, повышения авторитета в своём кругу. Эта тема имеет в основном психологическую подоплёку. Оригинальничание, выпячивание своих реальных или вымышленных достоинств – вполне распространённая практика, частью которой является «приоткрывание» своего участия (в том числе и мнимого) в каких-то тайных обществах или группах. Как правило, эта тема имеет тенденцию рассыпаться, как только формируются реперные точки статуса – социального, профессионального, семейного. К сожалению, в условиях неустойчивости ситуации вспышки группового и индивидуального экстремизма и терроризма резко возрастают. В Крыму подобная ситуация может возникнуть вследствие экономических последствий пандемии.

Таблица 8 (Table 8)

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как ты думаешь, почему всё же молодые люди, парни и девушки
вступают в подобные группы?» (по полу, возрасту), %

*Distribution of respondents' answers to the question:
“Why do you think young people, boys and girls still join such groups?” (by sex, age), %*

Ответы на вопрос	В целом	Муж.	Жен.	16–17	18–21	22–24
Из-за депрессии, отсутствия уверенности в реализации жизненных планов	35,0 (1)	33,0	41,4	36,2	44,4	54,0
Я вообще-то над этим даже не задумывался	31,7 (2)	37,4	33,5	36,2	31,8	26,0
Для поднятия интереса к себе, повышения авторитета в своём кругу	31,0 (3)	33,3	34,5	33,1	38,7	28,0
Считаю, что так можно бороться против притеснения моих прав и свобод	21,2 (4)	24,1	22,9	22,3	28,4	26,0
Потому что относят себя к людям неформальных и нетрадиционных ориентаций	16,1 (5)	15,0	19,2	17,7	19,5	12,0
Считают себя противниками государственной идеологии и вектора развития страны	13,2 (6)	16,3	13,6	12,9	18,4	24,0
Потому что в такой группе участвует любимый человек	12,7 (7)	16,5	12,5	14,0	14,9	10,0
В результате агитации людей определённой веры	12,0 (8)	13,7	12,9	11,7	17,2	20,0
Считают, что так смогут поднять свое материальное благосостояние	11,4 (9)	15,0	11,2	12,0	13,4	10,0
Считают, что права их нации ущемляются	9,4 (10)	9,6	10,7	11,5	7,7	6,0
Думают, что террор может остановить рост безработицы	3,6 (11)	5,2	3,3	4,4	3,5	2,0

Четвёртое место тесно связано с характерным для нынешних подростков и молодёжи эгоцентризмом, ценностными ориентирами на гедонизм, вседозволенность и безнаказанность. К сожалению, все попытки обеспечения социального контроля со стороны родителей или преподавателей, представителей правоохранительных органов воспринимаются как покушение на личные права и свободы. Отметим, что нередко их крайне болезненная реакция приводит к насилию по отношению к «агрессорам». При этом потенциал таких озлобленных «защитников своих прав и свобод» составляет примерно пятую часть крымских подростков и молодёжи, что выше, чем в среднем по России.

Следующие группы причин – менее массовые, но иногда более опасные, поскольку имеют тенденцию приобретать групповой характер.

Пятое место – отношение себя к людям неформальных или нетрадиционных ориентаций. Выше мы подробно описали эту категорию подростков и молодёжи. К сожалению, до Крыма докатилась и эта волна молодёжного экстремизма. Хотим предположить, что мужской гомосексуализм менее развит, поскольку ведущими этносами Крыма он не

поощряется. Зато можно говорить о распространённости всякого рода неоязычников, «готов», псевдопатриотических (на самом деле – националистических) групп и организаций. Этим пользуются эмиссары из-за рубежа, задача которых – противопоставить друг другу этносы Крыма, стравить их между собой, вызвав социальную нестабильность. Об этом мы писали выше. Группа риска – возраст 16–21 год.

Шестое место – противники государственной идеологии и вектора развития страны. Наши респонденты считают, что таких в среде крымских подростков и молодёжи – примерно 13%. Но и это немало в оценочном плане. Откуда берётся подобное убеждение? Из Интернета, в первую очередь из «благопристойных» сайтов, о чём мы писали выше. Достаточно вспомнить, сколько на этих сайтах было размещено фейков в отношении голосования по поправкам, и как организовывались протестные мероприятия на основе этих вбросов в социальные сети, 90% которых посещают наши респонденты.

Седьмое место – «любимый человек». Мы уже рассматривали эту ситуацию и получили довольно небольшие цифры. Но вот сами респонденты, как бы со стороны, считают, что за «любимым человеком» могут пойти в огонь и воду 12,7% подростков и молодёжи. Пожалуй, можно согласиться с подобным утверждением наших респондентов, поскольку психологическая зависимость от людей, к которым испытывают первые чувства, представляется реальной. С возрастом эта зависимость уменьшается, но при определении причин совершения экстремистских или террористических действий следует учитывать, что данный приём особенно активно используется для подготовки шахидок различными мусульманскими группировками, в том числе членами «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Восьмое место – агитация со стороны адептов определённой веры, которая собирает 12% голосов респондентов. Здесь просматривается близость данной причины с причиной № 5.

Девятое место – стремление через террор «улучшить своё материальное благосостояние». Одиннадцать процентов респондентов считают, что юные и молодые экстремисты и террористы вступают на этот скользкий путь с целью обогащения.

Десятое место – пресловутый «национальный вопрос». Мы уже говорили, что в число целей украинской политики в Крыму входило и, судя по всему, входит и сегодня цель противопоставления друг другу многочисленных этносов Крыма. На подобную возможную причину терроризма и экстремизма указывают 9,4% респондентов. Поэтому уменьшать данный фактор сегодня не следует.

Наконец, *одиннадцатое место* не имеет весомого процента ответов. Хотя возможная потеря работы, невозможность получить легальную оплачиваемую должность подтолкнули бы к участию в протестных акциях 14% наших респондентов.

Такова, по мнению подростков и молодёжи, реальная градация причин вступления молодых крымчан в экстремистские и террористические группы либо самостоятельного осуществления экстремистских и террористических действий.

В заключение отметим, что государство и общество в интересах обеспечения внутренней стабильности и безопасности, безусловно, должны со всей серьезностью принимать во внимание процессы трансформации медиапространства, куда переносится значительная доля активности современной молодежи. В свою очередь, регулярно проводимые социологические исследования способны дать оперативную информацию для выявления имеющихся и предупреждения вероятных в будущем проблем.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
2. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи (сборник статей) / Под ред. Г. Н. Чусавитиной, Л. З. Давлеткириевой, Е. В. Черновой. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 162 с.
3. Мониторинг обстановки в образовательных организациях Республики Крым и анализ деятельности молодежных субкультур в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (апрель–май 2020 г.). Симферополь: архив КФ ФНИСЦ РАН, 2020. 117 с.
4. Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
5. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
6. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 4. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Солдатова А. В. Проблемы обеспечения информационной безопасности детей в сети «Интернет» // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 775–786.
8. Солдатова Г. У., Львова Е. Н., Чигарькова С. В. Стратегии обеспечения безопасности в социальных сетях // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018. С. 2187–2194.

Получено редакцией: 17.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель и главный научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Городецкая Елена Георгиевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Узунов Владимир Владимирович, доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801

EDN: RVBQNP

Dynamics and Structure of Youth Preferences in the Information Space of the Republic of Crimea

Victor A. Chigrin

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: sociochigrin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5110-5070

Andrey A. Zotkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: and.zotkin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4681-5809

Elena G. Gorodetskaya

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: socio.evpatoria@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9767-9803

Vladimir V. Uzunov

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7070-7867

For citation: Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

Abstract. The article actualises the issues of information security in the conditions of transformations of the media space in the regions of Russia (on the example of the Republic of Crimea). Attention is focused on the preferences of young people regarding the sources of obtaining and usage the information received. The main contours of preferences in the choice of information source are determined. The specificity of the choice of information sources typical for young people in the Republic of Crimea is shown. In addition to the Internet, an important source of information for regional youth is direct social contacts and personal communication. In the list of Internet sources, social network information resources have an advantage. It is proved that the information preferences of young people and older generations do not always coincide. For this purpose, the results of sociological studies conducted in 2018–2020 in the Republic of Crimea (before and during the coronavirus pandemic) are presented. Studies have shown that it is distance learning and self-isolation that are factors undermining the existing system of social relations, social subordination and social control. Particular attention is paid to the study of the manifestation of youth interest in information sources of extremist content. The gender and age structure of those interested in Internet sources of extremist content has been revealed. Despite the fact that the identified “risk groups” are relatively small, they significantly increase the likelihood of participating in various kinds of informal organisations, including those of a radical nature. The problem is exacerbated by the secrecy and vagueness of the existence of such groups that

function in the information space as flexible and combinatorial social formations capable of rapid structural change and renewal. As the results of the research showed, the tendency of young people to “leave” into the virtual space was intensified by the factor of social isolation and the introduction of forms of distance learning, that contributed to the erosion of strong social ties and their replacement with weak ones (in accordance with the terminology of network analysis theory). It is shown that the state and society in the interests of ensuring internal stability and security, should, undoubtedly, must seriously take into account the processes of transformation of the media space, where a significant proportion of the activity of today’s youth is transferred.

Keywords: information space, Internet, social networks, youth, information security, risk groups, coronavirus pandemic

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Moscow, FNISTS RAN, 2020: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
2. Informacionnaya bezopasnost` i voprosy profilaktiki kiberekstremizma sredi molodyozhi (sbornik statej) [Information security and prevention of cyber extremism among youth (collection of articles)]. Ed. by G. N. Chusavitina, L. Z. Davletkirieva, E. V. Chernova. Magnitogorsk, MaGU, 2013: 162 (in Russ.).
3. Monitoring obstanovki v obrazovatelnyx organizacijax Respubliki Krym i analiz deyatelnosti molodezhnyh subkultur v selah vliyavleniya faktov rasprostraneniya ekstremistskoj ideologii: nauchnyi otchet KF FNISCz RAN [Monitoring the situation in educational institutions of the Republic of Crimea and analyzing the activities of youth subcultures in order to identify the facts of the spread of extremist ideology: a scientific report of the Crimean Branch FCTAS RAS (April–May 2020)]. Simferopol, archive of the Crimean Branch FCTAS RAS, 2020: 117 (in Russ.).
4. Podyachev K. V., Khaliy I. A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *RUDN Journal of Sociology*, 2020: 20 (2): 263–276 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
5. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical Justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 26: 3: 30–63 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
6. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical Justifications. (Ending). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 26: 4: 31–60 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Soldatova A. V. Problems of ensuring the information security of children on the Internet. In XXI International Conference in memory of Professor L. N. Kogan “Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research”. March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg, UrFU, 2018: 775–786 (in Russ.).
8. Soldatova G. U., Lvova E. N., Chigarkova S. V. Security assurance strategies in social networks. Human psychology as a subject of knowledge, communication and activity. Ed. by V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev. Moscow, IP RAN, 2018: 2187–2194 (in Russ.).

The article was submitted on: April 17, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor A. Chigrin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, supervisor and chief researcher of the Crimean Branch of FCTAS RAS

Andrey A. Zotkin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Elena G. Gorodetskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Crimean Branch of FCTAS RAS

Vladimir V. Uzunov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Crimean Branch of FCTAS RAS

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.796

EDN: SCUIOT

К вопросу о философско-методологических основаниях теории устойчивого развития в социальных науках

Ссылка для цитирования: Закиров И. З. К вопросу о философско-методологических основаниях теории устойчивого развития в социальных науках // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 200–219. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.796; EDN: SCUIOT

For citation: Zakirov I. Z. On the question of the philosophical and methodological foundations of the theory of sustainable development in the social sciences. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 200–219. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.796; EDN: SCUIOT

Закиров Ислам Зуфарович¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

zakirov4p@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлен аналитический обзор теоретических концептов, лежащих в основе весьма популярной ныне теории устойчивого развития. В докладе Всемирного экономического форума «The Global Risks Report 2021» отмечалось, что экологические риски являются основным вызовом для мирового хозяйства. В связи с интенсификацией экологических рисков особую актуальность приобретают идеи устойчивого развития. Впервые понятие «устойчивое развитие» было использовано в 1980 г. во «Всемирной стратегии охраны природы». Однако сама проблема стала активно изучаться как в России, так и за рубежом с 1970-х годов. В настоящее время исследование устойчивого развития носит междисциплинарный характер. Цель данной работы – выявить социально-философские и политэкономические предпосылки и основания теории устойчивого развития. Научная значимость данной работы обусловлена широким охватом рассматриваемых концепций (философских, социологических, политэкономических). Проведённый автором теоретический анализ позволил установить, что истоки теории устойчивого развития находятся в учениях физиократов (Ф. Кенэ и др.) о плодородных свойствах земли и Т. Мальтуса об ограниченности природных ресурсов.

Другим истоком теории устойчивого развития являются позитивистские теории прогресса (О. Конт, Г. Спенсер). Проблема устойчивого развития находит уникальное преломление в работах С. Н. Булгакова и А. Бергсона, исследующих соотношение жизни и материи, в работах У. Бека, изучающего «общество риска», и в работах Н. Лумана, рассматривающего проблему экологического неравновесия через призму системной теории.

Классики политической экономии (Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл) уделяли мало внимания проблеме ограниченных ресурсов. По мнению современного американского социального мыслителя Г. Дэйли, творчество классиков политэкономии пришлось на этап

Промышленной революции, когда человечество существовало в условиях «пустого мира» (с безграничным пространством и обилием ресурсов). Переход к «полному миру», произошедший в последней трети XX в., ознаменовал собой отказ от идеи о безграничном пространстве и изобилии ресурсов. Основной вывод проведённого автором анализа литературы состоит в том, что теория устойчивого развития является открытым интеллектуальным проектом, черпающим своё вдохновение из разных источников. Представленный анализ также помогает понять логику новейших исследований, согласно которым теория устойчивого развития должна стать не столько научным, сколько социально-философским и политическим предприятием.

Ключевые слова: социология, социальные науки, устойчивое развитие, органическое развитие, ноосфера, ограниченность ресурсов, экологические риски, экологические движения

Охватившая мир в последние годы экономическая и социальная турбулентность, проявляющаяся сейчас в политической нестабильности, актуализирует поиски альтернативных путей развития человечества. Популярность теории устойчивого развития, по нашему мнению, обусловлена также увеличением частоты природных и техногенных катаклизмов. В докладе Всемирного экономического форума «The Global Risks Report 2021» экологические риски признаются критичными как с точки зрения вероятности реализации данных рисков, так и с точки зрения их последствий.

Несмотря на то, что теории устойчивого развития более полувека, работ, посвящённых исследованию истоков данной теории, немного. Данная проблема осложняется тем, что теория устойчивого развития разрабатывается на стыке социологии, экономики и экологии, поскольку устойчивое развитие возможно при достижении социальной, экономической и экологической устойчивости. В данной работе предпринята попытка провести системный анализ теоретических концептов, так или иначе связанных с проблемой сбалансированного развития общества и природы.

Постановка проблемы. Истоки и история идеи

Теория устойчивого развития начала развиваться в последней трети XX в. Знаковыми работами и документами первого этапа её развития стали: Стокгольмская декларация по проблемам окружающей человека среды (1972), доклады Римского клуба «Пределы роста» (1972) и «Человечество на перепутье» (1974). В Советском Союзе проблемами устойчивости занимался Т. С. Хачатуров. Он придавал большое значение исследованию взаимосвязи экономического развития, социального благополучия и сохранения природы, полагал, что гармоническое развитие возможно путём достижения баланса между тремя компонентами системы: экономический, социальный и экологический.

Первым официальным документом, в котором было использовано понятие «устойчивое развитие», стала «Всемирная стратегия охраны природы» (1980). В 1987 г. Международная комиссия по вопросам окружающей среды и развитию в докладе «Наше общее будущее» сформулировало самое распространённое на сегодняшний день определение: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [15].

С. Н. Бобылёв отмечает, что в научной среде в настоящее время отсутствует консенсус в определении понятия «устойчивое развитие». В качестве альтернативных С. Н. Бобылёв приводит следующие определения [6, с. 80]:

- развитие, которое не возлагает дополнительные затраты на следующие поколения;
- развитие, которое минимизирует отрицательные внешние эффекты между поколениями;
- развитие, которое обеспечивает сохранение агрегированного капитала во времени и на перспективу;
- развитие, при котором человечеству необходимо жить только на проценты с природного капитала, не затрагивая его самого.

Мы предлагаем определить «устойчивое развитие» как социально-экономическое развитие, которое обеспечивает воспроизводство природных ресурсов, не ведёт к необратимым процессам деградации окружающей среды и не создаёт дополнительные риски для благополучия следующих поколений.

Физиократия

Ключевая идея, которую разделяли физиократы, состоит в представлении о плодородных свойствах земли. Согласно учению физиократов, добавочная стоимость создаётся в земледелии, а единственным производительным классом является класс людей, занятых в сельском хозяйстве.

Несмотря на критику физиократов, подавляющее большинство исследователей вплоть до Промышленной революции разделяли представление об особой роли сельского хозяйства. Так, У. Петти считал: «Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать» [16, с. 60]. По словам М. Блауга, «Смит был убеждён, что главным источником богатства Британии является не промышленность, а сельское хозяйство» [5, с. 48].

Теория физиократов представляет собой способ осмысления действительности в эпоху до Промышленной революции, отражающий реалии эпохи, в которую сельское хозяйство было главной отраслью материального производства. В этой отрасли ограниченность природ-

ных ресурсов очевидна, равно как и значимость негативных внешних эффектов, которые уменьшают урожай и тем самым снижают вероятность выжить. Угроза голода и смерти из-за неурожая способствовала созданию таких институциональных соглашений, при которых негативные внешние эффекты оказывались интернализированными в издержках экономических агентов.

В наши дни в зелёной экономике идеи физиократов переживают определённый ренессанс. Одной из основных идей как теории физиократов, так и теории устойчивого развития наших дней является идея о том, что природные ресурсы обладают полезностью (в старой формулировке, «земля обладает плодородными свойствами»). На её основе формируется императив: текущее потребление природных ресурсов не должно ставить под угрозу благополучие следующих поколений.

Мальтузианство

Дальнейшее исследование проблемы ограниченности ресурсов осуществил Т. Р. Мальтус. В работе «Опыт закона о народонаселении» Мальтус показывает, что население увеличивается в геометрической прогрессии, в то время как средства для существования увеличиваются в арифметической прогрессии [14]. При ограниченности ресурсов и убывающем плодородии почв опережающие темпы роста населения приводят к голоду. По мнению Мальтуса, голод, войны и эпидемии являются естественными механизмами регуляции численности населения.

Широко распространённым в современной экономической теории является представление о том, что «мальтузианская ловушка» является проклятием тех стран, которые не прошли через промышленную модернизацию. Промышленная революция позволила странам Западной Европе в первой половине XIX в. вырваться из «мальтузианской ловушки». Средства для существования росли темпами, превышающими темпы роста населения. Данное обстоятельство значительно снизило нагрузку на ограниченные природные ресурсы. Последующие за этим демографические переходы (второй, третий и четвёртый) также действовали в направлении снижения нагрузки на ограниченные природные ресурсы. Однако следствием взрывного роста численности населения в развивающихся странах, и прежде всего в странах Африки, стало появление неомальтузианских идей. Неомальтузианские идеи оказали огромное влияние на теоретиков Римского клуба.

Как было сказано выше, от физиократов теория устойчивого развития позаимствовала представление о том, что земля и природные ресурсы являются компонентами агрегированного капитала, от которого зависит благосостояние текущих и будущих поколений. От Мальтуса теория устойчивого развития позаимствовала идею об ограниченности ресурсов, а «железный закон Мальтуса», согласно которому рост населения сопровождается снижением заработной платы, трансформировался в нынеш-

них условиях в представление о том, что повышение интенсивности использования природных ресурсов в настоящем приведёт к снижению благосостояния в будущем. С. Н. Бобылёв отмечает: «Т. Р. Мальтус фактически явился первым известным экономистом, в трудах которого природные ограничения рассматривались в качестве одного из основных факторов развития экономической системы» [6, с. 59].

Политическая экономия

От проблемы ограниченности ресурсов, которая оставалась в фокусе научного внимания Мальтуса, перейдём к рассмотрению классической политической экономии. В работах классиков экономической науки (Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл) (лимитированному) фактору земли уделяется мало внимания. Существует два объяснения данному обстоятельству.

Теоретическое объяснение может быть найдено в экономическом анализе Д. Рикардо. Рикардо заимствует у Мальтуса идею об ограниченности земли и идею о том, что долгосрочная заработная плата устанавливается на уровне, обеспечивающем простое воспроизводство рабочей силы. На основе этих двух предпосылок в работе «Начала политической экономии и налогового обложения» Рикардо формулирует гипотезу о том, что рента возникает не из-за плодородия, а из-за скудости земли [18]. Рента возникает тогда, когда в оборот вовлекаются менее плодородные участки. Продукт, полученный на старых участках сверх предельных издержек на «крайнем» участке, изымается лендлордами в качестве ренты. Поскольку лендлорды получают весь излишек, мы можем ограничить исследование анализом хозяйства на наименее плодородном участке и тем самым исключить фактор земли из рассмотрения – именно так поступил Рикардо, и именно так поступали классики после него.

После того как земля была исключена из рассмотрения, классики политической экономии сконцентрировали своё внимание на исследовании распределения добавочного продукта между собственниками фактора труда и фактора капитала. А величина произведённого продукта (Y) стала рассматриваться как функция от фактора капитала (K) и фактора труда (L) на наименее плодородном участке земли.

Прагматическое объяснение того, что классики экономической теории уделяли столь мало внимания проблеме ограниченности ресурсов, может быть найдено в работах Г. Дэйли. В работе «Economics for a Full World» Дэйли указывает на то, что человечество в XIX в. развивалось в условиях «пустого мира» (empty world) [21]. «Пустой мир» характеризуется безграничным пространством и обилием ресурсов. При этом потребление природных ресурсов незначительно в сравнении с возможностью их восстановления и существующими запасами. С точки зрения Дэйли, человечество вплоть до последней трети XX в. существовало в условиях «пустого мира». Однако в 1970-х годах обо-

стрились экологические противоречия вследствие промышленного развития прошлых десятилетий. Рост экологических угроз в последней трети XX в. ознаменовал собой переход к «полному миру» (full world). Человечество в условиях «полного мира» сталкивается с ограниченным пространством и ограниченными ресурсами. Восстановление биосферы невозможно в условиях текущего производства и потребления.

Схожее объяснение предлагает отечественный политолог, социальный мыслитель А. Б. Вебер. Он рассматривает устойчивое развитие в качестве антитезы глобализации. «Суть и смысл понятия “глобализация”, – пишет Вебер, – в фиксации пространственных параметров экспансии неолиберальной экономической модели» [8, с. 65]. Идея устойчивого развития, продолжает Вебер, «возникла в ответ на кризис индустриализма и порождённые им проблемы экологической безопасности» [8, с. 65]. Неолиберальная глобализация сопряжена с дерегулированием, пространственной и рыночной экспансией, в то время как устойчивое развитие – с регулятивными принципами, экологической устойчивостью и постматериальными ценностями.

Теория устойчивого развития выступает с критикой идей классической политической экономии. Теория устойчивого развития обращает внимание на то, что пространство и ресурсы не безграничны, что любое экономическое развитие имеет свои экологические пределы. Данный вывод становится особенно очевидным в условиях «полного мира», лишённого новых резервов [21].

Позитивизм

Первые теории социального прогресса формируются на рубеже XVIII и XIX вв. под влиянием успехов естествознания. Такое влияние обусловило преобладание в научном дискурсе «монистического, «линейного» взгляда на исторический процесс [11, с. 6]. Ведущими позитивистскими теориями считаются теория общественного прогресса О. Конта и теория эволюции Г. Спенсера.

Значительным методологическим вкладом Конта явилось разделение статики и динамики в социальных науках. Любому явлению, по мнению Конта, может быть дана статистическая или динамическая оценка. Статистическая связь позволяет объяснять явления, а динамическая – предвидеть одно на основании другого. Динамическое рассмотрение проблемы развития позволяет прийти к выводу, что прогресс является движением от хаотического (спонтанного) развития к упорядоченному (управляемому) развитию. При этом содержанием, сердцевиной такого развития является совершенствование человеческого разума. А человеческий дух выступает «...необходимым руководителем, который всегда должен направлять весь человеческий прогресс» [11].

Конт выделял три стадии развития человечества: теологическую, метафизическую, позитивную. «Согласно моей основной доктрине, – пишет Конт, – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родо-

вые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная...» [9, с. 54]. На позитивной стадии появляется такое знание об обществе, которое получено научным способом. Знание законов развития общества необходимо, чтобы предвидеть социальные события. «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы действовать» – как писал Конт.

Британский социолог и мыслитель Г. Спенсер рассматривает общество с позиции органической теории как саморегулирующуюся, самовоспроизводящую систему, которая постоянно адаптируется к изменениям окружающей среды. Общество как живой организм растёт, развивается и усложняется. При этом Спенсер критиковал простое сравнение социальных систем с биологическими системами. Так, например, символическая письменная коммуникация имеет место в обществе вследствие пространственной рассеянности индивидов, однако такой символической коммуникации нет в животном мире.

Мыслитель выделяет три вида эволюции – неорганическую, органическую, надорганическую. В работе «Синтетическая философия» Спенсер отмечает, что содержанием каждого вида эволюции является стремление к равновесию [19, с. 139]. По мнению Спенсера, все три вида эволюции являются взаимосвязанными. Деградация неорганической системы может поставить под угрозу развитие органической и надорганической систем.

Т. И. Костина и Н. М. Мамедов отмечают, что «идеи Г. Спенсера нашли поддержку спустя 80 лет в работах “Римского клуба”. Так, в докладе “Человечество на перепутье”, подготовленном под руководством М. Месаровича, развитие общества допускается только в виде “органического роста”. В концепции [устойчивого развития] также существенное значение имеют идеи динамического равновесия, гомеостазиса» [11, с. 7].

Русский космизм

Русский космизм – это сложное явление в русской философии. С одной стороны, именно в русском космизме находит своё максимальное выражение идея позитивизма о господстве разума. С другой стороны, для русского космизма характерно рассмотрение человека в качестве промежуточной стадии развития жизни. Родоначальником космической мысли является русский философ второй половины XIX века Н. Н. Фёдоров. Опубликованная после смерти работа «Философия общего дела» оказала огромное влияние на философию русского космизма. Виднейшими представителями русского космизма являются Н. Н. Фёдоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский.

Основные положения русского космизма следующие:

1. Планета Земля имеет общую судьбу с Вселенной; ещё большую общую судьбу планета Земля имеет с Солнцем и с планетами Солнечной системы.

2. Поступающая от Солнца энергия является одним из основных факторов возникновения и развития живых форм. Природные, биологические и социальные ритмы на Земле зависят от солнечной активности. Социальные явления, такие как войны, революции, обусловлены ритмами Солнца.

3. На протяжении большей части геологической истории Земли эволюция являлась медленным процессом приспособления живых форм к изменению окружающей среды.

4. На рубеже XIX–XX вв. человечество, преуспевшее в познании природы, способно перейти к сознательному управлению эволюцией, к преобразованию природы на основе глубинных потребностей разума и нравственного чувства человека.

5. Первостепенная задача состоит в том, чтобы овладеть всеми земными процессами. После этого необходимо преодолеть пространственную ограниченность Земли и перейти к освоению новых ареалов за пределами Солнечной системы.

6. Поскольку человек является промежуточной формой развития жизни, освоение космического пространства позволит человечеству познакомиться с другими высокоорганизованными существами. В конечном счёте, «в ходе эволюции со временем будет образован союз всех разумных высших существ космоса. Сначала в виде союза населяющих ближайшие солнца, затем союза союзов и так далее до бесконечности. Нравственная, космическая задача Земли – внести свой вклад в совершенствование космоса» [10, с. 244].

Отдельно остановимся на теории ноосферы русского мыслителя В. И. Вернадского. По мнению Вернадского, в связи с развитием мышления и накоплением информации начала формироваться искусственная оболочка – ноосфера. Ноосфера – это биосфера, радикально преобразованная трудом и творчеством человека. Ноосфера – это среда, в которой взаимодействие человека и природы осуществляется на основе разума.

В XX веке, по мнению В. И. Вернадского, возникли предпосылки для перехода к ноосфере. Первой такой предпосылкой является «вселенскость» человечества, т. е. «полный захват человеком биосферы для жизни»: вся Земля не только заселена и преобразована, но и используются практически все её стихии [12, с. 344]. Второй предпосылкой является «человеческое единство, [существующее] несмотря на все объективные межнациональные и социальные противоречия и конфликты» [12, с. 344]. Третьей предпосылкой является «возможность сознательного влияния [народных масс] на ход государственных и общественных дел» [12, с. 344]. И наконец, последней, но не менее важной, предпосылкой

является наука в качестве «геологической силы». «Расцвет ноосферы, по мнению Вернадского, наступит только тогда, когда станет возможным основанное на научных знаниях сознательное управление общественными процессами и взаимодействием природы и общества в глобальном масштабе» [12, с. 344].

Теория устойчивого развития заимствует у русского космизма представление о ноосфере как об особом состоянии биосферы, идею о необходимости сознательного управления социальными, политическими, экономическими процессами. Проблема ограниченности ресурсов, проблема загрязнения окружающей среды может быть решена либо посредством ограничения производства и потребления, либо путём развития технологий и науки. На наш взгляд, теория устойчивого развития предпочтению отдаёт первому способу разрешения данной проблемы. Тем самым теория устойчивого развития не определяет науку и технологию в качестве «геологической силы».

Идеалистический материализм и философия жизни

Центральным вопросом в работах русского философа (представителя идеалистического материализма) С. Н. Булгакова и французского философа (представителя философии жизни) А. Бергсона является вопрос о соотношении жизни и материи.

Булгакову импонирует мысль, которую среди многих других разделял и Маркс, о том, что экономика как наука о хозяйстве ближе других подходит к проблеме жизни и материи. «Жизнь и Материя (Мэон), – пишет Булгаков, – противостоят друг другу как два полярные начала, друг друга притягивающие, обуславливающие, но вместе с тем и взаимно отталкивающиеся» [7, с. 118]. Между жизнью и материей идёт борьба. Такую борьбу, в духе Гегеля, Булгаков трактует в качестве «симптома болезненного состояния бытия, хотя и болезни роста: сила небытия, стихия мэонического, восстала и обособилась от силы Жизни, которой, однако, она может быть покорена» [7, с. 119].

Взаимодействие материи и жизни проявляется, прежде всего, в питании. «Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только лёгкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. Мир, – продолжает Булгаков, – входит в нас чрез все окна и двери наших чувств и, входя, воспринимается и ассимилируется нами» [7, с. 119].

Однако и жизнь не остаётся в долгу перед материей, и субъект воздействует на объект. И такое активное воздействие осуществляется в производственной деятельности, в трудовой деятельности. По мнению русского философа, заслуга трудовой теории стоимости состоит в том, что «в ней с совершенно исключительной силой было выдвинуто значение трудового начала, столь недостаточно оценённое в философии» [7, с.

141]. Труд Булгаков рассматривает как момент единения субъекта и объекта. В процессе производства субъект выходит за собственные границы и помещает себя в объект.

Расширение хозяйства, по мнению Булгакова, не является грубой экспансией гордого человека. Расширение хозяйства есть расширяющийся процесс включения материи в жизнь и жизни в материю. Расширение хозяйства приводит к расширению познания жизни и материи. В хозяйстве природа, по мнению Булгакова, очеловечивается. В хозяйстве природа способна «стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нем осознавая себя» [7, с. 143].

Идеи Булгакова во многом созвучны философии А. Бергсона. Бергсон является одним из ярчайших представителей философии жизни. Для Бергсона, как и для Булгакова, характерно разделение жизни и материи. Жизнь рассматривается французским философом как «жизненный прорыв». Жизнь, по мнению Бергсона, есть единственная великая сила, единственный огромный жизненный прорыв. «Имеющееся в его работах количество сравнений жизни, – замечает Б. Рассел, – превосходит количество их у любого из известных ему поэтов» [17, с. 314]. Жизнь, пишет Бергсон, подобна снаряду, который «немедленно разрывается на куски, из которых каждый также разрывается на части, эти части снова разрываются, и так далее в течение долгого промежутка времени» [4, с. 115]. И снова: «Жизнь в её целом является как бы огромной волной, которая распространяется от центра» [17, с. 314]. Бергсон сравнивает жизнь и с кавалерийской атакой. «Все живые существа держатся вместе и все поддаются одному и тому же страшному напору. Животное опирается на растение, человек обуздывает животных, и всё человечество в пространстве и во времени – это одна огромная армия, скачущая галопом рядом с каждым из нас, впереди и позади нас в сокрушительной атаке, способная преодолеть всякое сопротивление и победить многие препятствия, может быть, даже смерть» [17, с. 314].

В пику социал-дарвинистам Бергсон утверждает, что эволюция не может рассматриваться как процесс приспособления к окружающей действительности. Бергсон не разделяет ни алармистские представления о том, что деградация окружающей среды создаёт угрозу для жизни, ни сциентистские представления о линейной адаптации экономики к изменениям окружающей среды. По мнению Бергсона, эволюция – это всегда творческий процесс, «жизненный прорыв», который не уместается в линейную схему адаптации.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что теория устойчивого развития описывает взаимодействие хозяйства (жизни) и окружающего мира (материи) в категориях причины и следствия. Так, например, причиной глобального потепления называются антропогенные выбросы CO_2 . Для Булгакова и Бергсона характерно рассмотрение взаимодействия жизни и материи не столько в категориях причины и следствия, сколько в категориях вдохновения жизни в безжизненную материю. Как писал Булгаков, «вся практика взаимодействия я и не-я устанавли-

валяет реальность внешнего мира и заполняют пустую и холодную область не-я силой, теплом, телами, превращает мираж не-я в природу, а вместе с тем и само я помещает в природе, органически сливая я и не-я в единое мироздание» [7, с. 124]. На наш взгляд, теория устойчивого развития способна обогатить свой анализ, если примет во внимание наследие Булгакова и Бергсона.

Общество риска

Ещё одна теоретическая концепция, важная в контексте рассматриваемой проблематики, – теория общества риска, автором которой является немецкий социолог, социальный мыслитель У. Бек. Общество позднего модерна, или рефлексивного модерна, по мнению Бека, сталкивается с новыми рисками, такими как ядерные, экологические, технологические и финансовые риски. «Отдельные национальные институты – констатирует Бек, – не способны регулировать глобальный капитализм и отвечать на вызовы, которые порождены глобальными рисками» [20, с. 140].

Новые риски отличает то, что они нарушают «четыре опоры вычисления рисков» – компенсацию, ограничение, безопасность и вычисление [3, с. 166]. Новые риски характеризуются малой вероятностью наступления, но катастрофическим потенциалом разрушения. В случае реализации наихудшего сценария «бедствие становится событием, имеющим начало и не имеющим конца» [3, с. 166].

Хотя новые риски представляют собой негативные последствия индустриализации, они не могут быть устранены с помощью имеющихся знаний, поскольку причины и последствия таких рисков лишь частично поняты. Типичная стратегия управления рисками – страхование, не применима в отношении новых рисков. Общество классического модерна справлялось с рисками с помощью страхования. В случае с новыми рисками, ущерб от которых катастрофически велик, принцип страхования оказывается неприменим.

Помимо того, что новые риски являются неисчисляемыми, они также являются неосозаемыми. В свете этого Бек пишет, что старые индустриальные (осозаемые) риски «раздражали глаза и нос, т. е. воспринимались органами чувств» [2, с. 24]. Новые (неосозаемые) риски недоступны непосредственному восприятию органами чувств. Концентрацию ядовитых веществ в воздухе, воде, продуктах невозможно определить с помощью органов осязания или обоняния. Следовательно, для их восприятия требуются специальные «органы» – эксперименты, теории. Угроза радиоактивности – это не что-то осязаемое, угроза радиоактивности – это прежде всего представление об этой угрозе.

Новые риски отличают скрытые негативные побочные эффекты, которые кумулятивно накапливаются в организме животных, людей и социальных систем. Такие побочные эффекты не представляют собой

область фактических данных, с которой привыкла работать наука. В идентификации побочных эффектов на передний план выступает проблема дефиниций. В вопросе: «Что является риском, а что им не является?» – существует множество конкурирующих точек зрения. Определение риска в связи с этим становится сферой борьбы различных дефиниций.

Учёные, отмечает Бек, всё чаще подвергаются критике со стороны общественности. В ответ на это они предъявляют к собственным исследованиям всё более строгие требования качества, повышают теоретико-методологические стандарты. Парадоксальным является тот факт, что чем выше критерии научности, тем шире становится круг рисков, не изученных учёными. То, что учёные не исследовали, а тем самым не ограничили в виде предельных величин, «не считается ядом и может свободно и беспрепятственно вводиться в обращение» [2, с. 80]. В связи с этим противостояние экспертизы и контрэкспертизы, по мнению У. Бека, должно быть заменено на сотрудничество естественно-научной и социальной рациональности. Ведь «научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп» [2, с. 35].

Теория устойчивого развития рассматривает экологические угрозы в качестве дискретных событий. На наш взгляд, эти события имеют вероятностный характер, и именно поэтому экологические угрозы должны рассматриваться как риски. Теория «общества риска» акцентирует внимание на новых рисках. В отношении новых рисков ранее эффективные стратегии управления «старыми» индустриальными рисками (страхование, ограничение) перестают работать.

Системная теория

Системная теория Н. Лумана, по нашему мнению, также имеет значение для рассматриваемой проблемы. Современное общество, с точки зрения Лумана, – это общество функционально-дифференцированное. Оно состоит из независимых систем, таких как экономика, политика, право, наука и т. д. Каждая из этих систем является оперативно-замкнутой и аутопоэзийной. Каждая система функционирует вокруг некоторого кода. Кодом экономики является транзакция, кодом политики – власть, кодом науки – истина. Наука представляет собой такую коммуникативную систему, где каждая «истинная» коммуникация «подключается» к предыдущей «истинной» коммуникации и делает возможным последующие «истинные» коммуникации. Вопросы экологии, по мнению Лумана, не являются зоной компетенции ни одной из систем общества.

Если отдельные системы общества (экономика, политика, право, наука) являются оперативно-замкнутыми, то это означает, что отсутствует единый центр, который осуществлял бы управление отдельными системами общества. Одним из следствий «отсутствия единого центра» является то, что если выходит из строя одно из специфических функци-

ональных условий, то это невозможно нигде компенсировать... Ни одна система не может “выручать” другую в аварийном случае... Так, если бы право стало бы нереализуемым или деньги перестали бы приниматься, то и другие функциональные системы были бы поставлены перед едва ли разрешимыми проблемами» [13, с. 179].

Как бы политики ни заигрывали с экологической повесткой, утверждает Луман, вопросы защиты окружающей среды не представляют интереса для политиков, поскольку решение экологических вопросов не способствуют ни завоеванию, ни удержанию власти. Поскольку ни одна из функционально-дифференцированных систем общества не является компетентной в решении проблемы загрязнения окружающей среды, данная проблема хронически не решается.

Однако на периферии социальной жизни данная проблема подхватывается протестными движениями. И здесь мы не должны недооценивать значение экологических движений. О. В. Аксенова и И. А. Халий обращают внимание, что «экологические движения заставили государства принимать жёсткие ограничения на выброс вредных веществ. Промышленные компании сопротивлялись давлению населения и государства одновременно, поскольку средоохранные меры требовали значительных затрат» [1, с. 21]. Авторы отмечают, что под давлением экологических движений происходит экологическая модернизация, смысл которой заключается во внедрении «низкозатратных управленческих и организационных инноваций, которые позволяли не только снижать загрязнения, но и экономить ресурсы и тем самым увеличивать доход» [1, с. 21].

Для социальных протестных движений, как указывал Луман, особую важность представляют две темы: «тема внутреннего равенства, которая выявляет неравенства... [и тема] внешнего равновесия, которая показывает общество в состоянии экологического неравновесия. Обе [темы] являются утопическими формами, так как неравенство и неравновесие суть как раз то, что характеризует систему... обе формы гарантируют, в принципе, неисчерпаемый резервуар для тем» [13, с. 278].

Особое положение экологических тем в протестных движениях объясняется тем, что в них сочетаются следующие факторы: «большие количества [участников, сообщений], постоянный “приток” катастроф... идеологические и политические конфликты по поводу должного отношения к делу. К этому добавляются локальные и в то же время сверхлокальные связи, индивидуальная уязвимость для угроз и вездесущие невидимые формы угроз (радиоактивность, секретные фабрики, невидимые химические вещества)» [13, с. 539].

«Ничто не говорит в пользу того, что протестные движения лучше знают или правильнее оценивают окружающий мир – чем это делают другие системы общества» [13, с. 256]. Однако именно такая иллюзия позволяет протестным движениям создавать определённую коммуникацию, определённый дискурс, который без них не возник бы. Иными словами, протестные движения помимо преследования декларируемых целей занимаются описанием общества.

Луман приходит к нескольким выводам. Первый его вывод состоит в признании того, что в современном обществе отсутствует единый центр, который осуществлял бы руководство отдельными подсистемами. Второй вывод состоит в том, что для протестных движений проблема загрязнения окружающей среды является неисчерпаемой темой. На наш взгляд, теория устойчивого развития должна осмыслить оба этих вывода. Вывод об отсутствии единого центра должен быть осмыслен в том ключе, что следовало бы перестать искать виновных в загрязнении окружающей среды и перестать апеллировать к государству как к субъекту, способному решить экологические проблемы. Теория устойчивого развития должна учесть и вывод о том, что протестные движения создают определённое описание действительности. И если теория устойчивого развития хочет позиционировать себя как научную теорию, ей необходимо дистанцироваться от эмоционально заряженного описания, создаваемого протестными движениями.

Новейшие исследования устойчивого развития

К числу наиболее интересных разработок, актуальных для рассматриваемой нами проблематики, можно отнести, например, работу британского социального мыслителя Р. Рида «Economics is philosophy, economics is not science».

Рид рассматривает зелёную экономику в тесной связи с теорией благосостояния. Экологическая экономика, пишет британский исследователь, способна привнести «в теорию благосостояния, если вам так нравится, истинное благосостояние всего мира, в т. ч. благосостояние людей» [22, с. 312]. Экологическая экономика «стремится найти экономически обоснованные и действенные способы включения в экономические расчёты стоимости тех благ, которые ранее оставались не учтёнными» [22, с. 313]. Экономика окружающей среды исследует случаи неэффективного использования ресурсов.

Рид задаётся вопросом, какова цена загрязнения окружающей среды? Британский мыслитель считает, что у человеческой жизни, у чистой природы нет цены. Их ценность не может быть выражена в денежных средствах. «Экономисты, выступающие за углеродную торговлю и аналогичные устройства, – пишет Рид, – замешаны в понижении морального тонуса общественной жизни. Понижение морального тонуса общественной жизни сопровождается разрушением экосферы» [22, с. 315].

Любое экономическое (монетарное) решение, по мнению Рида, уводит нас «от экономики, которая должна работать на благо человеческим потребностям» [22, с. 315]. Решение проблем загрязнения окружающей среды, по мнению Рида, «является результатом демократических решений, а не результатом решений корпораций и богатых» [22, с. 315].

Выработка демократических решений является вызовом, стоящим перед человечеством. Как оценить негативные последствия от загрязнения окружающей среды? Как сопоставить издержки и выгоды в разные периоды времени? Как изменяется благосостояние человека? Можем ли мы измерить благосостояние всего общества?

Рид утверждает, что указанные вопросы являются политическими. «Это политика, – пишет Рид, – экономика окружающей среды потерпит неудачу в научном дискурсе и в обыденной жизни, если будет утверждать себя в качестве науки. Зелёная экономика есть и должна быть политической экономией и философским предприятием» [22, с. 316].

К схожим выводам приходит и современный шведский исследователь Питер Содербаум. В статье «Towards Sustainability Economics: Principles and Values» он отмечает, что проблема устойчивого развития должна «рассматриваться в рамках [более] плюралистической философии» [23, с. 205]. И хотя экономическая теория имеет важное значение в движении к устойчивому развитию, мейнстрима экономики в лице неоклассической экономической теории явно недостаточно, более того, «тенденция полагаться на данную теорию – сама является частью проблемы» [23, с. 205]. В своей работе Содербаум обосновывает необходимость замены неоклассических моделей «экономического человека» и «экономической организации» на модели «политико-экономического человека» и «политико-экономической организации». В конечном счёте, шведский мыслитель приходит к выводу, что «устойчивость – это общественный и политический вопрос, [и в данном вопросе] демократия (а не рынки) является основным источником правил» [23, с. 218].

Заключение

Нами был дан обзор социально-философских оснований теории устойчивого развития. Проведённый анализ показал, что истоки теории устойчивого развития находятся в учении физиократов (Ф. Кенэ и др.). Именно физиократы впервые стали рассматривать землю, как обладающую плодородными свойствами. А в наши дни теория устойчивого развития рассматривает природные ресурсы, как обладающие полезностью для человека. Не меньшее интеллектуальное влияние на теорию устойчивого развития оказали идеи Т. Мальтуса о природных ограничениях экономического роста.

И позитивисты, и русские космисты разделяли представление о том, что на определённом этапе своего развития человечество способно перейти к сознательному управлению эволюцией. Биосфера, в которой осуществляется рациональное управление биологическими, экологическими, социальными, политическими, экономическими процессами, становится ноосферой. Идея о сознательном управлении процессами на Земле становится точкой соприкосновения позитивизма, космизма и теории устойчивого развития.

По отношению к ряду концепций прошлого теория устойчивого развития выступает с критических позиций. Так, теория устойчивого развития критикует классиков экономической теории (Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл) за то, что они уделяли мало внимания проблеме ограниченных ресурсов. Г. Дэйли обращает внимание на то, что до последней трети XX в. человечество существовало в условиях «пустого мира» (с безграничным пространством и обилием ресурсов). Однако в последней трети XX в. состоялся переход к «полному миру». В связи с этим переходом некоторые идеи классиков экономической теории потеряли свою актуальность. А это означает, что необходимо создавать новую политическую экономию, актуальную для экономики в условиях «полного мира», в котором больше нет новых резервов.

Ряд рассмотренных нами теорий разрабатываются в смежных областях по отношению к теории устойчивого развития. К таким теориям можно отнести:

1. Исследования С. Н. Булгакова и А. Бергсона о соотношении жизни и материи. По мнению С. Н. Булгакова и А. Бергсона, взаимодействие жизни и материи не может быть описано в категориях причины и следствия. Взаимодействие жизни и материи должно описываться в терминах вдохновения жизни в безжизненную материю.

2. Исследования, рассматривающие экологические угрозы в качестве «новых рисков». Новые риски принципиально отличаются от индустриальных рисков, которые «раздражали глаза и нос». Новые риски отличаются тем, что их невозможно измерить. Новые риски – неосязаемые. Новые риски все меньше зависят от наших органов чувств и все больше зависят от экспертного знания.

3. Исследования экологических угроз в функционально-дифференцированном обществе. В современном обществе отдельные подсистемы (экономика, политика, наука и др.) не обладают необходимыми компетенциями для решения экологических проблем. В современном обществе также отсутствует единый центр, способный мобилизовать отдельные подсистемы на решение экологических проблем. Хроническое пренебрежение экологической проблематикой приводит к тому, что она становится темой протестных движений.

На наш взгляд, теория устойчивого развития способна значительно обогатить свой анализ учётом с перечисленных выше концептов.

Новейшие исследования устойчивого развития приходят к выводу, что вопросы охраны окружающей среды находятся на стыке различных областей. Решение экологических проблем, по мнению ряда современных авторов, должно вырабатываться демократическим способом, поскольку устойчивость – это общественный и политический вопрос. А «экономика окружающей среды потерпит неудачу в научном дискурсе и в обыденной жизни, если будет утверждать себя в качестве науки» [22, с. 316], а не в качестве философского предприятия.

Проведённый нами анализ позволяет сделать вывод о том, что теория устойчивого развития является открытым интеллектуальным проектом, черпающим вдохновение из разных источников. Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что сама проблема устойчивого развития находится на стыке нескольких дисциплин.

На наш взгляд, дальнейшие исследования могут быть посвящены методологии изучения устойчивого развития, а также анализу взаимосвязи устойчивого и цифрового развития.

Библиографический список

1. Аксенова О. В., Халий И. А. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 13–26. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.492
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 161–168.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / 4-е изд., пер. с англ. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.
6. Бобылев С. Н. Экономика устойчивого развития: учебник. М.: КНОРУС, 2021. 672 с.
7. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
8. Вебер А. Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 52–75. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.494
9. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
10. Концепции современного естествознания: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2006. 317 с.
11. Костина Т. И., Мамедов Н. М. Основания концепции устойчивого развития. URL: http://cawater-info.net/ecoindicators/pdf/kostina_mamedov.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
12. Культурология. Энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. 1390 с.
13. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Пер. с нем. / Б. Скуратов. Кн. 5: Самоописание. Пер. с нем. / А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. 640 с.

14. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. М.: Директ-Медиа, 2014. 204 с.
15. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по охране окружающей среды и развития. 4 августа 1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 09.03.2022).
16. Петти У. Трактат о налогах и сборах. Verbum sapienti – слово мудрым. Разное о деньгах. М.: Ось-89, 1997. 112 с.
17. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Кн. 2. М.: МИФ, 2003. 512 с.
18. Рикардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения / Пер. с англ.; предисл. П. Ключкина. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.
19. Спенсер Г. Синтетическая философия / Пер. с англ. П. В. Мокиевского. К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
20. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity the cosmopolitan turn in social and political theory and research // *British Journal of Sociology*. 2010. № 6 (35). P. 469–471.
21. Daly H. Economics for a Full World // *Great Transition Initiative*. 2015. June. P. 1–16.
22. Read R. Economics is philosophy, economics is not science // *International Journal of Green Economics*. 2007. № 3–4 (1). P. 307–325.
23. Söderbaum P. Towards sustainability economics: Principles and values // *Journal of Bioeconomics*. 2007. № 3 (9). P. 205–225.

Получено редакцией 23.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Закиров Ислам Зуфарович, аспирант кафедры прикладной институциональной экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.796

EDN: SCUIOT

On the Question of the Philosophical and Methodological Foundations of the Theory of Sustainable Development in the Social Sciences

Islam Z. Zakirov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: zakirov4p@gmail.com

For citation: Zakirov I. Z. On the question of the philosophical and methodological foundations of the theory of sustainable development in the social sciences. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 200–219. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.796; EDN: SCUIOT

Abstract. The article presents an analytical review of the main theoretical concepts underlying the now very popular theory of sustainable development. The report of the World Economic Forum “The Global Risks Report 2021” noted that environmental risks are the main challenge for the world economy. In connection with the intensification of

environmental risks, the ideas of sustainable development become of particular relevance. For the first time the concept of “sustainable development” was used in 1980 in the “World Conservation Strategy”. However, the problem of sustainable development itself has been actively studied both in Russia and abroad since the 1970s. Currently, the study of sustainable development has an interdisciplinary nature. The purpose of this work is to identify the socio-philosophical and political and economic foundations of the theory of sustainable development. The scientific significance of this work is due to the wide coverage of the concepts under consideration (philosophical, sociological, political economy). The theoretical analysis carried out by the author made it possible to establish that the origins of the theory of sustainable development lie in the teachings of the physiocrats (F. Quesnay and others) about the fertile properties of the earth and T. Malthus about the limited nature of natural resources.

The positivist theories of progress (A. Comte, H. Spencer) are another source of the theory of sustainable development. The problem of sustainable development finds a unique refraction in the works of S. N. Bulgakov and A. Bergson, who studied the relationship between life and matter, in the works of U. Beck, who studied the “risk society”, and in the works of N. Luhmann, who considered the problem of ecological imbalance through the prism of the systems theory.

The classics of political economy (D. Ricardo, K. Marx, A. Marshall) paid little attention to the problem of limited resources.

According to the modern American social thinker H. Daly, the work of the classics of political economy fell on the stage of the Industrial Revolution, when humanity existed in an “empty world” (with unlimited space and an abundance of resources). The transition to a “full world” that took place in the last third of the 20th century marked a rejection of the idea of limitless space and abundance of resources. The main conclusion of the author’s analysis of the literature is that the theory of sustainable development is an open intellectual project that draws its inspiration from various sources. The presented analysis also helps to understand the logic of the latest research, according to which the theory of sustainable development should become not so much a scientific as a socio-philosophical and political enterprise.

Keywords: sociology, social sciences, sustainable development, organic development, noosphere, limited resources, environmental risks, environmental movements

References

1. Aksenova O. V., Khaliy I. A. Modern development. Towards designating a research topic. *Vestnik instituta sotziologii*. 2018; 9: 1: 13–26 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.492
2. Beck U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society, Towards a New Modernity]. Transl. from Ger. by V. Sedelnik, N. Fedorov; afterword by A. Filippova. Moscow, Progress-Tradiciya, 2000: 381 (in Russ.).
3. Beck U. From Industrial Society to the Risk Society. *THESIS*, 1994; 5: 161–168 (in Russ.).
4. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat' [Creative Evolution. Matter and Memory]. Transl. from Fr. Minsk, Kharvest, 1999: 1408 (in Russ.).
5. Blaug M. Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic Theory in Retrospect]. 4 ed. Transl. from Eng. Moscow, Delo, 1994. 687 (in Russ.).
6. Bobylev S. N. Ehkonomika ustojchivogo razvitiya: textbook [Economics of sustainable development: a textbook]. Moscow, KNORUS, 2021: 672 (in Russ.).
7. Bulgakov S. N. Filosofiya khozyajstva [Philosophy of economy] Ed. by O. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2009: 464 (in Russ.).
8. Veber A. B. The paradoxes of modern development: Mankind on the edge of a historic bifurcation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2018; 9: 1: 52–75 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.494
9. Comte A. Dukh pozitivnoy filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The Spirit of Positive Philosophy: The Word of Positive Thinking]. Rostov on Don, Feniks, 2003: 256 (in Russ.).
10. Koncepcii sovremennogo estestvoznaniya [Concepts of modern natural science: Textbook for universities]. Ed. by prof. V. N. Lavrinenko, prof. V. P. Ratnikova. 3 ed, revised and expanded. Moscow, UNITI-DANA, 2006: 317 (in Russ.).
11. Kostina T. I., Mamedov N. M. Osnovaniya koncepcii ustojchivogo razvitiya [The foundations of the concept of sustainable development]. Accessed 09.03.2022. URL: http://cawater-info.net/ecoinicators/pdf/kostina_mamedov.pdf (in Russ.).
12. Kulturologiya. Ehnciklopediya [Cultural studies. Encyclopedia: in 2 volumes]. Ed. by S. Ya. Levit. Moscow, ROSSPEHN, 2007: 1: 1390 (in Russ.).

13. Luman N. Society of society. Chapter 4: Differentiation. Transl. from Ger. by B. Skuratov. Chapter 5: Self-Description. Transl. from Ger. by A. Antonovsky. B. Skuratov, K. Timofeeva. Moscow, Logos, 2011: 640 (in Russ.).
14. Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population. Moscow, Direkt-Media, 2014: 204 (in Russ.).
15. Nashe obshcheye budushcheye: Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okhrane okruzhayushchey sredy i razvitiya [Our Common Future. The report of the World Commission on Environment and Development]. August 4, 1987. Accessed 09.03.2022. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (in Russ.).
16. Petty W. A Traktat o nalogakh i sborakh. Verbum sapienti – slovo mudrym. Raznoye o den'gakh [Treatise of Taxes, Verbum sapienti – Word to the Wise. Quantulumcunque Concerning Money]. Moscow, Os-89, 1997: 112 (in Russ.).
17. Russell B. A History of Western Philosophy. In two volumes. Vol. 2. Transl. from Eng. Moscow, MIF, 2003: 512 (in Russ.).
18. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Transl. from Eng. and foreword by P. Klyukin. Moscow, Ehksmo, 2016: 1040 (in Russ.).
19. Spencer H. Sinteticheskaya filosofiya [System of Synthetic Philosophy]. Transl. from Eng. by P. V. Mokievsky. Kyiv, Nika-Centr, 1997: 512 (in Russ.).
20. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity the cosmopolitan turn in social and political theory and research. *British Journal of Sociology*, 2010: 6 (35): 469–471.
21. Daly H. Economics for a Full World. *Great Transition Initiative*, 2015: June: 1–16.
22. Read R. Economics is philosophy, economics is not science. *International Journal of Green Economics*, 2007: 3–4 (1): 307–325.
23. Sцnderbaum P. Towards sustainability economics: Principles and values. *Journal of Bioeconomics*, 2007: 3 (9): 205–225.

The article was submitted on: March 23, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Islam Z. Zakirov, postgraduate student of the Department of Applied Institutional Economics, Lomonosov Moscow State University

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>